

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 17 (139)

Academic Journal

Series:
Historical Studies
Regional and Local History

Moscow
2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 17 (139)

Научный журнал

Серия «Исторические науки.
Региональная история.
Краеведение»

Москва
2014

УДК 908(05)
ББК 63я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Серия «Исторические науки.
Региональная история. Краеведение»

Редакционная коллегия:
В.Ф. Козлов – отв. редактор
К.А. Смирнова – отв. секретарь
Э.Г. Истомина
А.Г. Смирнова
Е.Л. Чернова

Номер подготовили:
В.Ф. Козлов
Е.Л. Чернова
К.А. Смирнова

СОДЕРЖАНИЕ

Церковное краеведение

В.Ф. Козлов

Из истории церковного краеведения начала XX в.
(Московское общество любителей духовного просвещения
и его Церковно-археологический отдел как центр изучения
памятников церковной старины) 9

М.В. Артюшенко

И.Е. Забелин и Донской монастырь: по переписке об издании
«Исторического описания Московского ставропигиального
Донского монастыря» (1865, 1893) 30

А.С. Жукова

Церковно-приходская школа при храме святителя Николая в Пыжах
в истории и культуре Москвы (1884–1918 гг.) 45

К.А. Смирнова

Храм Спаса Преображения в Преображенском: История.
Мемориальный характер 57

М.Д. Ковалева, М.В. Шипунова

Комитет попечительства о русской иконописи (1901–1918):
история и деятельность 70

Е.Л. Чернова

К истории противостояния патриаршей Церкви
и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.) 81

Методика и практика краеведческих исследований

С.И. Баранова

К истории изучения и сохранения московского
архитектурного изразца XVII в. 90

<i>Д.О. Плахута</i> Первая Омская крепость (1716–1768 гг.): этапы строительства, картография	101
<i>А.М. Пашков</i> Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII – середины XIX в.	113
<i>А.С. Сироткин</i> Чума в Москве в 1770–1772 гг. и санитарные меры правительства и московских властей	130
<i>В.В. Павленко</i> Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г.: год спустя	142
<i>М.С. Дроздов, Е.Н. Маслов</i> Из истории одного московского купеческого рода: Е.П. Свешников (попытка реконструкции биографии)	154
<i>Э.Г. Истомина</i> Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны	169
<i>Т.В. Бабанин</i> Укрупнение воинских захоронений в 1940–1960-е гг. и проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области)	185

Историографическое наследие

<i>К.А. Смирнова</i> Московская Преображенская старообрядческая община в 1918–1919 гг. (документальное наследие из фондов Центрального государственного архива Московской области)	199
<i>А.Г. Смирнова</i> «Опыты построения п/отдела города» (из документального наследия И.М. Гревса)	225
Abstracts	241
Сведения об авторах	250

CONTENTS

Church local history

V. Kozlov

- From the history of the church local history of the early XX century
(Moscow Society of fansiers of spiritual enlightenment
and its Church archaeology department as a centre
of learning of monuments of ecclesiastical tradition) 9

M. Artyushenko

- I.E. Zabelin and Donskoy Monastery (on the correspondence
of the publication of “Historical description of Moscow Stauropigial
Donskoy Monastery” (1865, 1893)) 30

A. Zhukova

- Parish school at St. Nockolas' Church in Pyzhy in the culture
and history of Moscow (1884–1918) 45

K. Smirnova

- The temple of the Saviour of Preobrazheniya in Preobrazhenskoe.
History. Memorial character 57

M. Kovaleva, M. Shipunova

- Committee guardianship of Russian iconography (1901–1918):
history and activities 70

E. Chernova

- The history of conflict between patriarchal church
and renovationist movement in Moscow (1923–1924) 81

Methodology and practice of local history studies

S. Baranova

- The history of research and collecting of Moscow
architectural tiles of the XVII century 90

<i>D. Plakhuta</i>	
The First Omsk fortress (1716–1768): the stages of construction, cartography	101
<i>A. Pashkov</i>	
Marfa Ivanovna Romanova's exile to Zaonezhie Peninsula in historical memory and local historiography of Karelia residents from XVII to the middle of XIX century	113
<i>A. Sirotkin</i>	
Plague in Moscow in 1770–1772, the sanitary measures of the Government and the Moscow authorities	130
<i>V. Pavlenko</i>	
The centenary of the Patriotic War of 1812. A year later	142
<i>M. Drozdov, E. Maslov</i>	
From the history of one of the Moscow merchant family. H.E. Sveshnikov (an attempt to reconstruction of the biography)	154
<i>E. Istomina</i>	
Forestry of provinces in the European Russia in the XIX – the beginning of XX centuries: management arrangements and protection	169
<i>T. Babanin</i>	
“Consolidation” of military graves in 1940–1960s and the problems of perpetuating the memory of fallen defenders of the fatherland (on the materials of military cemetery in the village of Sergeitsevo, Pustoshkinsky district of the Pskov region)	185

Historiographical heritage

<i>K. Smirnova</i>	
Moscow Preobrazhenskaya old believers community in 1918–1919 (the documentary heritage from the archive stocks of Central State Archive of Moscow region)	199
<i>A. Smirnova</i>	
“The experiences of the construction of the city department” (from the documentary heritage of I.M. Grevs)	225
Abstracts	241
General data about the authors	252

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ НАЧАЛА XX в.

(Московское общество любителей духовного просвещения и его Церковно-археологический отдел как центр изучения памятников церковной старины)

Статья посвящена деятельности Церковно-археологического отдела (1900–1918 гг.) Московского общества любителей духовного просвещения по изучению и сохранению памятников церковной старины (иконы, церковная утварь, церковное зодчество и т. д.). Кратко приводится предыстория возникновения Отдела, его направления и формы деятельности, результаты. Самостоятельное значение имеет составленный автором «Перечень...». Делается вывод о том, что почти за два десятилетия своего существования ЦАО внесло значительный вклад в развитие церковного краеведения, а также в изучение, сохранение и популяризацию церковных памятников старины. Некоторые формы работы ЦАО были использованы в 1920-е гг. в памятникоохранительной и иной деятельности центральных государственных реставрационных мастерских и комиссии «Старая Москва».

Ключевые слова: Московское общество любителей духовного просвещения, Церковно-археологический отдел, охрана памятников церковной старины, церковное краеведение начала XX в., Н.А. Скворцов, Н.Д. Извеков.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со времени основания Московского общества любителей духовного просвещения (ОЛДП) – главного церковного общественного объединения не только Москвы, но и императорской России. Жаль, что этот юбилей прошел почти незамеченным и для Церкви и для светских краеведов и региональных историков. Как писал в 1997 г. автор, «по объему сделанного за полувековой период деятельности ОЛДП можно сравнить только со знаменитым Императорским Московским археологическим обществом. Это церковно-общественное объединение выдвинуло целую плеяду церковнослужителей, замеча-

тельных знатоков, исследователей и популяризаторов московской православной старины»¹. Но если о Московском археологическом обществе, возникшем в 1864 г., сравнительно хорошо известно по современным публикациям, то о деятельности ОЛДП по изучению церковных памятников написано совсем мало. Главным трудом по истории Общества в целом является большая статья Н.Д. Извекова, напечатанная в 1913 г. к 50-летию ОЛДП в «Чтениях Общества любителей духовного просвещения» (ЧОЛДП) и вышедшая отдельным оттиском².

Деятельность ОЛДП отличалась необычайным разнообразием и масштабностью. В структуре Общества были отделы: публичных богословских чтений, законоучительный, внебогослужебных собеседований, распространения духовных нравственных книг и др. В разное время членами Общества были известные ученые и общественные деятели: И.С. Аксаков, Е.В. Барсов, Н.И. Барсуков, И.М. Бодянский, С.М. Соловьев, И.И. Срезневский, практически все, кто занимался церковной историей. Памятниками деятельности ОЛДП стали издаваемые им повременные и периодические издания: «Воскресные беседы» (М., 1868–1917), «Московские церковные ведомости» («МЦВ»; М., 1880–1918), «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» (М., 1863–1917), «Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины» (М., 1904–1911. Т. 1–4). Периодика Общества – уникальные исторические источники о деятельности и ОЛДП и его отделов, а главное, по истории епархий, в основном Московской, а также местных церковных памятников старины: икон, церковной утвари, храмов, монастырей и т. д.

Особенный интерес представляет последний этап деятельности ОЛДП (1900–1918), когда во многом благодаря образованному в 1900 г. в структуре Общества Церковно-археологическому отделу (ЦАО) интенсивность и эффективность изучения местных памятников церковной старины резко возросла. Настоящая публикация как раз и посвящена изучению деятельности ЦАО в области церковного краеведения. Для понимания причин и мотивов создания ЦАО кратко обозначим, как происходило становление и развитие в ОЛДП в 1863–1900 гг. дела по изучению памятников церковной старины³.

Собственно история ОЛДП началась с организации в 1863 г. епархиальной библиотеки, регулярно пополнявшейся целыми большими собраниями личных библиотек московских священников. В 1913 г. епархиальная библиотека насчитывала более 30 тыс. томов книг и журналов, а также около 1300 рукописей, в числе которых

были и раритеты XV–XVI вв. Главная церковная библиотека Москвы была публичной, в ней работали и церковные, и светские ученые.

Обществу «повезло» с председателями, много времени и усилий уделявшими теме церковной археологии. С 1894 по 1902 г. председателем Общества был протоиерей Зачатьевской, что в Углу церкви (Китай-город), М.С. Боголюбский, всю жизнь занимавшийся собиранием, изучением и публикацией материалов по историческому описанию церквей и монастырей Московской епархии.

В структуре ОЛДП в разное время действовали различные отделы, комитеты, комиссии, занимавшиеся изучением, популяризацией и даже охраной памятников церковной старины. Уже в 1869 г. по инициативе церковного археолога и художника Д.М. Струкова при Епархиальной библиотеке был образован отдел иконоведения, в котором стали изучать древние памятники станковой и монументальной иконописи и собирать старинные иконы.

С 1870-х гг. члены Общества стали активно изучать историю древних храмов и публиковать «историко-археологические и историко-статистические описания» храмов и монастырей. Членами ОЛДП архимандритом Григорием (Воиновым), Н.А. Копьевым, Н.П. Розановым, В.Ф. Рудневым, И.Ф. Токмаковым, В.И. и Г.И. Холмогоровыми и другими были опубликованы основанные на архивных материалах описания многих московских храмов.

В 1889 г. в структуре ОЛДП был создан Комитет для урегулирования работ по составлению и изданию историко-статистического описания церквей и приходов Московской епархии. Председателем Комитета стал упомянутый выше М.С. Боголюбский. На страницах «Московских церковных ведомостей» был опубликован разработанный членами Комитета план-схема описания храма с описаниями замечательных по старине икон, церковной утвари, надгробных памятников и т. д. Была составлена и детальная программа «общего историко-статистического обзора Московской епархии», включавшая историю церковного управления, духовного образования, благотворительности.

В 1896 г. Комитет стал именоваться Историко-археологическим отделом, а при нем была создана редакционная комиссия по составлению историко-статистического описания Московской епархии. Последнее крупное преобразование произошло в октябре 1900 г., когда в результате слияния двух отделов – иконоведения и историко-археологического был создан новый – Церковно-археологический (ЦАО). В задачи нового подразделения входила не только подготовка историко-статистического описания епархии,

но и разработка вопросов церковной истории, литургики, иконографии, учета древних памятников, хранящихся в храмах. Для решения этих задач в 1902 г. при ЦАО была создана Комиссия по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Председателем Комиссии назначили известного специалиста по церковному искусству, основателя и первого директора Московского археологического института А.И. Успенского. Каждый член Комиссии должен был произвести тщательный осмотр определенных храмов по особой программе, доложить об этом на заседании, а затем отдать текст для публикации. В течение семи лет было издано четыре тома трудов Комиссии, в которые вошло более 60 статей, написанных по материалам осмотра храмов⁴.

На ежемесячных заседаниях ЦАО заслушивались от одного до трех рефератов (докладов) по проблемам истории храмов, иконографии, жизни и деятельности священнослужителей, церковным юбилеям, а также богословским вопросам. Только за 1900–1913 гг. на 96 заседаниях ЦАО было заслушано 204 реферата. На страницах «Московских церковных ведомостей» и «ЧОЛДП» регулярно печатались повестки дня и краткие и пространные обзоры заседаний. Лишь небольшая часть рефератов в виде обширных статей публиковалась в «МЦВ» и «ЧОЛДП».

Выдающимся, пожалуй, самым известным председателем ЦАО был протоиерей кремлевского Благовещенского собора Н.Д. Извеков, а в 1908 г. вместо него Отдел возглавил протоиерей храма Св. Георгия на Красной Горке Н.А. Скворцов. Церковная Москва знала нового председателя по его многочисленным трудам в области истории исчезнувших московских храмов. Н.А. Скворцов окончил Московскую духовную семинарию и Московский археологический институт, затем читал в последнем курс «Археология и топография Москвы» (издан как учебное пособие в 1913 г.). Н.А. Скворцов был убит грабителями на пороге своего дома у Святодуховского храма на Лазаревском кладбище⁵.

ЦАО не прекращал свои заседания и в драматичном 1918 г. В апреле 1918 г. на последнем известном нам заседании Отдела выступил известный москвовед П.Н. Миллер, в будущем председатель широко известной в 1920-е гг. комиссии «Старая Москва», занимавшейся охраной памятников. Примечательно, что здесь вслед за Миллером выступил Д.К. Тренев с докладом, касающимся организации охраны церковных исторических ценностей. Таким образом, ЦАО в последние дни и недели своего существования также искал пути спасения гибнущего культурного наследия. Деятельность ЦАО, как, собственно, и ОЛДП и других церковно-общественных организаций,

пресеклась в середине 1918 г. У ОЛДП был отобран Епархиальный дом в Лиховом переулке, где с 1903 г. проходили многие заседания ЦАО. Позже удалось перевезти в Румянцевский музей часть документального наследия Общества. Ныне в НИОР РГБ хранятся сравнительно небольшие фонды упоминаемых выше М.С. Боголюбского (Ф. 34), Н.А. Скворцова (Ф. 275), ОЛДП (Ф. 206).

За 19 лет существования ЦАО внес значительный вклад в изучение, сохранение и популяризацию разнообразных церковных памятников старины. ЦАО и его предшественники (отделы, комиссия, комитет) объединили и воспитали десятки церковных и светских историков, плодотворно занимавшихся изучением местной церковной старины. Некоторые формы работы ЦАО по осмотру, учету и изучению памятников церковной старины были в 1920-е гг. использованы центральными государственными реставрационными мастерскими и комиссией «Старая Москва». Дальнейшее изучение и издание богатого наследия ЦАО (из архивов и церковной периодики) – насущная задача москвоведов и краеведов.

Ниже публикуется составленный автором перечень (по годам) докладов и рефератов, сделанных на заседаниях ЦАО и касающихся памятников церковной старины, событий местной церковной истории, иконографии, организации охраны культурного наследия. Перечень составлен по сведениям, содержащимся в «МЦВ», «ЧОЛДП». Некоторые положения Перечня (даты заседаний, точные названия рефератов и др.) нуждаются в уточнении.

Перечень докладов и рефератов о памятниках
церковной старины и иконописи, сделанных в 1900–1918 гг.
на заседаниях церковно-археологического отдела Московского
общества любителей духовного просвещения⁶

1900 г.

8 ноября

1. *А.И. Успенский «Судьба первой церкви в Москве»⁷.
2. «О художественной деятельности евангелиста Луки».

27 ноября

1. Л.И. Денисов «О памятниках древнерусской иконописи в Берлюковской пустыни».
2. С.Н. Кологривов «О написании в 1668 г. икон в село Измайлово царскими иконописцами».

12 декабря

1. Л.И. Денисов «Каким требованиям должна удовлетворять православная икона».

2. А.Н. Козлов «К вопросу о надзоре за иконописанием».

3. *А.И. Успенский «Значение иконописного подлинника в современной церковной живописи».

24 декабря

1. Н.А. Скворцов а) «Уничтоженный Троицкий в Березниках монастырь»;

б) «Об иконе св. Иоанна Златоуста в церкви Покрова в Кудрине».

2. С.В. Страхов «Об иконе Спас Благое Молчание».

3. М.И. Беляев «Богослужение в праздник Рождества Христова в Вифлееме».

1901 г.

7 февраля

1. А.И. Успенский «Из истории церкви Рождества Богородицы в с. Мячкове Бронницкого уезда».

2. *В.Д. Машуков «Резной деревянный запрестольный крест 1681 вклад царя Федора Алексеевича в московскую кремлевскую церковь св. преподобномученицы Евдокии».

6 марта

1. *В.Д. Фартусов «Что желательно для поднятия современного иконописания».

20 марта

1. *Л.И. Денисов «Как писать икону св. муч. Трифона?».

2. В.Д. Фартусов «О современных изображениях иконы Благовещения».

3. *А.Н. Козлов «Задачи художника-иконописца по отношению к изображениям святых на иконах».

17 апреля

1. *С.К. Родионов «Реставрация соборного храма в честь Смоленской иконы Божией Матери в Московском Новодевичьем монастыре».

2. *Д.К. Тренев «Несколько слов о современном иконописании».

3. В.Д. Фартусов «Об изображении иконы Воскресения Христова».

19 сентября

1. Л.И. Денисов «Отношение христианского искусства к искусству христианского периода истории».

2. *И.И. Кузнецов «О возобновлении в 1673 г. иконы Спаса Нерукотворного и Пречистыя Богородицы и московских чудотворцев Петра и Алексия на западной стене Спасских ворот».

3. И.И. Кузнецов «О написании в 1690 г. в Георгиевской в Яндове церкви местного образа св. Георгия вместо взятого в поход из этой церкви».

12 октября

1. В.К. Клейн «Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах».

2. Н.Н. Писарев «Хоромный наряд или внутреннее убранство дома святейших патриархов Московских».

3. Д.К. Тренев «Походная церковь XVII в. в виде шкафчика в Серпуховском Высоцком монастыре».

4. В.Д. Фартусов «Об изображении Рождества и Покрова Пресвятой Богородицы».

20 декабря

1. Н.Д. Извеков «Московские придворные церкви во имя Похвалы и Успения Пресвятой Богородицы в XVII в.».

1902 г.

25 января

1. *С.В. Страхов «К истории Николаевской что в Кленниках церкви» (изложен Л.И. Денисовым).

2. *В.Д. Фартусов «Об иконе Введения во храм Пресвятой Богородицы».

19 февраля

Годичное собрание ОЛДП

Н.П. Розанов «Гоголь как верный сын Церкви (по поводу 50-летия со дня его кончины)».

14 марта

1. И.В. Никаноров «К истории Московской Николаевской в Воробине церкви».

2. Н.Д. Извеков «Московские придворные церкви во имя Сшествия Св. Духа и св. ап. Петра и Павла».

15 мая

1. Н.Н. Писарев «Московские выезды и загородные походы русских патриархов».

1903 г.

22 января (Обзор в МЦВ. 1903. № 10)

1. И.В. Никаноров «О главнейших событиях из истории Московской Николаевской в Воробине церкви и о некоторых древних священных предметах, в ней находящихся».

2. Л.И. Денисов «Об иконах-портретах в Православной Церкви и об изображениях старца Серафима Саровского».

27 февраля (Обзор в МЦВ. 1903. № 5)

1. И.В. Никаноров «Священно-церковно-служители московской Николаевской в Воробине церкви».

2. С.В. Страхов «О Боголюбской иконе Божией Матери, находящейся в Воскресенско-Кадашевской церкви».

3. Н.Д. Романский «По поводу служебника, изданного в С.-Петербурге в 1901 году».

27 марта (Обзор в МЦВ. 1903. № 15–16)

1. Л.И. Денисов «Об иконе Благовещения Богоматери в Георгиевской за Верхом церкви города Калуги».

2. *Н.А. Романский «Чудотворная икона Грузинской Божией Матери в Московском Алексеевском женском монастыре» (МЦВ. 1903. № 17).

3. В.Д. Фартусов «О написании икон “Лобзание Иуды” и “Моление о Чаше”».

24 апреля

1. Н.А. Романский «О нетлении св. мощей».

28 апреля

(Обзор в МЦВ. 1903. № 18)

1. В.Д. Фартусов «Об изображениях на иконах страданий Спасителя».

2. *А.Н. Козлов «О художественных традициях религиозной живописи с древнейших времен» (МЦВ. 1903. № 21).

6 сентября (Обзор в МЦВ. 1903. № 40)

1. В.Д. Фартусов «Об изображениях на иконе Св. Троицы».

2. Н.М. Миловский «Памяти Л.П. Смирнова» [о диаконе Зачатьевского монастыря, составившем его описание].

30 октября (Обзор в МЦВ. 1903. № 47)

1. В.Д. Фартусов «Об изображении жертвоприношения Исаака».

2. Л.И. Денисов (секр. отд.) «Новые догадки в пользу подлинности сношений Иисуса Христа с Эдесским князем Авгарем» [Название доклада включено в повестку дня, но докладчик заболел и не явился].

28 ноября (Обзор в МЦВ. 1903. № 49)

1. В.Д. Фартусов «Об изображениях на иконах видения патриархом Иаковом лестницы» [Реферат заявлен, но не прочитан].

2. Н.А. Романский «Обрядовая сторона в чине браковенчаний».

19 декабря (Обзор в МЦВ. 1904. № 2)

1. А.И. Успенский «К вопросу об изображении бесов в памятниках православной иконографии».

2. Н.П. Виноградов «О церкви преп. Сергия в Пушкарях и ее древностях».

1904 г.

22 января (Обзор в МЦВ. 1904. № 6)

1. Н.А. Скворцов «Храм св. влкмч. Георгия на Красной Горке, его история и древности».

2. В.Д. Машуков «Крестные ходы в городе Старой Руссе».

26 февраля (Обзор в МЦВ. 1904. № 11)

1. Н.А. Романский «Первые приходно-расходные ведомости московских церквей».

2. М.И. Беляев «По поводу служебника, изданного в С.-Петербурге в 1901 г.».

21 апреля (Обзор в МЦВ. 1904. № 18)

1. В.Д. Фартусов «Об изображениях Бога в библейских событиях: гибель Содома и Гоморры и явление Моисею в купине».

2. Н.П. Виноградов «Храм св. Иоанна Предтечи в Кречетниках, его история и древности».

*3 сентября (Обзор в МЦВ. 1904. № 37; Торжественное заседание ЦАО ОЛДП по осмотру и изучению памятников церковной старины)

1. А.И. Успенский «Иностранные художники при Московском Дворе во второй половине XVII в. и их влияние на русское церковное искусство».

2. Н.П. Виноградов «Жертвы царей духовенству и церквям г. Москвы в XVII в.».

3. Б.С. Пушкин «Церковь св. Спиридона на Спиридоновке».

7 октября (Обзор в МЦВ. 1904. № 42)

1. А.А. Титов (Ростов Ярославский) «Дар царя Алексея Михайловича Тульскому собору – икона Казанской Божией Матери».

2. В.Д. Машуков а) «Напрестольный крест 1623 г., вклад князя Федора Ивановича Мстиславского в Угличский Алексеевский монастырь»;

б) «Евангелие 1698 г., вклад гетмана Мазепы в Вознесенский Переяславский монастырь Полтавской губернии» [Прочитаны секретарем Отдела диаконом Н.П. Виноградовым].

3. В.Д. Фартусов «О технике иконописания в связи с бывшими реставрациями московского Благовещенского собора».

18 ноября (Обзор в МЦВ. 1904. № 49)

1. Н.Г. Попов «Византийская живопись и ее влияние на иностранную вообще и русскую в частности».

2. *Н.А. Романский «Где находится подлинная чудотворная икона Казанской Божией Матери» (МЦВ. 1904. № 50; 51–52).

9 декабря (Обзор в МЦВ. 1904. № 51–52)

1. Д.К. Тренев «Несколько слов о древней и современной иконописи».

2. Н.П. Виноградов «Об отношении царя Алексея Михайловича к Звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю».

(Обзор в МЦВ. 1905. № 13 всех рефератов, прочитанных в ЦАО ОЛДП)

1905 г.

18 января (Обзор в МЦВ. 1905. № 6)

1. В.Д. Фартусов «О неуместности употребления в христианстве языческих символов».

2. *М.О. Чириков «О реставрации иконы “Спас Ярое Око” из Воскресенской Расловской церкви Грязовецкого уезда Вологодской губернии» (МЦВ. 1905. № 8).

17 марта (Обзор в МЦВ. 1905. № 13)

1. В.Д. Фартусов «Польза и вред фотографий для иконописания».

2. Н.П. Виноградов «О церковных сборах в г. Москве в половине XVIII в.».

27 апреля (Обзор в МЦВ. 1905. № 20)

(Заседание Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии)

1. А.И. Успенский «Виктор Михайлович Васнецов».

2. В.П. Десятков «Колокольня церкви Флора и Лавра на Мясницкой улице».

3. Я.А. Поляков «Село Знаменское-Губайлово».

4. Д.И. Успенский [Об отображении в русской иконографии народных верований].

5. В.М. Металлов «Из истории русского церковного пения XV–XVII вв.».

9 сентября (Обзор в МЦВ. 1905. № 38)

1. В.П. Гурьянов «О реставрации двух местных икон Св. Троицы из Троицкого собора Сергиевой Лавры».

2. А.Г. Сретенский «Исторический очерк из быта духовенства: просфорни».

11 сентября (Обзор в МЦВ. 1905. № 43)

1. В.Д. Фартусов «Об одеждах у евреев во времена Спасителя и апостолов».

2. *Н.А. Романский «Чудотворная икона Богоматери “Неувядаемый Цвет” в московском Алексеевском женском монастыре (МЦВ. 1905. № 47).

1906 г.

28 февраля (Обзор в МЦВ. 1906. № 11)

1. Н.П. Виноградов «Черты личности и мировоззрения московского митрополита Платона в его “Краткой истории” (к столетней годовщине выхода в свет первого печатного опыта по систематической обработке русской церковной истории)».

2. В.К. Лебедев «Икона Богоматери “Неопалимая Купина” в соборном храме г. Яренска».

14 марта (Обзор в МЦВ. 1906. № 13)

1. Н.П. Виноградов «Московская Николо-Стрелецкая у Боровицких ворот церковь в ее прошлом и настоящем».

2. С.В. Страхов «К истории московской Николаевской, что в Кузнецкой церкви».

3. В.П. Гурьянов «Иконы Нерукотворенного Спаса и Господа Вседержителя, письма царского иконописца Симона Ушакова из Троице-Сергиевой Лавры».

27 сентября

1. В.Д. Фартусов «Изображение трех вавилонских отроков».

2. Н.М. Миловский «Церковная старина на III областном археологическом съезде в г. Владимире».

29 ноября

1. С.В. Страхов «В каком году правильнее праздновать 500-летие со дня преставления преп. Саввы Сторожевского».

2. В.П. Гурьянов «Древняя икона-складень с изображением явления Божией Матери преп. Сергию, находившаяся в войсках во время Русско-японской войны».

13 декабря (Обзор в МЦВ. 1907. № 11)

1. Б.С. Пушкин «К истории строения раки Сергия Преподобного».

2. С.В. Страхов «К истории и последовательной регистрации новоисправленных Никоновских служебников».

1907 г.

21 февраля

1. В.К. Лебедева «Св. икона Одигитрии Божией Матери Туровицкой в связи с историей построения храмов в селе Туровце Вологодской губернии Устюжского уезда».

27 марта (Обзор в МЦВ. 1907. № 15)

1. С.К. Родионов «Московский Успенский собор. Его последняя реставрация. Архитектура и иконография».

27 сентября (Обзор в МЦВ. 1907. № 42)

1. Н.П. Виноградов «К 250-летию Флоро-Лаврской у Мясницких ворот церкви».

2. В.П. Десятов «Архитектурный обзор Флоро-Лаврской у Мясницких ворот церкви».

3. В.Д. Фартусов «О преображении Господа при сотворении мира и жертвоприношении Ноя».

31 октября (Обзор МЦВ. 1907, № 46–47)

1. Н.М. Миловский «О митрополите Московском Филарете (к 40-летию кончины)».

2. В.П. Гурьянов «К вопросу о сохранении памятников церковной старины».

28 ноября (Обзор в МЦВ. 1907. № 51–52)

1. Н.А. Скворцов «Жития преп. Саввы Сторожевского (к 500-летию со дня кончины)».

2. М.О. Чириков «Владимирская икона Богоматери, написанная в 1549 г., и ее реставрация».

12 декабря (Обзор в МЦВ. 1908. № 4)

1. С.В. Страхов «Новый опыт перевода на русский язык литургии св. Иоанна Златоустого, сделанный свящ. О.С. Петровским».

2. *Л.И. Денисов «О символах и криптограммах в христианском искусстве» [В обзоре в МЦВ доклад не упомянут].

3. И.П. Виноградов «Московский Скорбященский монастырь (исторический очерк)».

1908 г.

23 января (Обзор в МЦВ. 1908. № 12)

1. В.Д. Фартусов «Об изображении “Ветхий денми по сказанию пророка Даниила”».

2. М.И. Беляев «Московский митрополит Филарет в его литургической деятельности».

18 марта (Обзор в МЦВ. 1908. № 17)

1. В.П. Виноградов «Из истории Вифанской духовной семинарии при митрополите Платоне».

2. В.Д. Фартусов «Об иконописном подлиннике».

29 сентября (Обзор в МЦВ. 1908. № 43)

1. А.А. Титов «Тихон Малышко, Ростовский епископ XVI в. (по поводу изображения св. Тихона Ярославецкого на Казан-

ской иконе Божией Матери из церкви Спаса на Божедомке в Москве)».

30 октября (Обзор в МЦВ. 1908. №47)

1. Н.Д. Извеков «О реставрации живописи в соборе Спаса на Бору во второй половине XIX столетия».

2. В.Д. Фартусов «Об изображении св. муч. Христофора».

28 ноября

1. В.С. Соколов «К истории московских урочищ: Капельки».

2. Д.К. Тренев «Русская иконопись и вопрос о ней в Государственной Думе».

1909 г.

17 февраля

1. В.К. Лебедев «Один из забытых уголков на дальнем севере (Усть-Вышь)».

3 марта

1. Н.А. Скворцов «Новый труд по описанию Костромской старины» (Троицкий П.С. Костромской край. Кострома. 1909).

2. Н.М. Миловский «Об иконах, обаяющих зрение (по поводу изображения преп. Евфимия Суздальского на зеркале)».

3. «Из воспоминаний московского священника – очевидца событий 1812 года».

7 апреля

1. В.Р. Апухтин «К 500-летию блаженной кончины св. Арсения, еп. Тверского: а) Желтиков монастырь, в котором покоятся мощи св. Арсения; б) «Успение, служба и чудеса св. Арсения по рукописи XVIII века».

2. В.М. Борин «Св. влкмч. Димитрий Солунский, его иконография и храмы его имени».

3. В.Д. Фартусов «Посвящение учеников иконописания у греков в XVII веке».

4. В.С. Соколов «Крест, спасший Петра Великого в Полтавской битве».

19 мая

1. Н.Д. Струков «Церковная археология в трудах первых трех съездов зодчих».

2. М.В. Борин «Св. влкмч. Георгий Победоносец, его иконография и храмы его имени» [В итоговом отчете доклад не значится].

3. И.Я. Стеллецкий «Личные впечатления посетителя храма св. Димитрия в Салониках. По поводу новооткрытых мозаик».

12 июня

1. Н.А. Скворцов «О св. благоверной княгине Анне Кашинской».

2. В.П. Гурьянов «Св. благоверная княгиня Анна Кашинская в русской иконографии».

3. Н.Д. Струков «Древняя икона св. Анны Кашинской из храма Христа Спасителя в Москве».

1910 год

22 февраля

1. В.В. Воронцов «Древнейшие памятники христианства, писанные на папирусах».

2. Н.Д. Струков «О необходимости популяризации церковной археологии».

17 марта

1. В.В. Воронцов «Древнейшие памятники христианства, писанные на папирусах» (продолжение).

2. Н.П. Розанов «О выставке религиозных картин В.М. Васнецова».

29 апреля

1. Н.Д. Извеков «История построения настоящего иконостаса в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что в Кремлевском Большом Дворце».

2. В.С. Соколов «Участие Церкви в юбилее Отечественной войны 1812 года».

21 сентября

1. Н.П. Никитин «Древности Южного берега Крыма».

2. Н.Д. Струков «Памяти К.П. Степанова».

12 октября

1. В.Д. Фартусов «Живопись и фряжская иконопись».

2. Д.И. Ромашков «К столетнему юбилею Отечественной войны. Этюд из времени пребывания французов в Москве в 1812 г., относящийся к истории Евпловской на Мясницкой церкви».

22 ноября

1. И.Я. Стеллецкий «О признаках новой христианской катакомбы в Крыму».

2. В.Д. Фартусов «Несколько слов о живописи, иконописи и фряжском письме».

3. В.К. Клейн «Старинные ткани и шитье Патриаршей Ризницы».

1911 г.

25 января

1. Н.А. Скворцов «К вопросу о построении шатровых церквей».

2. Н.Д. Струков «Церковная археология на IV съезде зодчих».

3. Н.Н. Соболев «Памятники древней иконописи в Никольском Гороховецком монастыре Владимирской губернии».

27 января: лекции Отдела Публичных богословских чтений ОЛДП (организовали самостоятельно от ЦАО)

1. С.В. Страхов «Старина и новизна (Церковная археология в ее отношении к церковной практике, современной и будущей)».

2. Н.М. Миловский «О церковных древностях г. Владимира (на Клязьме)».

3. Н.А. Скворцов «Архитектура старинных московских церквей».

30 марта

1. Н.А. Скворцов «О Знаменской у Петровских ворот церкви».

2. Н.И. Соколов «О древнем кресте из ризницы Покровской общины».

3. В.Д. Машуков «О кресте св. царевича Димитрия».

4. С.Н. Левитский «О принадлежащем ему изображении преп. Серафима Саровского».

28 апреля

1. В.М. Борин «К вопросу о месте заключения святейшего патриарха Гермогена в нач. XVII в.».

2. В.К. Клейн «Омофор из Патриаршей Ризницы, известный под названием “Омофор Шестого Вселенского Собора”».

3. Н.М. Миловский «Об одной иконе из ризницы Ризположенской церкви».

20 сентября

1. Н.А. Скворцов «Крест Ивана Великого».

2. М.О. Чириков «О расчистке древней чудотворной иконы Тихвинской Пресвятой Богородицы из Тихвинского монастыря в г. Тихвине» [неясно, был ли прочитан реферат].

1912 год

16 января

1. С.П. Рябушинский «Фрески монастыря св. Симеона-Гидры в Асуане (Египет)».

2. В.М. Борин «Соловецкая обитель в иконографии. I. Донаторы. II. Обители и их создатели».

13 февраля

1. Б.С. Пушкин «Чин возведения Гермогена митрополита Казанского в патриархи Московские».

2. Н.П. Виноградов «Вновь найденные материалы по 1812 году (“Сведения о кресте Ивановской колокольни, о разграблении и посрамлении Кремлевских соборов и церквей от неприятелей в 1812 году и о подвигах духовных лиц: священников Софийского за Москвой-рекой Марка Семенова, Сорокосвятского Петра Гаврилова и Вознесенского монастыря Иоанна Яковлева-Вениаминова, диакона Иосифа Иванова и Новодевичьего монастыря монахини Сарры Николаевой”)

3. В.М. Борин «Крутицкий Вертоград».

18 февраля

1. Г.И. Добронравов «О церковной завесе».

2. Н.М. Миловский «Флорищева Пустынь».

8 марта (Опубликовано в ЧОИДР)

1. В.А. Троицкий «Происхождение и история Плащаницы».

2. И.В. Левитский «Храм свв. Отец Седьмого Вселенского собора как один из первых церковных памятников Отечественной войны 1812 года».

3. В.М. Борин «Памятники гениального зодчего XVIII в. М.Ф. Казакова».

4. М.И. Беляев «О чтении канона Благовещения в первый день Пасхи».

17 апреля

1. Доклад о современном состоянии Крутицкого архиерейского дома и усыпальницы Крутицких владык».

2. А.П. Хотулев «Древнейшие иконы г. Казани».

20 сентября (Отчет в МЦВ. 1912. № 46)

1. В.М. Борин «Памятник искусства в ознаменование Отечественной войны 1812 года в Москве».

2. А.И. Речменский «Походная церковь императора Александра I».

3. С.В. Страхов «Сведения об авторе анонимно изданных воспоминаний очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 г. (М., 1862) и некоторые комментарии к этой книге».

18 ноября (Собрание в память 100-летия со дня кончины митрополита Платона)

1. В.П. Виноградов «Речь о митрополите Платоне».

2. Н.Н. Руднев «Платон как администратор и управляющий Московской митрополии».

3. С.Д. Муретов «О книге, изданной в 1810 г. митрополитом Платоном, против старообрядцев».

14 декабря

1. Б.С. Пушкин «Литературные данные о дьячке Рагозине – партизане 1812 г.».

2. В.М. Борин «Памятник иконографии XVII–XVIII вв. Азовская икона Божией Матери».

1913 год

28 января

1. И.Ф. Горский «Употребление креста в древности и поклонение ему».

6 марта

1. Н.И. Соколов «Подмосковная вотчина бояр Романовых – село Покровское-Рубцово и его соборный храм Покрова Пресвятой Богородицы».

2. А.И. Речменский «Афонский крест-вклад святейшего патриарха Филарета Никитича в один из монастырей Московской епархии».

2 мая

1. А.И. Речменский «Об изображении на иконах новопрославленных святых русской церкви (по поводу предстоящей канонизации святейшего Патриарха Гермогена)».

2. А.И. Речменский «По поводу изображений на иконах первых царей из Дома Романовых и членов их семей».

10 октября

1. А.А. Глазунов «Иконостас и стенные росписи Богородице-Рождественского собора Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря».

2. Осмотр выставки, устроенной в память 50-летия Общества любителей духовного просвещения».

24 октября

1. В.М. Борин «Образ “Положение Честных Ризы Господней царем Михаилом Феодоровичем и патриархом Филаретом Никитичем” в Москве в 1625 году».

2. Арсений иеромонах, Н.Н. Соболев «О царских дверях Богородице-Рождественского собора Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря».

27 ноября

1. В.Д. Машуков «Предметы московской церковной старины в Виленском Свято-Духовом монастыре».

2. Ф.И. Соколов «Село Нерастанное Серпуховского уезда, его владельцы и храм» [Опубликовано в ЧОИДР. 1914. Кн. 3–4].

3. В.М. Борин «О красках в русской иконописи XVI–XVII вв. и их символическом значении (с демонстрацией образцов таблиц, использованных иконописцами В.П. Гурьяновым и А.А. и И.Я. Тюлиными)».

17 декабря

1. В.С. Соколов «Новые данные о литературной деятельности Святейшего Патриарха Гермогена».

2. А.А. Глазунов «Два изображения св. Алексия, Человека Божия, ангела царя Алексея Михайловича, в Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре».

По 1913 г. – зафиксировано 78 заседаний.

1914 год

6 февраля

1. Н.И. Соколов «Храм Воскресения Христова при Покровском дворце в подмосковной вотчине бояр Романовых».

2. А.А. Глазунов «Изображения преподобных Михаила Маленина и Алексия Человека Божия, ангелов царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича».

3. В.М. Борин «Две иконы свв. Петра и Алексея, митрополитов московских, новгородских писем XV века».

5 марта

1. В.М. Борин «Максимовская икона Божией Матери и идейный ее художник блаженный Максим, митрополит Владимирский и всея Руси».

2. М.С. Померанцев «Новые данные по вопросу о ремонте Успенского собора в г. Дмитрове Московской губернии в XVIII в.».

29 апреля

1. В.М. Борин «Памятники древнехристианского искусства: I. Храмы св. великомученика Георгия в Солуне греческом и Юрьеве Польском. II. Иконография св. великомученика Георгия».

26 сентября

1. Обсуждение предложения о выражении протеста против варварского разрушения Германией Реймского собора.

2. И.Я. Стеллецкий «Древности города Боровска».

17 ноября

1. В.И. Мансветов «Собрание вериг в московском Императорском Историческом музее».

2. Обсуждение вопроса об учреждении в Москве особого русского церковного древлехранилища.

1 декабря

1. Обсуждение вопроса об учреждении в Москве особого русского церковного древлехранилища [окончание].

2. И.И. Соловьев «К трехсотлетию Николаевского собора в Угрешском монастыре».

3. В.М. Борин «Чудесная помощь в народных победных сражениях по памятникам иконографии».

1915 год

11 марта

1. Н.А. Скворцов «О способах увековечения в прежнее время русских побед и памяти павших на брани воинов».

2. В.И. Мансветов «Замечательные колокола, хранящиеся в московском Императорском Историческом музее».

21 апреля

1. В.М. Борин «Московский Кремль в памятниках иконографии».

2. В.П. Гурьянов «Иконография Святителя Алексея, митрополита Московского».

29 сентября

1. Отчет Церковно-археологического отдела за 1914–1915 гг.

2. В.М. Борин «Святые мученики за русскую государственность благоверные князья Борис и Глеб по памятникам иконографии (по поводу 900-летия мученической их кончины)».

3. Б.С. Пушкин «Вкладная книга Троицкого Белопесоцкого монастыря как материал для его истории».

18 ноября

1. Н.Д. Протасов «О фресках алтарных столбов Звенигородского Успенского собора».

2. В.И. Мансветов «Выносные церковные фонари XVII в.».

15 декабря

1. В.М. Борин «Церковное и гражданское зодчество в эпоху царей Федора Иоанновича и Бориса Федоровича (1584–1605)».

2. В.И. Мансветов «О посохах, хранящихся в Императорском Историческом музее».

1916 год

7 марта

1. Н.А. Скворцов «Преподобный Герасим Болдинский (к истории канонизации святых в Русской Церкви)».

2. Н.Д. Извеков «Устройство серебряной раки усердием императрицы Екатерины II для мощей св. Черниговских чудотворцев в московском Архангельском соборе».

3. В.П. Гурьянов «О памятниках древнерусской иконописи в Сионском соборе г. Тифлиса».

30 марта

1. Рассмотрение программы для историко-статистического и археологического описания церквей и монастырей применительно к указу Св. Синода о ведении церковных летописей».

2. В.М. Борин «Поэма Христовых страданий в иконографии».

3. В.С. Соколов «О происхождении Мещанских слобод города Москвы».

1917 год

18 апреля

1. В.М. Борин «Чудо св. влкмч. Георгия в памятниках иконографии».

2. В.В. Воронцов «Св. Вода в древности (ее происхождение, употребление в дохристианском, иудейско-языческом, мире и в церкви первых веков)».

3. Б.С. Пушкин «К росписи церквей с. Коломенского».

1918 год

28 января

1. Н.М. Миловский «Воспоминание о митрополите Киевском Феогносте».

2. В.Т. Георгиевский «Реставрация памятников древнерусской иконописи прежде и теперь (памяти митрополита Феогноста)».

13 марта

1. Никанор, архим. «К вопросу о палице (посвящается памяти протоиерея Н.И. Соколова)».

2. А.П. Хотулев «Стенные росписи церквей и монастырей Буковины (из археологической поездки по Буковине в 1917 г.)».

3. Н.И. Троицкий (член Собора) «Об иконе “Спас Благое Молчание” из церковно-археологического музея ОЛДП».

10 апреля

1. С.Н. Левитский «Литература о Московском Большом Успенском соборе половины XIX столетия».

2. А.П. Хотулев «Стенная роспись и достопримечательности соборного храма Сучавицкого монастыря в Буковине».

17 мая

1. П.Н. Миллер «Об истории московской Георгиевской в Старых Лучниках церкви».

2. Д.К. Тренев «Регистрация и национализация памятников и художественных сокровищ церквей и монастырей как средство их охраны».

- ¹ *Козлов В.Ф.* Главное церковное общество Москвы (Общество любителей духовного просвещения и памятники церковной старины (1863–1918)) // Москва в начале XX века: Будни и праздники. Московская старина. Новорусский стиль. Книга-альбом / Авт.-сост. А.С. Федотов. М., 1997. С. 132.
- ² *Извеков Н.Д.* Исторический очерк полувековой жизни и деятельности Московского общества любителей духовного просвещения (1863–1913) // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1913. Март. С. 117–144.
- ³ См.: *Козлов В.Ф.* Главное церковное общество Москвы... С. 132; *Он же.* Из истории составления фундаментального описания церквей и монастырей Москвы (XIX–XX вв.) // Историческое краеведение: по материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 225–237.
- ⁴ Подробную роспись статей и других материалов, напечатанных в «Трудах Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины» (1904–1911) и в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения» (1863–1917), см.: Путеводитель по научным обществам России / Сост. И.И. Комарова. Н.-Й., 2000. С. 284–302.
- ⁵ О Н.А. Скворцове см.: *Козлов В.Ф.* «Неутомимый исследователь московской церковной старины». Николай Алексеевич Скворцов. 1861–1917 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / Сост. Л.В. Иванова и С.О. Шмидт. М., 1997. С. 171–195. Об упомянутых выше активных деятелях ОЛДП и ЦАО, авторах докладов на заседаниях ЦАО см.: Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1–6. М., 2007–2014.
- ⁶ В 1900–1902 гг. ЦАО заседал в Зале Епархиальной библиотеки ОЛДП в Высокопетровском монастыре, а в 1903–1918 гг. – в помещении Епархиального дома в Лиховом переулке.
- ⁷ Звездочкой обозначены доклады, опубликованные на страницах «Московских церковных ведомостей» (МЦВ).

М.В. Артюшенко

И.Е. ЗАБЕЛИН И ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ
По переписке об издании «Исторического описания
Московского ставропигиального Донского монастыря»
(1865, 1893)

Статья посвящена истории издания «Исторического описания московского ставропигиального Донского монастыря» И.Е. Забелина (1865, 1893). Подробно рассматривается переписка известного историка Москвы И.Е. Забелина с Донским монастырем. Публикуются ранее неизвестные письма И.Е. Забелина, раскрываются методы работы с источниками, его собственное отношение к труду.

Ключевые слова: Донской монастырь, И.Е. Забелин, «Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря», епископ Герман (Осецкий), архимандрит Аркадий (Яценко), иеромонах Гавриил (Шмелев), издание истории монастыря.

Иван Егорович Забелин – известный историк, москвовед, археолог, археограф, занимавшийся преимущественно памятниками допетровского времени. История Москвы и москвичей, история домашнего быта русского народа – главные темы И.Е. Забелина. Он почти не занимался популярным у других историков изданием истории храмов и монастырей¹. «Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря» является единственным крупным трудом историка по подобной тематике². Известны немногие печатные работы И.Е. Забелина, посвященные храмам и монастырям³. До первой половины XIX в. практически отсутствуют изданные описания московских монастырей. Исключением являются, пожалуй, вышедшие книги Н.Д. Горчакова «Описание Донского монастыря в Москве» (1842), а также «Историческое описание Симонова монастыря» В.В. Пассека (1843). В 1842 г. Забелин познакомился и подружился с Пассеком, который помог ему издать в апреле 1842 г. первую публикацию в прибавлениях к «Московским ведомостям» – «Несколько слов о богомольных

царских походах». В те годы Забелин занимался изучением старинных московских дворцов, домашнего быта русских царей, помогал И.М. Снегиреву и П.М. Строеву в их изданиях⁴, наводил справки в архивах, причем делал это совершенно бескорыстно.

«Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря» И.Е. Забелина – первое и, можно сказать, единственное полное историческое и архитектурное описание обители за всю ее историю. В предисловии к его первому изданию (1865) И.Е. Забелин писал: «...предлагаемое описание Донского монастыря было составлено в 1850 году непосредственно по архивным источникам, как-то: старинным монастырским запискам и описям, грамотам и разным другим актам, какие открыты нами в монастырском архиве, а частию и в других архивных хранилищах»⁵.

Почему Забелин выбрал именно эту тему? Известно, что в детстве он жил у Донского монастыря. Как пишет биограф Забелина А.А. Формозов: «От Донского сын ходил навещать мать на Кузнецкий мост и в Петровский парк. Совершал Иван вылазки и на Воробьевы горы. <...> Когда в статье 1852 г. «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия» Забелин описывает гулянья в Марьиной Роще, у Симонова, Донского, Новодевичьего монастырей, катальные горки, карусели, балаганы, чувствуется, что материалы, извлеченные из архивов, оживлены воспоминаниями собственной молодости»⁶.

Возможно, на написание истории Донского монастыря Забелина подтолкнула и его служба в Оружейной палате (с 1837). С 1820-х гг. архив Оружейной палаты, пострадавший в 1812 г., приводили в порядок. Там хранились бумаги из существовавших в XVII в. приказов: Каменного, Большой казны, Оружейного, Коношенного, Большого Дворца, Дворцового и Судного и др. В своем исследовании Забелин широко использовал дела Дворцового приказа, Расходную книгу архива Оружейной палаты, Расходную книгу Приказа Большого Дворца. Он опирался и на монастырские документы: переписные книги монастыря 1676, 1702, 1705, 1725, 1729, 1739–1742 гг., грамоту архимандрита Никона наместнику приписной Тихоновой пустыни иеромонаху Исае 7195 г. (1687), Жалованную царскую грамоту на рыбные ловли в Каменную реку 7196 г. (1688), Жалованную царскую грамоту на подворье в Кремле 7196 г. (1688), грамоту о поступлении Донского монастыря в ведение Приказа Малья России 7197 г. (1689), вкладную запись, данную монастырской братией И.С. Кирилловой, челобитные и письма настоятелей монастыря к различным лицам, подрядные записи о достройке соборной церкви, о постройке плотины и келий на Ра-

менке и др. В своей работе Иван Егорович привлекал также документы Московского архива министерства юстиции, рукописную Разрядную книгу библиотеки П.Ф. Коробанова, а также сочинения Н.М. Карамзина. Сведения о первых настоятелях Забелину сообщил П.М. Строев⁷. В предисловии к первому изданию «Исторического описания» Забелин писал, что до него о Донском монастыре упоминалось лишь в Географическом словаре Щекатова (М., 1804) и в «Истории Российской иерархии» (Ч. IV. СПб., 1813). Неужели Забелин мог не знать о книге Н.Д. Горчакова?

Закономерно возникает вопрос: если работа была завершена уже в 1850 г., то почему же она была издана только спустя 15 лет? Забелин тогда еще не был известен. Долгие годы, работая на Снегирева и Строева, он не имел возможности издать свои статьи, не говоря уже о монографиях. Денег на издание у Забелина не было. Особенно ухудшилось его материальное положение после женитьбы (1844) и рождения двух дочерей (1849, 1851). Забелин обратился в 1850 г. с рукописью в Донской монастырь, полагая, что обитель будет заинтересована в публикации своей истории и сможет оплатить издание. Но у монастыря в тот момент не было денег даже на неотложный ремонт зданий, а долги равнялись 3 тыс. руб.⁸

Документально мы можем проследить переписку Забелина с Донской обителью только начиная с 1853 г., более ранней информации в монастырском архиве не сохранилось. В ЦГА Москвы в фонде Донского монастыря⁹ находятся письма И.Е. Забелина в Донской монастырь¹⁰ и иные документы по вопросу издания истории обители (донесения иеромонаха Ефрема епископу Герману¹¹, донесения наместника архимандрита Афанасия со старшей братией¹², донесение архимандрита Александра¹³, резолюции епископа Германа, отчеты о приходе и расходе неокладных сумм по Донскому первоклассному ставропигиальному монастырю за 1865 г.¹⁴, за 1875 г.¹⁵).

Письмо И.Е. Забелина иеромонаху Аркадию от 21 марта 1853 г. свидетельствует, что Донской монастырь не проявлял интереса к труду И.Е. Забелина¹⁶. Несколькими годами ранее Иван Егорович предоставил Донскому монастырю свою рукопись для просмотра и одобрения и ждал ответа, недоумевая о его отсутствии: «Я никак не могу постичь, отчего происходит такая долголетняя медлительность в решении дела»¹⁷. Он даже опасался за сохранность своего «Исторического описания»: «Позвольте теперь пополнить наш разговор: труд человека – его собственность, данная Богом, а не приобретенная от людей. От трудов своих человек должен питаться по закону Высшей Истины. Хлеб в истинном смысле только

и может приобретаться в поте лица. Составленное мною описание Д. М. есть мой труд, моя неотъемлемая собственность»¹⁸.

Бескорыстие Забелина проявилось и здесь. Он дарил обители свою работу, прося за это лишь письменной благодарности: «Если монастырю нужно приобрести мой труд – то я полагаю, что напрасно вести дальнейшие переговоры. Дело можно тотчас окончить: сочинение годится – следовательно, нужно вознаградить мои труды. Предложенное мною вознаграждение слишком незначительно, чтобы могло останавливать течение дела. Если же мое описание не годится – то, без всякого сомнения, должно возвратить его трудившемуся, который свободен употребить свой собственный труд, как ему заблагорассудится»¹⁹. Труд по написанию истории монастыря стоил Забелину немалых усилий и средств: «Между тем вы, может быть, и сами знаете, что по случаю этого Описания – мои частые посещения монастыря, переезды из конца в конец Москвы стоят мне не одного труда, но драгоценного времени и, главное, наличных денег. Все же сильно заставляя меня окончить это давнишнее дело»²⁰.

Автор беспокоился, что читатели не смогут познакомиться с его описанием обители: «труд мой ни в каком случае погибнуть не может. Права и читателей также законны, как и всякие права граждан. На это существуют известные благодетельные установления Правительства. Снова и усердно вас прошу продолжить ваше ко мне расположение и в этом случае: вы меня крайне обяжете, если пришлете мою рукопись»²¹.

Как известно, первое издание истории Донского монастыря вышло только через 12 лет, в 1865 г. На момент написания вышеприведенного письма обителью управлял пребывающий на покое епископ Агапит (Вознесенский), бывший Томский епископ. Стиль его управления монастырем был достаточно авторитарным, поэтому вряд ли иеромонах Аркадий осмелился бы ему напоминать об издании истории обители. Епископ Агапит был настоятелем Донского монастыря всего два года (1852–1854), из них более года он довольно тяжело болел. При следующем настоятеле архиепископе Евгении (Казанцеве), который также был стар и немощен, иеромонах Аркадий был посвящен в сан архимандрита, в 1862 г. – назначен наместником, а с 1863 г. по причине болезни владыки стал практически управлять Донской обителью. Думается, не без его участия тогда и было, наконец, издано «Историческое описание» Донского монастыря. В то время появилась и финансовая возможность оплатить издание: архиепископ Евгений все доходы, положенные ему как настоятелю, обращал на ремонт, благоустройство храмов

и прочие нужды обители. Архимандрит Аркадий участвовал и в других публикациях исторических документов. При его участии в 1865 г. бывшим наместником Донского монастыря архимандритом Павлом были составлены воспоминания об Отечественной войне 1812 г., изданные в 1871 г. в Московских епархиальных ведомостях²². Также архимандрит Аркадий в 1873 г. предоставил для издания из библиотеки Донского монастыря два списка XVII в. Переписной книги (описи) московского Благовещенского собора²³.

Работа Забелина до 1865 г. лежала в обители и, как сообщается в предисловии к «Историческому описанию...» 1865 г., «служила руководством для желавших подробнее ознакомиться на месте с историею монастыря и его достопамятностями». По всей видимости, без ведома Забелина Донской монастырь предоставлял посетителям рукопись для прочтения, так как в том же предисловии Иван Егорович с горечью писал: «Наше описание, оставаясь в рукописи, послужило также материалом для составления небольшой статьи “Донской монастырь”, напечатанной в №№ 42 и 43 “Ведомостей Московской Городской Полиции” 1857 г. Н.В. Дмитриевым, без указания на прямой и ближайший источник, т. е. на наш труд, но с отчетливыми ссылками на старинные акты монастырского архива, которые нами открыты и которые автор мог изучать лишь в наших списках, помещенных в описании в отделе приложений»²⁴. От себя добавим, что Н.В. Дмитриев в том же 1857 г. издал и отдельную книгу под названием «Донской монастырь». Можно себе представить, каково было Забелину, не имевшему возможности получить свою рукопись, видеть ее частично издаваемой под другой фамилией. Хотя так уже бывало с П.М. Строевым, И.М. Снегиревым, Д.П. Голохвастовым²⁵.

Наконец, в 1865 г. Забелин еще раз просмотрел свое «Историческое описание», внес в него исправления в соответствии с теми переменами, которые произошли в монастыре за 15 лет, а также дополнил вновь собранными сведениями из монастырского архива. О готовящемся издании стало известно прихожанам обители. Один благотворитель, пожелавший остаться неизвестным, пожертвовал на него 300 руб.²⁶ Как свидетельствует расходная часть монастырского бюджета за 1865 г., монастырь заплатил «за напечатание и брошюровку 1200 экземпляров “Исторического описания Донского монастыря” и за составление оного 338 руб. 2 коп.»²⁷. В 1865 г. было продано книг на 46 руб. 80 коп.²⁸ В 1873 г. монастырь получил прибыль «за проданные книги исторического описания Донского монастыря с фотографическими видами оного 33 руб. 20 коп.»²⁹. В 1875 г. за продажу книг «Описание Донского монастыря» было

выручено 15 руб.³⁰ Сам Забелин не брал от монастыря денег за работу, хотя в тот момент остро нуждался: в 1865 и в 1869 гг. он просил С.Г. Строганова о единовременных денежных пособиях³¹.

Исследование Забелина имело традиционную для таких работ структуру: история обители, описание храмов и монастырских построек, вкладов, ризницы, кладбища, а также «Записка о посещении Донского монастыря особами Царской фамилии», список настоятелей, список погребенных на монастырском кладбище, приложения (грамоты, акты, письма), «Монастырский летописец» (выписки из записных монастырских книг с 1693 по 1750 г.). Забелин считал, что любое описание монастырей делится на две части: церковно-историческую и археологическую. Он сетовал, что до сих пор исследователи ставят на первое место церковно-историческое значение монастырей и мало уделяют внимания описаниям храмов, утвари и разного имущества: «между тем, каждый монастырь, сравнительно, хотя бы и не столь древний, как, например, здесь описанный Донской, есть вместе с тем хранилище памятников древне-русского искусства во всех его видах и подробностях»³². Потому в «Историческом описании» собственно история обители занимает всего 22 страницы. Подробнее всего рассмотрен XVII в., в XVIII в. основное внимание уделено описанию московского бунта 1771 г. и убийству архиепископа Амвросия Зертис-Каменского. Что же касается XIX в., то Забелин лишь кратко коснулся войны 1812 года, хотя, судя по тексту, он держал в руках достаточно подробные воспоминания монахов о нашествии французов, а также другие не менее интересные источники. Основное внимание в своей работе Иван Егорович уделил «археологической части»: описание храмов, построек, ризницы и пр. занимает 52 страницы. Не меньшее значение Забелин придавал публикации документов, считая, что «все они служат или подтверждением или дополнением нашего описания»³³. Документы, акты, грамоты и пр. занимают еще 50 страниц. Как отмечал А.А. Формозов, «благодаря такому построению широкий читатель может сразу узнать самую суть дела из основного текста, а профессионал-историк – проверить каждый вывод автора по приведенным им материалам»³⁴.

Следующее издание истории монастыря планировалось к трехсотлетию обители (1893 г.). История этой публикации более полно представлена документами и отражает тот факт, что между И.Е. Забелиным и монастырем до сих пор не было полного взаимопонимания. Посредником в переговорах между Донской обителью и И.Е. Забелиным в этот раз выступил иеромонах Ефрем, в миру Михаил Цветаев, который был достаточно образованным человеком.

Потомственный дворянин, он окончил курс Императорского Московского университета по медицинскому факультету со степенью лекаря и званием уездного врача, а также 1-й курс Московской духовной академии по словесному отделению. В 1890 г. Цветаев принял постриг в Покровской церкви Московской духовной академии и был переведен в Донской монастырь. В 1891 г. иеромонах Ефрем по благословию настоятеля был причислен к старшей братии. В качестве послушания ему было поручено заведование монастырской иконно-книжной лавкой. 29 августа 1891 г. иеромонах Ефрем так доносил настоятелю епископу Герману³⁵ о переговорах с Забелиным: «На другой день вашего отъезда я отправился к г-ну Забелину, составителю исторического описания Донского монастыря. Он на вопрос мой – может ли монастырь воспользоваться правами собственности на его сочинение? Ответил с удовольствием: передаю и даже позволяю делать сокращения и добавления, сам кое-чем могу помочь, есть у меня небольшие заметки. Одно только условие он предложил: когда будет готово к изданию, то представить ему для просмотра и чтобы фамилия его осталась, как начальный труд, стоивший ему многих хлопот, забот и издержек»³⁶. Владыка согласился на это условие, желая только, чтобы Забелин письменно закрепил права монастыря на этот труд.

24 сентября 1891 г. иеромонах Ефрем писал епископу Герману: «...наш труд по историческому описанию Донского монастыря пришел к концу и время его печатать, то господин Забелин просит оформить весь ход этого дела, чтобы он покойно мог начать и кончить, будучи уверен, что никто другой не явится ему конкурентом»³⁷. Иеромонах Ефрем составил черновик: «Удостоверение следующего содержания: Донской монастырь, чрез посредство иеромонаха Ефрема, снабдив его дополнительными историческими сведениями из постановлений и распоряжений по Ведомству Православного Исповедания, просит его включить в свое издание и, пересмотрев, вновь отпечатать, издав его совершенно в пользу Донского монастыря. 24 сентября 1891 г. Иеромонах Ефрем». Данный текст вызвал недоумение настоятеля. Его резолюция от 24 сентября 1891 г. была следующей: «Зачем же *просить* господина Забелина, чтобы он взял на себя труд печатания и издания описания Донского монастыря? И особенно: без осложнений лучше, чтобы если монастырь сможет напечатать и издать историческое описание, поручив о. Ефрему поручиться с опасения И. Забелина и предоставления от него монастырю...»³⁸. Видимо, епископ Герман опасался каких-то проблем по правам монастыря на издание.

На полях этого донесения уже слабым почерком (Ивану Егоровичу был 71 год) подписано: «По предъявленной мне сей бумаги я, как автор описания Донского монастыря, желаю одного, чтобы монастырь признал мой безмездный труд печатания достойным благодарности не одной словесной, но и письменной». 11 октября 1891 г. Ив. Забелин»³⁹. Остается недоумевать: почему монастырь так и не удостоил Забелина письменной благодарности?

В своем дневнике И.Е. Забелин под 8 октября 1891 г. прокомментировал эту свою переписку с монастырем следующим образом: «Написал Донскому митрополиту⁴⁰: По предъявлении сей бумаги, я, как автор описания Донского монастыря, желаю одного. <...> Иеромонах Ефрем написал владыке что-то нескладное. Тот написал еще нескладнее. Не понимают, что я требую письменного свидетельства о том, что буду печатать. Говорю, ведь надо же меня благодарить за это, что владыка должен бы написать мне благодарность и просить меня заниматься этим делом. Это ведется в обществе. А они, как дикари, не знают, как и что делать по этому случаю»⁴¹.

К решению вопроса об издании подключилась старшая братия обители (наместник архимандрит Афанасий, ризничий игумен Вениамин, благочинный иеромонах Александр, иеромонах Ефрем). Они поручили иеромонаху Ефрему съездить еще раз к И.Е. Забелину и разобраться в ситуации. По результатам их беседы 16 октября 1891 г. старшая братия составила для настоятеля обстоятельный ответ, обширный текст которого мы приводим ниже: «И.Е. Забелин, по его собственному выражению, “как автор описания Донского монастыря”, желает одного, чтобы монастырь признал его безмездный труд печатания достойным благодарности не одной словесной, но и письменной, чтобы осталось на сочинении его имя и ему было бы предоставлено право руководить изданием. Это он считает имеющим для него значение (в особенности последнее условие) по следующим основаниям. Кроме того материала, который успел собрать иеромонах Ефрем, есть еще много им самим, г. Забелиным, собранного для истории Донского монастыря материала. Как лицо, весьма сведущее в истории и археологии, знакомое со всеми приемами, которыми необходимо пользоваться при разработке историко-археологических материалов, при том с глубоким интересом относящееся к предмету своих занятий вообще и, в частности, к истории Донского монастыря, он, разумеется, [просит. – М. А.] и в эту последнюю при таких условиях в распоряжение, разработку и выбор материала, как им самим собранного, так и доставленного о. Ефремом, занести все то, что необходимо для

того, чтобы дать своему труду научное значение и достоинство. Вот в этом-то отношении г. Забелин и считает себя только вправе назвать автором истории Донского монастыря, о которой идет дело. А так как он употребил на разработку того, что теперь есть в печати, и того, что будет в ней, много труда и времени, так как издание сырого материала по означенной истории требует (в чисто научных интересах особой тщательности, опытности в пересмотре того, что печатается, и напечатание этого материала на этом основании может быть доверено типографщику лишь очень опытному и лично известному автору по своей добросовестности, то И.Е. Забелин крайне затрудняется в этом отношении право издания (редакции) истории Донского монастыря предоставить без его, Забелина, контроля лицу или учреждению, могущему по неопытности сделать много промахов как в выборе лиц, которые будут печатать его труд, так и в пересмотре того, что будет печататься.

В виду этого, нет никакого основания лишить г. Забелина, как автора, права, по его выражению, безмездного печатания его труда. Что же касается до средств, на которые г-н Забелин будет печатать свой труд, то эти средства, по его словам, должен будет дать ему монастырь. Этот последний будет считаться издателем и будет иметь исключительное право пользоваться трудом г. Забелина и продажей его по своему усмотрению как имущества благоприобретенного (ст. 282 т. 14 Свод законов изд. 1857 г.). Почтенный автор высказывается при этом очень прямо, что и по смерти его это право (ст. 283 того же тома) не перейдет к его наследникам ни по закону, ни по завещанию. Для того чтобы устранить всякого рода недоразумения, которые в этом случае могут возникнуть со стороны наследников, можно будет от И.Е. Забелина просить (в весьма краткой форме) письменного удостоверения в том, что означенные права будут принадлежать только монастырю – как при жизни автора, так и по смерти его, этот запрос можно будет послать ему вместе с изъявлением той благодарности, которой он требует, и по получении соответствующей на настоящее донесение резолюции со стороны Вашего Преосвященства»⁴².

Итак, братия подробно объяснила епископу Герману суть притязаний Забелина на право руководить изданием: публикация источников XVII–XVIII вв. требовала особо тщательного контроля опытного историка. Забелин просто не мог доверить неизвестному человеку набор текстов, не мог уклониться от проверки и правки своего «Исторического описания». Несмотря на это, епископ Герман все же недоумевал, «как Забелин будет издавать, а монастырь будет считаться издателем? Если бы Забелин сказал о “редакции”,

понять было бы можно. 5 ноября 1891 г.»⁴³. Второе издание истории обители вышло только через два года.

27 апреля 1893 г. 73-летний Забелин посетил обитель, осмотрел все церкви и строящийся храм святителя Иоанна Златоуста, видел в ризнице напестольные крест и Евангелие, устроенные настоятелем епископом Германом по случаю трехсотлетия монастыря. Для иллюстрации нового издания Забелин рекомендовал монастырю сделать фототипии в заведении Шерера и Набгольца в следующем порядке: «1. Снимок с иконы Божией Матери Донской. 2. Наружный вид монастыря с западной стороны. 3. Наружный вид монастыря с северной стороны. 4. Вид Большого собора. 5. Вид Старой церкви»⁴⁴. Фототипии должны были быть заказаны монастырем и представлены в типографию при брошюровке издания. Забелин желал печатать «Историческое описание» под своим наблюдением в количестве 1200 экземпляров. 29 апреля иеромонах Гавриил посетил фотографическое заведение Шерера и Набгольца, где справился об условиях печатания изображений и их цене. За каждый экземпляр фототипии просили по 5 коп. Таким образом, для издания их требовалось 6000 штук, что составляло 300 руб. Помимо этого, за съемку фотографических видов просили еще 50 руб. Срок работы предлагали выполнить в 1 или в 1,5 месяца. Монастырь согласился на эти условия, и юбилейное издание становилось иллюстрированным.

30 апреля, через три дня после посещения Забелиным обители, иеромонах Гавриил отослал автору дополнительную записку об изменениях в церквях монастыря с 1865 по 1893 г., о храме святителя Иоанна Златоуста, о посещениях монастыря Высочайшими особами и о настоятелях Донского монастыря, живших в указанный период⁴⁵. Все это было внесено Иваном Егоровичем в новое издание.

А.А. Формозов сообщает, что «среди духовенства Забелин искал людей, интересующихся прошлым, и старался привлечь их к своей работе. Иеромонаха Донского монастыря Гавриила он побуждал разобрать хранившиеся там рукописи. Проку от этого помощника оказалось мало»⁴⁶. Иеромонах Гавриил, как мог, помогал Забелину, однако его роль вряд ли можно преувеличивать. Как свидетельствуют послужные списки братии за 1890 г.⁴⁷, иеромонах Гавриил, в миру Николай Шмелев, происходил из крестьян Владимирской губернии. Специального образования не имел. Был пострижен в Костромском Ипатьевском монастыре (1871), в Донской монастырь был переведен в 1888 г. В 1893 г. иеромонах Гавриил нес послушание ризничего. Для разбора и систематизации монастырского архива он не имел необходимых знаний. По свидетельству

А.А. Формозова, благодаря совместной работе Забелина с иеромонахом Гавриилом «богатый архив монастыря с актами от 1562 до 1783 г. перешел в личное собрание Забелина, а уже оттуда, после его смерти, в Исторический музей»⁴⁸.

Сам Забелин на страницах издания 1893 г. нашел необходимым публично выразить благодарность иеромонаху Гавриилу: «При настоящем издании сообщением дополнительных сведений о происшедших обновлениях и других переменах в монастырском устройстве мы обязаны достопочтенному ризничему монастыря, о. Гавриилу, которому и приносим за то усердную благодарность»⁴⁹. Как мы видим, Забелин считал нужным официально благодарить людей, оказывавших ему помощь.

Новое издание имело несколько больший объем (193 с.) по сравнению с прежним (160 с.). Предисловие из первого издания почти без изменений было перемещено в конец книги и названо «послесловием». Также была увеличена историческая часть (история обители теперь занимала 37 страниц). Путем привлечения новых документов монастырского архива (челобитных настоятелей императрицам, донесений в Московскую синодальную контору) было расширено повествование о XVIII в., однако текст о XIX в. остался без изменений. Был увеличен и объем приложений: добавлены «черновые отпуски челобитных к императрице Анне Иоанновне и другим царским особам», а также «Опись вотчинной земли, пожалованной Донскому монастырю в начальное время». В юбилейном издании было расширено повествование о строительстве монастырской колокольни, добавлено описание строящейся церкви во имя свят. Иоанна Златоуста и св. вмц. Екатерины, опись ковчега с частицами св. мощей. По просьбе обители Забелин убрал из книги материал об ассамблее, напечатанный в старом издании на страницах 143–145. Там говорилось об обеде, данном в Донском монастыре членам Святейшего Правительствующего Синода и «прочим Синоду подчиненным приказов в суде заседающим персонам»⁵⁰ 29 декабря 1723 г. Возможно, монастырское начальство смутило описание обильного и дорогого обеда, данное на с. 145.

Работая совместно с И.Е. Забелиным, иеромонах Гавриил имел возможность консультироваться с известным историком. Так, в 1893 г. большое недоумение в обители вызвала напечатанная в «Церковных ведомостях» (№ 11) статья священника Страхова «Трехсотлетний юбилей Донского монастыря», где автор, ссылаясь на Никоновскую летопись, указывал, что изначально Малый собор был освящен в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, которая празднуется в субботу пятой недели Великого поста, а не в

честь Донской иконы. По мнению Страхова, храм стали именовать в честь Донской иконы Божией Матери только в XVII в., потому что старое название «Похвалы» забыли и Донская икона в описи 1678 г. была записана как храмовая. Найдя соответствующее место в Никоновской летописи, И.Е. Забелин посчитал, что «слово “Похвала” здесь употреблено историком, как фраза, а не как действительное наименование церкви»⁵¹: «по прехождении же единого лета или мало вяще, по преславном том чудеси пречистые Богородицы благочестивый самодержец повеле устроити монастырь честен близ царствующего града Москвы на том месте, идеже прежреченный град обоз стояше, и в нем созда церковь камену во имя пречистые Богородицы, честныя и славныя Ея похвалы»⁵². В подтверждение своих слов Иван Егорович сослался также на то, что в монастыре не имеется иконы в честь Похвалы Божией Матери. Мнение И.Е. Забелина вместе с указанной статьей старшая братия признала заслуживающим внимания и представила в своем донесении настоятелю епископу Герману 21 июля 1893 г.

Новое издание было издано к трехсотлетию юбилею обители на монастырские средства и обошлось в 650 руб. за 1200 экземпляров, около 65 коп. за книгу⁵³. Монастырь продавал их в иконо-книжной лавке по рублю⁵⁴.

По устной договоренности с монастырем перед выходом следующих изданий, содержащих добавления, следовало прежде печати предоставить текст для просмотра И.Е. Забелину. В фонде Забелина в Отделе письменных источников Государственного исторического музея собраны в основном документы, касающиеся хозяйственной деятельности Донской обители и приписных монастырей в XVII–XVIII вв.⁵⁵ Но третье издание истории Донского монастыря так и не вышло.

Общение И.Е. Забелина с Донским монастырем касалось не только издательских вопросов. С 1864 г. он неоднократно посещал обитель для решения вопросов ремонта и реставрации архитектурных памятников. Его обширным знаниям в области истории русского искусства и быта монастырь обязан тем, что избежал эпидемии «поновлений», затронувшей тогда многие памятники церковного зодчества. И.Е. Забелин руководил и реставрационными работами в монастыре⁵⁶. В 1878 г. в связи с предполагаемой росписью алтаря Большого собора И.Е. Забелин входил в состав «комиссии для обзора стенописи Соборного храма Донского монастыря»⁵⁷.

И.Е. Забелин написал и издал первое и единственное «Историческое описание» Донского монастыря. Вслед за ним краткая информация об обители стала появляться в ряде московских спра-

вочников-путеводителей. Опубликованные Забелиным документы XVII–XVIII вв. уникальны. «Историческое описание» ценно также тем, что Забелин лично руководил изданием, правил и исправлял публикуемый текст. К сожалению, он не разработал подробно архив обители, увлекшись историей Москвы и народного быта. Понимая важность церковно-исторической тематики, он искал среди духовенства Донского монастыря людей, которые помогли бы ему разобрать и обработать монастырские документы, но их не оказалось. Переписка Забелина с Донским монастырем – прекрасный источник, позволяющий нам не только дополнить историю этой московской обители. Переписка раскрывает творческую лабораторию, методы работы великого историка Москвы с источниками, позволяет осветить черты его характера, увидеть отношение к собственному труду.

Примечания

- ¹ Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель. М., 1988.
- ² См.: *Забелин И.Е.* Историческое описание московского старописанного Донского монастыря. М., 1865; *Он же.* Историческое описание московского старописанного Донского монастыря. М., 1893.
- ³ См.: Памятники древнего русского зодчества, снятые на месте. М., 1854, 1856; Благовещенский собор и его древняя стенопись // Московские ведомости. 1984. № 119. С. 5; Две подрядные записи об устройстве иконописи в соборе московского Донского монастыря // Записки Археологического общества. СПб., 1856. Т. 8. С. 159–164; Построение первой на Руси церкви в честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины // Археологические известия и заметки. 1893. № 1. С. 4–12.
- ⁴ См.: *Снегирев И.М.* Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы, древних видов и планов древней столицы. М., 1842–1845; *Строев П.М.* Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Александра Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев. М., 1844.
- ⁵ *Забелин И.Е.* Историческое описание... М., 1865.
- ⁶ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 18–19.
- ⁷ *Забелин И.Е.* Историческое описание... М., 1865. С. 75.
- ⁸ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5750. Л. 2–3 об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Д. 6897. Л. 2–3 об.
- ¹¹ Там же. Л. 1–1 об., 4, 6–7.

- ¹² Там же. Л. 6.
- ¹³ Там же. Д. 6981. Л. 2–3.
- ¹⁴ Там же. Д. 6089. Л. 53–56.
- ¹⁵ Там же. Д. 6366. Л. 36 об.
- ¹⁶ Архимандрит Аркадий (Адриан Демидов Яценко) проживал в Донском монастыре с 1835 г. Он происходил из войсковых обывателей Харьковской губернии, Сумского уезда слободы Сыроватки, в брак не вступал. Архимандрит Аркадий был пострижен в монашество в 1838 г. в Донском монастыре, в 1841 г. был посвящен в сан иеродиакона, в 1842 г. – иеромонаха. Он был лично знаком с И.Е. Забелиным. В Донском монастыре архимандрит Аркадий исполнял послушания ризничего, затем казначея, в 1862 г. был назначен заместителем. Также он выполнял различные поручения Московской синодальной канцелярии, неоднократно награждался. А с 1869 по 1878 г. по причине болезни настоятеля архиепископа Евгения (Казанцева) ему было поручено управление Донским монастырем при участии казначея и ризничего до назначения нового настоятеля.
- ¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6897. Л. 2–3 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Из воспоминаний о 1812 году // Московские епархиальные ведомости. 1871. № 41. С. 397–400; № 43. С. 445–447.
- ²³ Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII в. по спискам архива Оружейной палаты и Донского монастыря. М., 1873.
- ²⁴ *Забелин И.Е.* Историческое описание... М., 1865.
- ²⁵ А.А. Формозов считает, что Забелин помог Д.П. Голохвастову (помощник попечителя Московского учебного округа, двоюродный брат А.И. Герцена) подобрать материал для статьи «Замечания об осаде Троицкой Лавры 1606–1610 и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий», напечатанной в 1842 г. в журнале «Москвитянин».
- ²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6089. Л. 54.
- ²⁷ Там же. Л. 36.
- ²⁸ Там же. Л. 55.
- ²⁹ Там же. Д. 6306. Л. 5 об.
- ³⁰ Там же. Д. 6366. Л. 36 об.
- ³¹ *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 97.
- ³² *Забелин И.Е.* Историческое описание... М., 1865.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 37.
- ³⁵ Епископ Герман (Осецкий) управлял Донским монастырем в 1886–1895 гг.
- ³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6897. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Л. 4.

- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Забелин ошибочно называет настоятеля Донского монастыря епископа Германа митрополитом (*Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 155).
- 41 ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6897. Л. 6–7.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Л. 6.
- 44 Там же. Д. 6981. Л. 2.
- 45 Там же.
- 46 *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 199.
- 47 ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6864.
- 48 *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 199.
- 49 *Забелин И.Е.* Историческое описание... М., 1893. С. 192.
- 50 Там же. С. 143–144.
- 51 ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6982. Л. 1.
- 52 Полное собрание русских летописей. Т. 14. М., 2000. С. 15.
- 53 ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6981. Л. 2.
- 54 Там же. Д. 7050. Л. 12.
- 55 ОПИ ГИМ. Ф. 440.
- 56 *Аренкова Ю.И., Мехова Г.И.* Донской монастырь. М., 1970. С. 49.
- 57 ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6243. Л. 5–7 об.

А.С. Жукова

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА
ПРИ ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ПЫЖАХ
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОСКВЫ
(1884–1918 гг.)

В статье рассмотрена история возникновения церковно-приходской школы при московском храме святителя Николая в Пыжах, дан анализ организации учебно-воспитательного процесса, показаны роль школы в развитии начального церковно-школьного образования в Москве, ее значение в истории и культуре города.

Ключевые слова: церковно-приходская школа, церковно-приходские школы Москвы, Московский епархиальный училищный совет, Православное Московское епархиальное Кирилло-Мефодиевское братство, педагогические собрания учителей столичных церковных школ, А.Д. Италинский, епископ Парфений (Левицкий), сщмч. П.В. Соколов, Д.М. Струков, И.А. Лямин, Н.И. Лямин, Е.С. Лямина, И.Е. Гаврилов, В.Ф. Аршинов.

Церковно-приходские школы (ЦПШ), возникшие на Руси вскоре после принятия христианства, вплоть до последней трети XIX в. не имели ни общего руководства, ни единого устава, не входили ни в какую единую государственную систему. Становление и развитие самостоятельной системы церковно-школьного образования во многом связано с именем К.П. Победоносцева и его деятельностью на посту обер-прокурора Св. Синода (1880–1905). «Высочайше утвержденные Правила о церковно-приходских школах», изданные 13 июня 1884 г., законодательно оформили учреждение этого типа церковных школ¹.

ЦПШ имела целью «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». В соответствии с «Правилами» создавались одноклассные (двухгодичные) и двухклассные (четырёхгодичные) ЦПШ. «Положением о церковных школах Ведомства Православ-

ного Исповедания», опубликованным 1 апреля 1902 г., срок обучения был увеличен: до 3 лет в одноклассных и до 5 лет в двухклассных школах².

Высшее управление ЦПШ и распоряжение отпускаемыми на их устройство и содержание суммами принадлежали Св. Синоду. Непосредственное управление ЦПШ принадлежало Училищному совету при Св. Синоде. На епархиальном уровне заведование школами принадлежало епархиальным преосвященным, которые управляли школами при посредстве специально учреждаемых епархиальных училищных советов и их уездных отделений.

Центральным органом управления ЦПШ Московской епархии являлся Московский епархиальный училищный совет (МЕУС), учрежденный по распоряжению митрополита Московского Иоанникия (Руднева) 25 октября 1884 г. На местах управление церковными школами было сосредоточено в его 15 отделениях, открытых согласно Высочайше утвержденным 28 мая 1888 г. «Правилам об уездных отделениях епархиальных училищных советов», – одного в Москве и 14 в уездах Московской епархии³. В отношении местного управления Николо-Пыжевская школа состояла в ведении Столичного отделения МЕУС, открывшего свою деятельность с началом 1894/1895 учебного года.

Важнейшим опубликованным источником изучения истории любой московской ЦПШ является вышедшее в свет в 1910 г. юбилейное издание МЕУС «За четверть века (1884–1909): К истории церковно-приходских школ Московской епархии», представляющее собой сборник статей, всесторонне характеризующих церковно-школьное дело в Московской епархии, и подводящее итог 25-летнему существованию ЦПШ. Ценнейшим источником по истории столичных ЦПШ являются и отчеты епархиального и столичного наблюдателей, публиковавшиеся в газете «Московские церковные ведомости» (МЦВ), официальном печатном органе Московской епархии, и вышедшие отдельными изданиями, а также опубликованные в «МЦВ» статьи об открытии ЦПШ, освящении школьных зданий, о школьных праздниках и т. д. Основу группы неопубликованных источников составляют материалы Центра хранения документов (ЦХД) до 1917 г. ЦГА Москвы (Ф. 203 – «Московская духовная консистория», фонды 2121–2126 – церкви сороков Москвы), а также материалы РГИА (Ф. 803 – «Училищный совет при Синоде»).

К 1910 г. в Москве столичным духовенством было основано 23 двухклассных и 110 одноклассных школ с преподавательским составом до 800 человек⁴. ЦПШ открывались при храмах, монасты-

рях, обществах, братствах, институтах, певческих хорах, тюрьмах, в качестве образцовых при духовных семинариях, епархиальных училищах и пр. ЦПШ, находившиеся при храмах и монастырях, были одноименны последним. Часто школы носили имена своих попечителей.

Одноклассные ЦПШ существовали в Москве задолго до издания «Правил» 1884 г. В Замоскворечье к 1884 г. их было четыре: Параскево-Пятницкая (дата основания 1862 г.), Вознесенско-Серпуховская (1868 г.), Николо-Голутвинская (1872 г.), Николо-Пупышевская (1873 г.). Первыми московскими ЦПШ, получившими статус двухклассных, стали Николо-Ваганьковская (1884), Сергиево-Рогожская (1885) и Чудовская (1885) школы.

Николо-Пыжевская ЦПШ, ставшая первой двухклассной ЦПШ в Замоскворечье, открылась 1 апреля 1886 г. по инициативе настоятеля храма святителя Николая в Пыжах (ул. Большая Ордынка, д. 27а/8) прот. Константина Яковлевича Орлова (1854?–1915). С 1884 г. он являлся первым инспектором классов, законоучителем и делопроизводителем организовывавшегося тогда на Большой Ордынке Мариинского епархиального женского училища. Ввиду нужды Мариинского училища в образцовой школе, которая давала бы возможность педагогической практики его воспитанницам V и VI курсов, и нужды Николо-Пыжевской школы в помещении прот. Константин обратился к Совету училища с просьбой уступить две свободные комнаты в училище для размещения Николо-Пыжевской школы с тем, чтобы она была образцовой школой при училище, на что получил согласие МЕУС.

С момента своего открытия Николо-Пыжевская школа пользовалась неуклонным авторитетом и популярностью. Уже за первые шесть лет ее существования число учащихся возросло с 20 до 120 человек, причем число желающих поступить в школу было так велико, что за недостатком вакантных мест многие просители не могли определять в нее своих детей⁵. В связи с увеличением числа учащихся и служащих как в Мариинском училище, так и в самой школе размещение этих двух учреждений в одном здании оказалось неудобным. Возникла необходимость перевода школы из училищного дома и строительства собственного школьного здания. Деньги на его постройку нашлись следующим образом.

В конце 1880-х гг. в приходе Николо-Пыжевского храма решался вопрос о пристройке еще одного придела с северной стороны, 40 тыс. руб. на постройку которого были завещаны скончавшимся в 1888 г. прихожанином храма московским купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином Петром Николаевичем

Рахманиным. Ввиду полученного со стороны Императорского Московского археологического общества запрета проведения постройки в сентябре 1892 г. было принято решение употребить этот капитал на строительство здания для ЦПШ⁶.

Двухэтажное каменное здание Николо-Пыжевской ЦПШ было построено по проекту известного московского архитектора А.А. Никифорова в характерном для того времени «неорусском» стиле. Сохранившееся и поныне (ул. Большая Ордынка, д. 27/6, стр. 1), правда, в несколько перестроенном виде, оно гармонирует с Никольским храмом – известным архитектурным памятником XVII в. Торжественное освящение нового здания 8 сентября 1894 г. совершал ректор Московской духовной семинарии, товарищ председателя Кирилло-Мефодиевского братства архимандрит Климент (Верниковский)⁷.

Переезд Николо-Пыжевской школы в новое просторное здание позволил значительно увеличить число учащихся, которое теперь возросло до 160 человек (к 1916 г. оно достигло 210 человек⁸). На 1 января 1900 г. по числу учащихся Николо-Пыжевская школа была самой многочисленной среди московских ЦПШ. Как и в любую церковную школу, сюда принимались дети православного исповедания без различия сословий в возрасте от 8 лет. Николо-Пыжевская школа относилась к смешанному, наиболее распространенному, типу школ: мальчики и девочки здесь обучались совместно. Национальный и конфессиональный состав детей был практически однороден. Так, в 1899 г. здесь обучалось 139 человек: 138 русских и 1 еврей⁹. Обучение было бесплатным. Согласно году обучения, учащиеся распределялись до 1902 г. на 4 отделения, а начиная с 1902 г. – на 5 отделений.

Как и всякая ЦПШ, Николо-Пыжевская школа имела значение подготовительного для поступления в средние учебные заведения училища и давала элементарное, но основательное, в духе православной Церкви, образование. Учебный план двухклассной ЦПШ составляли следующие предметы: Закон Божий, церковное пение (занимавшие первенствующее место), церковно-славянская грамота, русский язык, письмо, начальная арифметика, рукоделие (для девочек), краткая церковная и отечественная история, география, черчение и, наконец, «по возможности» рисование¹⁰. Последним двум предметам здесь уделялось особое внимание¹¹. Уроки рисования в 1888–1890 гг. вел известный художник, археолог, историк Дмитрий Михайлович Струков (1828–1899)¹². Из вышеперечисленных предметов в расписании уроков всех четырех отделений Николо-Пыжевской школы за 1898/1899 учебный

год не находим лишь историю Церкви, зато присутствует гимнастика¹³.

Помимо предметов, установленных учебной программой, во многих ЦПШ велись также занятия, имеющие практическое значение в жизни детей, в подавляющем большинстве своем являвшихся выходцами из бедных слоев городского населения. Для мальчиков преподавались различные ремесла: столярное, слесарное, токарное, плотническое, сапожное, портняжное и др. Наиболее распространенным среди ремесленных занятий было переплетное мастерство. Преподавалось переплетное мастерство и в Николо-Пыжевской школе. В 1898/1899 учебном году уроки переплетного мастерства вел диакон церкви при 1-й Гренадерской артиллерийской бригаде на Ходынском поле Петр Васильевич Соколов (1873–1938) – впоследствии митрофорный протоиерей, священномученик, причисленный в 2003 г. к лику святых¹⁴.

Если ремесленные занятия для мальчиков были предметом дополнительным, то рукоделие для девочек, как было указано выше, входило в обязательную школьную программу. Не было исключением и Николо-Пыжевская школа. Более того, в 1889/1890 учебном году она была одной из двух столичных школ, где воспитанницы занимались рукоделием, в 1890/1891 учебном году – одной из трех¹⁵.

Согласно «Правилам» 1884 г., образовательная функция ЦПШ – «сообщать первоначальные, полезные знания» – занимала вторую позицию по отношению к ее главной, воспитательной, функции – «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской». Именно духовно-нравственное воспитание детей было приоритетной задачей ЦПШ.

В Николо-Пыжевской школе, как и в любой другой ЦПШ, учебный день начинался с чтения утренних молитв, дневного Евангелия (с объяснением) и жития дневного святого. По окончании утренней молитвы приступали к занятиям, при этом каждый урок, как и школьный завтрак, начинался и оканчивался молитвой. По окончании уроков читались вечерние молитвы.

Другой частью духовно-нравственного воспитания учащихся церковных школ была забота о регулярном посещении ими воскресных и праздничных богослужений. Согласно установившемуся в столичных церковных школах порядку, все ученики перед богослужением собирались в школу, а затем «попарно и чинно» шли в храм.

Регулярно исполнялся учащимися ЦПШ и христианский долг исповеди и Св. Причастия. Как правило, ученики говели и прича-

щались Св. Таин один раз в год – на первой седмице Великого поста. В Николо-Пыжевской школе для говения ученикам давались две недели: первая седмица Великого поста и Страстная. В дни говения учебные занятия отменялись.

Еще одним благоприятным во многих отношениях воспитательным средством было устройство различных школьных актов, детских праздников, елок, вечеров, во время которых ученики пели церковные песнопения, читали стихи духовно-нравственного содержания и пр.

Однако главным праздником русской церковной школы, основанной на началах духовного просвещения, являлся день памяти святых равноапостольных учителей Словенских Кирилла и Мефодия (11 мая по ст. ст.).

Важнейшим воспитательным средством, оказывавшим благотворное влияние на детей, было совершение паломничеств. Они организовывались в конце учебного года, по окончании экзаменов, под руководством учителей и при содействии попечителя школы. Учащиеся столичных ЦПШ не только ходили на поклонение к городским святыням (Кремлевские соборы, Иверская часовня и др.), но и посещали подмосковные монастыри – Троице-Сергиеву лавру, Николо-Угрешский и Ново-Иерусалимский монастыри, Николаевскую Берлюковскую, Аносину и Давидову пустыни и др. В 1902/1903 учебном году воспитанники Николо-Пыжевской школы ходили на поклонение кремлевским святыням и осматривали достопримечательности Кремля, а 18–19 мая 1903 г. совершили паломничество в Угрешский монастырь¹⁶.

Своим влиянием на детские души Николо-Пыжевская школа была обязана во многом составу учителей, регулярно отмечавшихся в отчетах епархиального наблюдателя в числе «особенно ревностных и заслуживающих внимания» преподавателей московских двухклассных ЦПШ. Уже к 1900/1901 учебному году школа занимала первое место среди московских школ по числу учащихся – в школе преподавали 8 учителей и учительниц¹⁷. К 1909 г. она делит его лишь со школой при храме великомученика Георгия Победоносца, что на Красной горке.

В жизни любой ЦПШ всегда неизменно велика была роль попечителей и благотворителей. В этом отношении от Николо-Пыжевской школы, как и от Никольского храма, неотделимо имя московской купеческой семьи Ляминых, вошедшей в историю города отчасти благодаря своей обширнейшей благотворительной деятельности. Иван Артемьевич Лямин (1822–1894), бывший в 1857–1894 гг. старостой Никольского храма, среди первых в 1886 г.

пожертвовал средства и на содержание школы¹⁸. Первым попечителем школы стал его сын Николай Иванович Лямин (1860–1891), также крупный представитель московского купечества¹⁹. В 1900 г. вдова И.А. Лямина, известная московская благотворительница Елизавета Семеновна Лямина, жертвует на нужды школы 17 тыс. руб.²⁰

После кончины Н.И. Лямина попечителем школы был утвержден прихожанин, а с 1894 г. староста Никольского храма, московский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Иван Егорович Гаврилов (1838–1903), жертвовавший на содержание и нужды школы ежегодно около 1500 руб.²¹ В 1903 г. на должности попечителя школы его сменил прихожанин Никольского храма московский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Василий Федорович Аршинов (1854–1942), один из ведущих фабрикантов-суконщиков России, крупный московский общественный деятель и благотворитель. В должности попечителя В.Ф. Аршинов состоял, видимо, вплоть до 1918 г.

С переездом школы в новое здание не только значительно улучшается ее материальное положение. Она становится центром педагогической жизни учителей московских ЦППШ.

29 апреля 1899 г. под председательством выдающегося деятеля духовного просвещения епархиального наблюдателя А.Д. Италинского, назначенного на эту должность 31 декабря 1898 г., состоялся съезд уездных наблюдателей Московской епархии²². Съезд признал устройство и проведение подобных собраний, «имеющих целью единение и соглашение учащих в самых разнообразных отношениях», весьма полезным и желательным²³.

Местами проведения педагогических собраний учителей церковных школ Московской епархии были избраны два пункта: обширная и удобная зала для беседований при Сергиевской, что в Рогожской, церкви и помещение в Николо-Пыжевской школе. Однако по причине удаленности Сергиевского храма от центра города почти все педагогические собрания, согласно желанию большинства, устраивались впоследствии в Николо-Пыжевской школе. Все они проходили под председательством и руководством А.Д. Италинского.

На настоящий момент доподлинно известно о 36 педагогических собраниях учителей столичных церковных школ, проходивших в Николо-Пыжевской школе. Видимо, в действительности их было гораздо больше. Педагогические собрания не носили официального или обязательного характера. Проводились собрания в форме совещаний и обмена мнениями по разным педагогическим вопросам.

Чтобы собрания не были обременительны для учителей и не наносили ущерб урокам в школе, поначалу они проводились примерно раз в месяц в вечернее время. Извещать о дне собрания, а также предметах собраний были призваны объявления в «МЦВ», помещавшиеся в специальном располагавшемся на титульном листе разделе «От Московского епархиального наблюдателя» (позднее – «От Столичного отделения Московского епархиального училищного совета», «От Московского столичного наблюдателя церковных школ»).

На собраниях в Николо-Пыжевской школе происходил взаимный обмен мнениями по педагогическим проблемам, разрешались различного рода затруднения учительской практики, выяснялись нужды учащихся и учащихся, разрабатывались учебные программы и программы школьных праздников, вырабатывались методические приемы и способы преподавания разных предметов, заслушивались и обсуждались тематические доклады, представлялись и разбирались примерные уроки, принимались те или иные воспитательные меры.

Уже на второе педагогическое собрание явилось свыше 140 человек. Впоследствии собрания станут посещать около 200 человек. Среди них – председатель и члены КМБ и МЕУС, епархиальный, столичный и уездные наблюдатели, отцы благочинные, заведующие школами, рядовые учителя и учительницы²⁴. Педагогические собрания, а также выпускные экзамены в Николо-Пыжевской школе неоднократно посещал ректор Московской духовной семинарии, Председатель совета КМБ и МЕУС епископ Можайский Парфений (Левицкий) – видный деятель церковно-школьного образования.

В школе читались разнообразные образовательные курсы для учителей. Среди них – краткие курсы по полууставу и приемам обучения ему, лекции инженера Голубкова по природоведению и черчению по программе ЦПШ. Курс церковного пения читал известный русский хоровой дирижер и музыкальный педагог Алексей Николаевич Карасев (1854–1914).

В ходе деятельности педагогических собраний образовывались особые комиссии из учителей и учительниц под председательством епархиального наблюдателя. Первой из них стала комиссия по вопросу о выразительном чтении, занимавшаяся на своих заседаниях подготовкой к «образцовому» исполнению на общих собраниях литературных произведений из школьной программы. Работа другой комиссии была посвящена выработке конспекта-программы по грамматике с распределением материала на три года для тех одноклассных школ, где учитель занимается с одним отделением. Про-

грамма была представлена на рассмотрение в Училищный совет, где одобрялась для применения в столичных школах.

Были организованы также комиссии по пересмотру книг учебных, для внеклассного чтения и по славянскому языку и др. Специальной комиссией рассматривалась текущая педагогическая литература.

По свидетельству современников, педагогические собрания в Николо-Пыжевской школе были своего рода местной «педагогической лабораторией» или «фабрикой», где вырабатывались разного рода приемы по обучению в школах.

За организацию учительских собраний и за отчеты о церковных школах, регулярно публиковавшиеся в «МЦВ», а также выходившие отдельными изданиями, А.Д. Италинскому была присуждена серебряная медаль международной научно-промышленной выставки «Детский мир», проходившей в 1903–1904 гг. в Петербурге²⁵. Именно активностью Александра Даниловича объяснялась современниками оживленная и плодотворная деятельность собраний.

В здании Николо-Пыжевской школы проводились ежегодные общие спевки замоскворецких школ для подготовки к школьному празднику 11 мая (день св. Кирилла и Мефодия), объявления о которых также регулярно печатают «МЦВ», и спевки учительского хора, образовавшегося при педагогических собраниях²⁶.

Учебно-воспитательное значение церковных школ не ограничивалось одними юными учащимися. Сфера их деятельности была гораздо шире, охватывая и взрослое население местности. Многие заведующие школами отмечали, что после открытия в их приходе школы храмы стало посещать больше народа и отношение последнего к Церкви делалось более усердным. Особенно заметно это было там, где дети принимали участие в совершении богослужений. Особо важное значение имели устраиваемые приходским духовенством с 1899 г. при ЦПШ религиозно-нравственные чтения для народа. Николо-Пыжевская же школа была одной из семи московских школ, где чтения проходили еженедельно.

Деятельность Николо-Пыжевской школы была чрезвычайно плодотворной. За первые 22 года ее существования (1886–1908) было сделано 19 выпусков, школу окончил 251 ученик. При этом многие, подготовившись за время обучения в школе к поступлению в средние учебные заведения, вышли из нее до окончания курса. Вот итог, к которому пришла школа за четверть века своего существования: «Из окончивших курс 15 прошли и проходят курс гимназий, причем 4 окончили курс в гимназии с золотой медалью. Один учится и кончает курс в Лицее Цесаревича Николая, 10 девиц окончили курс в профессиональном училище Лепешкиной со званием домаш-

них учительниц. 8 учеников обучаются и окончили курс в Комиссаровском Техническом училище. Двенадцать в Солодовническом училище. 10 девиц окончили курс в Мариинском Епархиальном училище. Пять окончило курс в мещанском училище. Двенадцать в Московской духовной семинарии. Четырнадцать в железнодорожных технических училищах. <...> Из ограничившихся образованием в Николо-Пыжевской школе: восемь состоят чиновниками Казенной Палаты, Почтамта и Государственного Банка; двадцать ведут собственную торговлю; тридцать шесть состоят торговыми промышленниками в различных магазинах; двадцать прошли курс бухгалтерии и состоят бухгалтерами и конторщиками в торговых заведениях; десять занимаются подрядными строительными работами и до сорока крестьян, возвратившись в деревню, занимаются земледелием. <...> Из 30-ти остальных окончивших курс в школе один обучается пению в Консерватории, десять состоят певчими в различных певческих хорах и девятнадцать занимаются ремеслами самостоятельно или в различных мастерских»²⁷.

Таким образом, из окончивших курс Николо-Пыжевской школы 87 человек (т. е. примерно треть) обучались в средних и высших учебных заведениях, еще 134 ученика заняли вполне определенное и прочное положение в обществе. Вообще, как свидетельствовали современники, за все время существования школы «все, кто учился в ней, с благодарностью вспоминают о ее просветительном и воспитательном влиянии на них в годы детства и юности и определяют своих братьев и сестер в ту же Николо-Пыжевскую школу, в которой учились сами»²⁸.

Вслед за Николо-Пыжевской в Замоскворечье были открыты три двухклассных ЦПШ: Скорбященская-Зацепская (1892), Спасо-Наливковская (1893) и Казанская у Калужских ворот (1893). Однако в связи со сложностью основания и материального содержания двухклассных ЦПШ гораздо более многочисленными всегда были одноклассные школы. В Замоскворечье к существующим до 1884 г. 4 одноклассным ЦПШ к 1910 г. добавилось еще 15: Мароновская на Якиманке (1885), Ризоположенская на Донской ул. (1888), Троице-Кожевническая (1892), Иоакиманская на Якиманке (1894), образцовая при Мариинском епархиальном женском училище (1894), Георгиевская в Ендове (1898), Шанинская при церкви Вознесения у Серпуховских ворот (1899), Николо-Заяицкая (1901), Климентовская на Пятницкой (1901), школа при Губонинской капелле, на Малой Ордынке (1901), Воскресенская в Монетчиках (1902), Николо-Толмачевская (1902), Иоанно-Предтеченская под Бором (1903), Петропавловская на Якиманке (1904), школа при хоре В.А. Александрова на Калужской площади (1906).

После Октябрьского переворота все ЦППШ были упразднены согласно статье 9 Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», опубликованного 20 января 1918 г. С 1920-х гг. и до 1983 г. в здании Николо-Пыжевской школы располагалось Музыкально-педагогическое училище им. Октябрьской революции. С 1983 по 1994 г. здесь находился факультет эстрадной музыки Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, на базе которого в 1994 г. было образовано Государственное музыкальное училище эстрадно-джазового искусства.

Николо-Пыжевской ЦППШ принадлежит большая заслуга в деле образования и просвещения не только в рамках прихода, но и в масштабах Москвы. С момента переезда в новое здание школа становится эталоном церковно-школьного образования, важным духовно-просветительским и культурным центром города. Вплоть до открытия в 1902 г. Московского епархиального дома школа являлась средоточием педагогической жизни учителей московских ЦППШ, а также местом проведения религиозно-нравственных чтений для народа. Школу посещали многие выдающиеся деятели духовного просвещения, известные педагоги. Со школой связаны имена многих выдающихся священнослужителей, известных московских купцов и предпринимателей, оказывавших ей материальную поддержку.

Значение церковных школ в истории и культуре Москвы огромно и пока, к сожалению, не изучено. Для историка-краеведа чрезвычайно важно изучение топографии ЦППШ, их роли в жизни московских храмов, приходов, биографий многих забытых сегодня видных деятелей церковно-школьного образования, внесших значительный вклад в дело народного просвещения.

Примечания

- ¹ Высочайше утвержденные Правила о церковно-приходских школах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. IV. 1884 г. СПб., 1887. С. 372–374. № 2318.
- ² Высочайше утвержденное Положение о церковных школах Ведомства Православного Исповедания // Там же. Т. XXII. 1902 г. Отд. 1. СПб., 1904. С. 206–211. № 21290.
- ³ Высочайше утвержденные Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов // Там же. Т. VIII. 1888 г. СПб., 1890. С. 278–280. № 5261.
- ⁴ Отчет Столичного Наблюдателя архимандрита Модеста о состоянии церковных школ г. Москвы за 1909 г. М., 1910. С. 54–57.

- ⁵ Николо-Пыжевская двухклассная церковно-приходская школа и предполагаемое устройство для нее нового дома // Московские церковные ведомости. 1892. № 48. С. 732–733.
- ⁶ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 679. Д. 5. Л. 4–5.
- ⁷ Московская хроника // Московские церковные ведомости. 1894. № 38. С. 481.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 4. Д. 4. Л. 202.
- ⁹ Отчет о состоянии и деятельности Московского Епархиального Училищного Совета и о состоящих в его ведении церковных школах епархии. М., 1900. С. 4–5.
- ¹⁰ Высочайше утвержденное Положение о церковных школах... С. 209.
- ¹¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1681. Л. 4.
- ¹² См.: Отчет Московского Кирилло-Мефодиевского братства за 1888 год. М., 1889. С. 7; Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Московской епархии в 1889–1890 учебном году. М., 1891. С. 9.
- ¹³ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 773. Д. 139. Л. 1–3.
- ¹⁴ Там же. Оп. 766. Д. 83. Л. 11.
- ¹⁵ См.: Отчет о состоянии церковно-приходских школ... 1891. С. 15; Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Московской епархии в 1890–1891 учебном году. М., 1892. С. 15.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 835. Оп. 3. Д. 286. Л. 11–14.
- ¹⁷ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Московской епархии за 1900 и 1901 учебный год. М., 1901. С. 32.
- ¹⁸ Николо-Пыжевская двухклассная церковно-приходская школа... С. 732–733.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 766. Д. 152. Л. 3.
- ²¹ Отчет о состоянии и деятельности Московского... С. 74–75.
- ²² Определение Святейшего Синода // Московские церковные ведомости (Официальный отдел). 1899. № 4. С. 1.
- ²³ Одобренные и утвержденные Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Владимиром, митрополитом Московским и Коломенским, решения и заключения съезда о.о. уездных наблюдателей Московской епархии // Там же. № 25. С. 47.
- ²⁴ Педагогические собрания учащихся в церковно-приходских школах г. Москвы // Народное образование. 1900. № 6–7. С. 121.
- ²⁵ Результаты участия церковных школ в международной научно-промышленной выставке «Детский мир» // Народное образование. 1904. № 3. С. 313.
- ²⁶ См.: От Столичного Наблюдателя церковных школ // Московские церковные ведомости. 1905. № 10, 12. С. 1; От Совета Общества любителей церковного пения // Там же. 1902. № 39. С. 449.
- ²⁷ За четверть века (1884–1909): К истории церковно-приходских школ Московской епархии. М., 1910. С. 361.
- ²⁸ Там же. С. 362.

К.А. Смирнова

ХРАМ СПАСА ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ: ИСТОРИЯ. МЕМОРИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

В данной статье речь пойдет о храме Преображения Господня в Преображенском, благодаря которому село и получило свое название. Сохранившиеся документы позволяют проследить историю Преображенского храма от его первого упоминания еще во второй половине XVII в. до уничтожения уже во второй половине XX в., в 1964 г. В судьбе храма можно выделить три периода: первоначальная палаточная церковь, деревянный и каменный храм. За время своего существования храм неоднократно перестраивался, появлялись новые приделы. Преображенский храм связан с историей средневековой царской резиденции в Преображенском, с историей российской гвардии. В статье рассматривается повседневная жизнь храма Спаса Преображения, важнейшие события его истории, наиболее ценные вклады и дарения. Особое внимание уделяется судьбе храма в 1910–1920-е гг. и обстоятельствам его разрушения в 1960-е гг.

Ключевые слова: храм Спаса Преображения, село Преображенское, Преображенский гвардейский полк, храм Алексия митрополита в Ольгинском детском приюте, церковная утварь, Преображенское религиозное общество, Устав общества, приход, община верующих.

Информация о Преображенском храме, к сожалению, не так богата. В литературе встречаются в основном однообразные и неоригинальные сведения. Особый интерес по истории храма представляют два архивных дела, хранящихся в ЦГАМО. Это «Договор с группой верующих о передаче им церкви, так называемой “Преображения” с. Преображенского, с протоколами и описями церковного имущества» (объем – 86 л.)¹ за 1919–1920 гг. и «Заявление членов общества церкви “Преображения” и “Петра и Павла”, что в Черкизове о регистрации их общества со списками членов общества, актами и описями имущества, договором и уставом общества» (объем – 63 л.)² за 1923–1924 гг.

Первое упоминание о церкви Преображения содержится в записях личного врача царя Алексея Михайловича Самуэля Коллинса. Он писал своему другу в Лондон о том, что «ежегодно... царь отправляется... в увеселительный дворец, который называется Преображенским. <...> Палатки царя, царицы, одиннадцати (его) детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка»³. Таким образом, врач-англичанин упомянул здесь о полотняной церкви Спаса Преображения, стоявшей в центре усадьбы и давшей название всей, тогда еще небольшой, резиденции. Эту скромную палатку и можно считать первым православным храмом в местности, на которой позже возникло с. Преображенское.

П.В. Сеницын считал, что церковь была построена в 1660 г. около «деревушки Хапиловки, а лет через десять царь Алексей Михайлович построил уже на самом своем дворе другую – во имя Воскресения Христова»⁴.

Есть сведения, что в 1669 г. Алексей Михайлович на праздник Ильи Пророка присутствовал на божественной литургии в храме Преображения Христова в с. Преображенском⁵. Существуют упоминания о храме в документах конца XVII в. Так, хранящаяся в РГАДА расходная запись 1692 г. говорит, что он стоял у Конюшенного двора⁶, т. е. где-то в районе нынешней Потешной улицы, где тогда находились конюшни потешных. Очевидно, об этой церкви упоминают и документы 1688 г., сообщающие о сооружении в слободе каменной церкви, крытой белым железом, с деревянной оградой и воротами⁷. Ее возводили одновременно с церковью во имя царевича Иоасафа в Измайлове и на средства приказа Большого дворца, который финансировал все потешное строительство.

В XVIII в. Преображенский храм упоминается как храм Преображенского гвардейского полка, достоверные известия о нем есть в документах XVIII в. Деревянная полковая церковь в солдатской Преображенской слободе упоминается в 1722–1727 гг. В 1741 г. она «за ветхостью»⁸ была «сломана и покладена в костры»⁹. Соседняя Покровская община (община храма Покрова в с. Покровском) взяла на себя инициативу строительства в Преображенском новой церкви. Ее хотели сделать деревянной и поставить на новом месте, у здания Преображенского приказа. При строительстве церкви предполагалось использовать материалы бывшего Меншиковского дома в Семеновском, который перешел в казну. Церковь хотели назвать во имя св. Иоанна Предтечи – небесного патрона наследника престола царевича Иоанна Антоновича¹⁰. Но в 1741 г. произошел

дворцовый переворот, строительство храма во имя небесного покровителя опального царевича не состоялось.

В 1743 г. (в документах же упоминается 1746 г.)¹¹ сержант Преображенского полка Иван Елисеевич Третьяков купил на свои деньги деревянный сруб в соседней Семеновской слободе и перевез его в Преображенское, чтобы устроить полковую церковь. Освящена же она была лишь в 1747 г. во имя свв. апостолов Петра и Павла, в честь императора-преобразователя¹².

В 1750 г. местные священники Петр Фадеев и Леонтий Васильев освятили при церкви престол во имя Спаса Преображения, впоследствии этот престол стал основным. Вскоре деревянное здание пришло в ветхость, и жители Преображенского решили возвести здесь новую, каменную церковь. Петр Фадеев и Леонтий Васильев обратились в Консисторию с просьбой приступить к сбору пожертвований. В 1763 г. они получили «сборную книгу», и им стали поступать средства на строительство¹³. С большим трудом, но им все-таки удалось осуществить свою идею. В мае 1765 г. было выбрано место для нового храма – рядом со старой деревянной церковью. В январе следующего года была выдана «храмозданная грамота»¹⁴. Каменный Преображенский храм был поставлен в 1768 г. и достраивался в последующее время¹⁵.

Собранных солдатских денег на достройку не хватало, а местные обыватели не спешили помочь – большинство из них были старообрядцами, которые занимались устройством своих молелен. Военные просили у Главной дворцовой канцелярии разрешения разобрать в Преображенском петровский дом и использовать его белокаменный фундамент на достройку церкви. Разрешения не последовало, и строительство храма было завершено только в 1781 г., когда к нему пристроили колокольню и придел свв. Петра и Павла¹⁶. Таким образом, храм в своей истории прошел три стадии: палаточную, деревянную и каменную. Не имея, может быть, высоких художественных достоинств, он тем не менее долгое время оставался символом Преображенского. Здание Преображенской церкви имело традиционную для русских храмов XVIII–XIX вв. композицию «кораблем». Колокольня и трапезная были отделаны в стиле классицизма, хотя отдельные элементы декора, формы завершений храма и колокольни, компоновка архитектурных объемов свидетельствовали о влиянии стиля барокко. На небольшом кладбище рядом с храмом сохранялись захоронения офицеров и солдат Преображенского гвардейского полка.

Иконостас и большинство икон были написаны в XIX в., хотя в храме была и утварь более старого времени – XVII–XVIII вв.

Среди икон выделялся образ Знамения Пресвятой Богородицы, написанный в Новгороде в 1715 г. и, по преданию, подаренный в церковь самим Петром I¹⁷. Следует отметить также, что в оформлении некоторых частей интерьера храма в 1860 г. принимал участие известный архитектор М.Д. Быковский¹⁸. Например, по его рисунку в 1856 г. был выполнен один из киотов¹⁹.

В начале же XIX в. доход Преображенской церкви был скудным. Главный храм на зимнее время закрывался, и служба происходила только в приделе свв. Петра и Павла. «Внутренняя отделка была очень бедная, не было даже чистоты и опрятности, так что дрова для отопления церкви частью складывались внутри ее; отопление было плохое, отчего конечно была большая сырость»²⁰. Причинами такого плохого состояния служили малочисленность прихожан, их бедность.

Значительные изменения в жизни и устройстве храма стали происходить со второй трети XIX в. Около 1830 г. стараниями местного купца и фабриканта М.Ф. Котова, избранного церковным старостой (в течение 50 лет представители фамилии Котовых становились старостами храма²¹), храм начал благоустраиваться.

История храма была тесно связана и с датами лейб-гвардии Преображенского полка. 6 августа 1856 г. полк пребывал в Преображенском по случаю дня полкового праздника, совпадавшего с престольным праздником храма. В этот день Котовы устроили торжественный банкет для 3600 гвардейцев-преображенцев в своей усадьбе по соседству²². Тогда же лейб-гвардии Преображенский полк пожертвовал в церковь храмовую икону Преображения Господня²³.

23 мая 1883 г. храм посетил император Александр III со своей семьей, прибывший в Преображенское на торжества по случаю 200-летия первых гвардейских полков русской армии. Сохранилось описание юбилейных торжеств, демонстрирующее живую в те времена связь храма и гвардии: «К этому знаменательному дню оба полка, Преображенский и Семеновский, в полном составе были перевезены по Николаевской железной дороге в Москву... 23 мая, в день, назначенный для празднования двухсотлетия, у старой церкви знаменитого села Преображенского разбита была палатка. Перед палаткой на улице разстлали ковер и поставили аналои с образами, около которых помещалось духовенство и два хора певчих полков, Преображенского и Семеновского...»²⁴.

В память посещения Преображенского императором Александром III на пожертвования Н.Ф. Котова в 1884–1886 гг. был сооружен и отделан северный придел Петропавловской церкви,

посвященный св. Александру Невскому. Одновременно были перестроены трапезная и придел свв. Петра и Павла²⁵, причем при перестройке от них сохранились только нижние части стен и столбов²⁶. Оба придела освящены 19 октября 1886 г. В освящении принимал участие митрополит Московский и Коломенский Иоанникий. Тогда же все тем же Преображенским полком была подарена храму икона св. благоверного князя Александра Невского работы Ф.А. Соколова²⁷. Она имела богато украшенный оклад из серебра с позолотой и эмалью, исполненный по рисунку XVI в.²⁸ Можно смело сказать, что с этого периода начинается обновление храма. Постепенно возрастало и число прихожан, Преображенская церковь могла вмещать до 1500 человек²⁹. С 1889 г. при храме существовало двухклассное мужское церковно-приходское училище³⁰.

С историей храма тесно связана история домово́й церкви во имя святителя Алексия митрополита в Ольгинском детском приюте (Преображенская ул., 5–7). О самом приюте мало что известно, в существующих работах, в той или иной степени затрагивающих историю Преображенского, почти нет сведений об этом богоугодном заведении. Здания Ольгинского приюта не сохранились, однако документы позволяют несколько восполнить эту страницу в истории Преображенского. С помощью некоторой информации, содержащейся в «Московских церковных ведомостях»³¹, многотомнике «Москва православная»³² и в документах, хранящихся в ЦГАМО³³, мы можем получить общее представление по интересующему нас вопросу.

Сам приют был основан в 1844 г. и назван так в честь великой княжны Ольги Николаевны. Изначально он находился в Хамовнической части, а уже потом переехал в собственный дом у Язуы³⁴. К началу XX в. в нем содержалось 70 мальчиков, которые обучались в трех общих классах и четвертом (преподавались черчение и рисование). По окончании они могли поступать в техническое или по механическому делу училище, принадлежавшее Совету детских приютов³⁵.

В 1910–1911 гг. в честь рождения наследника престола цесаревича Алексея Николаевича к приютскому зданию с западной стороны пристроили церковь святителя Алексия. С западной стороны к храму примыкала довольно обширная зала. Его освящение состоялось 28 сентября 1911 г. Храм был сооружен на средства благотворителей. Двухъярусный художественный иконостас исполнил почетный член Совета детских приютов И.В. Тереза. Ко дню освящения благотворителями были пожертвованы ценная утварь и облачения, исполненные А.В. Голосовым. Освящение и литургию со-

вершал преосвященный Анастасий, епископ Серпуховской, с местным благочинным отцом Недумовым и прочим духовенством³⁶. Новый храм сразу же приписали к церкви Преображения.

Храм Алексия митрополита закрыли в 1918–1919 гг. по решению местного Благуше-Лефортовского совета рабочих и красноармейских депутатов. Все предметы религиозного культа были переданы в соседний Преображенский храм, а в бывшем помещении церкви расположился детский приют «Улей»³⁷. Сохранилась опись церковного имущества домово́й церкви при детском доме за 1919 г.³⁸ Среди богослужебных предметов была и икона св. Алексия митрополита³⁹. В 1930-е гг. церковь вместе со зданием приюта сломали, и на их месте теперь находится жилой семиэтажный дом⁴⁰. Храм же Спаса Преображения в Преображенском избежал закрытия в тяжелые 1920–1930-е гг.

В октябре 1918 г. состоялось общее собрание прихожан церкви, на котором обсуждался вопрос о Декрете 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства», а также о приеме и охране приходских святынь и церковного имущества. На собрании был составлен список лиц, избранных и уполномоченных для приема и охранения церковных святынь и церковного имущества в законном порядке. Этот список из 40 человек, а также опись процентных бумаг, принадлежавших церкви Преображения Господня, причту, Приходскому Преображенскому попечительству о бедных и церковно-приходскому училищу, решено было представить местным властям⁴¹. Через некоторое время в список добавилось еще 17 человек⁴².

В феврале 1919 г. прихожане Преображенской церкви просили юридический отдел Благуше-Лефортовского совета рабочих и красноармейских депутатов передать храм со всеми находящимися в нем необходимыми для совершения богослужений священными и другими предметами им в управление⁴³.

На тот момент церковь владела 6162 саж.² земли, а также пятью одноэтажными деревянными домами, обшитыми тесом, высотой около 6 арш., длиной от 15 до 35 арш., а шириной 10–12 арш.; деревянным двухэтажным домом на каменном фундаменте (1903 г.) высотой 12 арш., длиной 24, шириной 18; деревянной одноэтажной сторожкой (1881 г.) высотой 4,5 арш., длиной и шириной 10 арш.; деревянной лавкой с каменной пристройкой высотой около 6 арш., длиной 12, а шириной 16; каменным двухэтажным домом (1902 г.) высотой 11 арш., длиной 21, шириной 27; каменной лавкой длиной 14,5 арш., а шириной 6,5; деревянным домом с каменным полуподвальным жилым помещением (бывшее помещение церков-

но-приходского училища) высотой 8 арш., длиной 24 и шириной 22, а также вновь отстроенным одноэтажным каменным зданием, предназначавшимся для училища, длиной 42 арш., а шириной 25. Все строения были покрыты железом, окрашены масляной краской и содержали достаточное количество сараев⁴⁴. Само здание церкви было каменным, оштукатуренным снаружи и внутри и окрашенным клеевой краской, также покрыто железом. Длина храма вместе с колокольной составляла около 20 саж., а ширина 11 саж. Высота главной церкви была 14 арш., а трапезной – 9 арш.⁴⁵

Уже в марте 1919 г. власти передали верующим храм со всем его имуществом. Договор подписали 28 человек⁴⁶. 8 мая 1919 г. церковным отделом Комиссии по охране памятников искусства и старины при Московском совете рабочих и красноармейских депутатов был произведен осмотр церкви Преображения на предмет учета и охраны художественных и исторических ценностей. Осмотр проводили сотрудники церковного отдела Н.С. Чернышев и известный знаток церковной старины М.И. Александровский. От церкви присутствовали протоиереи С.Г. Соколов и Д.Н. Малиновский, диакон А.Н. Марисов, а также секретарь Приходского совета В.Г. Холодный и В.О. Мумриков. При осмотре выяснилось, что большая часть богослужебных и прочих предметов заслуживает учета и охраны⁴⁷.

В опись выявленных предметов, представлявших историко-художественную ценность, попали запрестольный восьмиконечный деревянный крест, на передней стороне которого расположен медный вызолоченный оклад (петровского времени); запрестольная икона Преображения «греческого письма» в медной вызолоченной ризе (XVII в.); восьмиконечный крест на жертвеннике, серебряный, вызолоченный с частицами святых мощей (1700 г.); икона Преображения, пожертвованная Преображенским полком, хорошего письма (1856 г.); икона Божией Матери «Акафистная» в серебряной вызолоченной ризе (XVII в.), была родовой в семье Володичевых; икона Знамениа в серебряной вызолоченной ризе (петровского времени); икона Николая Чудотворца в серебряной вызолоченной ризе (XVII в.); Казанская икона Божией Матери (XVII в.); икона Спасителя в серебряной вызолоченной ризе (XVII в.); икона Божией Матери «Избавление от бед страждущих» в серебряной вызолоченной ризе; икона Петра и Павла в серебряной вызолоченной ризе (середина XVIII в.); икона Преображения с бытием (середина XVIII в.); икона «Всех Святых» (середина XVIII в.); Святогорская икона Божией Матери в серебряной вызолоченной ризе (XVIII в.); икона Александра Невского, пожертвованная Преображенским полком, работы Ф.А. Соколова (1856 г.); образ Спаса

Нерукотворного типа «Спас Мокрая брада» (петровского времени); икона Иоанна Крестителя, часть (разрозненная) древнего Деисуса (XVII в.); Владимирская икона Божией Матери (середина XVIII в.); икона Знамения в медном вызолоченном окладе, риза которой низана из разных бус под жемчуг – копия с новгородской (1715 г.); икона Иоанна Крестителя в житии в ризе (Елизаветинского времени)⁴⁸. Кроме того, были отмечены книги: напрестольное Евангелие (1748 г.); напрестольное Евангелие с украшениями XVII в. (1677 г.); напрестольное Евангелие (1744 г.); акафистник (середина XVIII в.); минеи за январь – сентябрь, 8 томов (1750 г.)⁴⁹.

Из остальных предметов были отобраны: крестик серебряный вызолоченный с частицами святых мощей и маленький крестик с мощами Николая Святоши; изящное паникадило главного храма в 36 свечей работы фабриканта Попова; потир серебряный вызолоченный; образ на финифти, украшенный стразами, а к нему еще 6 предметов (1813 г.)⁵⁰. Отметим, что это первое и единственное научное краткое описание историко-художественных икон и церковной утвари Преображенского храма. Таким образом, сохранившаяся в архивном деле опись позволяет реконструировать внутренний вид храма, показать историко-художественную и мемориальную ценность икон и предметов церковной утвари.

В архивном деле сохранились очень интересные и информативные документы, позволяющие составить представление о социальном облике общины, о территориальных границах прихода, о причте, о персональном составе общины и духовенства – это анкеты, составленные прихожанами храма в связи с оформлением их официального статуса. В 1920 г. 172 человека подали свои анкеты в организационно-учетное отделение отдела юстиции Московского совдепа с тем, чтобы их зачислили в группу верующих при церкви Преображения. Все анкеты носили типовой характер и состояли из 23 пунктов. Верующим нужно было записать фамилию, имя, отчество в миру; имя, прозвище по рукоположению; сан; место служения; местожительство; год и время рождения; образовательный ценз; время вступления в духовное звание и причины, побудившие к вступлению; какие отличия, когда и за что были получены, находясь в сане; место и род прежней службы; в каких организациях (политических, экономических, общественных и просветительных) состояли до 1917 г. и в каких состоят теперь; подвергались ли наказаниям в административном, судебном и духовном порядке, когда и за что; указать сословие, состав семьи; имущественное положение семьи, родителей, если живы, до октября 1917 г. и теперь; род занятий и источник существования каждого члена семьи; в ка-

ком размере исчислялся годовой доход до октября 1917 г.; какой размер дохода в месяц в настоящее время; общий месячный доход в настоящее время; состоите ли на гражданской службе; и даже отношение к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и отношение к советской власти⁵¹.

В декабре 1920 г. поступил ответ из организационно-учетного отделения о том, что все зачислены в группу верующих, принявших под свою ответственность церковное имущество Преображенской церкви⁵².

Через три года всем храмам было предписано пройти перерегистрацию. В июле 1923 г. от религиозного общества храма в отдел управления Моссовета поступило заявление с просьбой официально зарегистрировать общество. Заявление подписали около 100 человек (эти подписи с указанием фамилий, имен и адресов подписавшихся являются замечательным источником недостающей информации о членах общины, о ее составе и границах распространения прихода)⁵³. Также к заявлению прилагался «Устав Православного христианского общества Преображенской, что в Преображенском г. Москвы, церкви»⁵⁴. Устав был типовым для всех православных храмов и состоял из шести пунктов.

В задачи общества входило объединение граждан православного исповедания для удовлетворения своих религиозных потребностей. С этой целью Преображенское религиозное общество: устраивало православно-молитвенные собрания; управляло церковным имуществом, полученным по договору от местных органов Советской власти; заключало сделки частноправового характера, связанные с управлением церковного имущества; участвовало в съездах религиозных обществ православного исповедания; избирало священнослужителей для совершения религиозных обрядов с благословения своего исполнительного епархиального органа⁵⁵.

Общество состояло из «граждан, получивших святое крещение, находящихся в евхаристическом общении со своими пастырями и принимающих постановления Священного Собора Православной Русской церкви 1923 г.»⁵⁶. Зачисление в члены общества производилось путем общих собраний при подаче письменного заявления по общей форме и открытым голосованием. Выбытие из числа членов общества производилось или по письменному заявлению выходящего или по постановлению 2/3 наличного числа членов общества по спискам и по постановлению епархиальных церковных органов. Списки членов общества ежегодно представлялись в отдел управления Губисполкома⁵⁷. Отдельные члены общества могли собирать добровольные пожертвования для покрытия расходов,

связанных с владением церковным имуществом, и на епархиальные общецерковные нужды⁵⁸.

Что касается управления делами общества, то все вопросы, возникающие в жизни общества, разрешались на общих собраниях открытым голосованием, за исключением случаев, предусмотренных ст. 5 и 11 Устава⁵⁹. Церковный совет мирян был равен числу штатных членов храма и избирался на 1 год. Настоятель храма являлся председателем приходского совета.

Устав общества мог быть изменен: «по указаниям Всероссийского съезда православных религиозных обществ, <...> общим собранием данного общества по предложению его членов, принятому большинством голосов данного собрания, <...> и по предложению подлежащих органов государственной власти»⁶⁰. Общество могло быть закрыто по постановлению соответствующего исполкома и по постановлению общего собрания его членов. В случае закрытия все имущество, находящееся в пользовании общества, возвращалось местному совету по инвентарной описи специально уполномоченным, избранным для этого ликвидационным собранием общества⁶¹. Церковно-приходской совет Преображенской общины состоял тогда из четырех человек, а настоятелем храма с 1923 г. был Н.Ф. Терновский-Розанов⁶².

24 сентября 1923 г. так же, как и в 1919 г., храм был передан вновь образовавшейся общине верующих, уполномоченными от общины выступили уже не 28, а 7 человек⁶³. В это же время ревизором 4-го отделения Моссовета Вишняковым был произведен осмотр церкви Петра и Павла на предмет передачи ее вместе с культовым имуществом вновь утвержденной группе верующих. По описи 1919 г. все осталось без изменений⁶⁴. В ноябре 1923 г. Вишняковым были обнаружены 4 пуда свечей и огарков, деньги. Здание церкви он нашел в неисправном содержании, кроме того, система отопления оказалась залитой водой⁶⁵.

Останавливаясь вкратце на дальнейшей судьбе храма, отметим, что сведений о нем за период конца 1920–1930-х гг. сохранилось мало. С 1922 г. Преображенская церковь была в руках православных обновленцев-реформаторов, что спасло ее от вероятного закрытия в довоенный период. Известно, что к концу 1920-х гг. приход Преображенского храма объединял сразу несколько приходов, закрытых к этому времени церковью, в том числе Никольской единоверческой церкви⁶⁶. В первой половине 1930-х гг. храм помимо своего обслуживал еще три прихода⁶⁷.

Вновь заметную роль в жизни Москвы этот храм стал играть, когда здесь в послевоенное время (до 1960 г.) служил выдающийся дея-

тель Русской православной церкви митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич, 1891–1961). В Преображенском храме находилась его кафедра. Проповеди митрополита пользовались необычайной популярностью и собирали множество верующих⁶⁸.

К сожалению, участь многих православных храмов все-таки настигла и Преображенский. В ночь с 10 на 11 июля 1964 г. храм взорвали. Иконостас его уцелел, и по сей день он украшает церковь архангела Гавриила (Меншикову башню), а икона Преображения Господня, пожертвованная Преображенским полком в 1856 г., ныне находится в храме Воскресения Христова в Сокольниках. На образе до сих пор сохранилась дарственная надпись офицерских чинов полка. Некоторые иконы были спрятаны местными жителями⁶⁹. Сейчас ведутся восстановительные работы, и в ближайшем будущем Преображенскую площадь вновь будет украшать храм Преображения Господня.

Таким образом, Москва, а именно район Преображенское, лишился памятника, значимого как в духовном, так и культурно-историческом плане. Преображенская церковь занимает важное место в истории церковных воинских памятников. Исторически церковь являлась главной для Преображенского полка, была градостроительным центром Преображенской солдатской слободы. В храм приходили верующие не только из близлежащих домов, но и из других районов. При советской власти Преображенская церковь оставалась одной из немногих действующих в Москве и была единственным духовным церковным центром в восточной части города. Храм стал последней жертвой в антирелигиозной политике хрущевского правления. Теперь же он станет первым храмом, восстановленным уже в XXI в. И смеем надеяться, что приведенные в настоящей статье сведения будут полезны при реконструкции внутреннего убранства новопостроенного храма, для его истории.

Примечания

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116.

² Там же. Д. 328.

³ Коллис С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Иностранцы о Древней Москве (Москва XV–XVII веков): Очерки / Сост. М.М. Сухман. М., 1991. С. 331.

⁴ Синицын П.В. Преображенское и окружающие его места, их прошлое. М., 1997. С. 111.

- 5 См.: Возвращение к истокам // Преображенка. 2010. Июль. С. 4; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 115.
- 6 *Бугров А.В.* Преображенское и окрестности: очерки истории. М., 2004. С. 43.
- 7 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1.
- 8 Цит. по: *Михайлов К.* Преображенск. Прогулки по первой петровской столице и ее окрестностям // Московское наследие. 2007. № 4. С. 80.
- 9 Цит. по: Там же.
- 10 Там же.
- 11 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- 12 См.: *Бугров А.В.* Указ. соч. С. 44; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 112; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- 13 См.: *Мешалкина Ю.* Черкизово, Преображенское: века, события, портреты // Москва. 2007. № 9. С. 205–206; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 112–114.
- 14 *Мешалкина Ю.* Указ. соч. С. 206.
- 15 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- 16 См.: *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 112–114; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- 17 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 71 об. (литографированное изображение этого образа опубликовал П.В. Синицын в своей книге «Преображенское...». С. 117).
- 18 См.: *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 2. М., 1905.
- 19 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70 об.
- 20 *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 116.
- 21 См.: Возвращение к истокам. С. 4; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 118.
- 22 *Михайлов К.* Указ. соч. С. 80.
- 23 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70 об.
- 24 Цит. по: *Михайлов К.* Указ. соч. С. 80.
- 25 См.: *Бугров А.В.* Указ. соч. С. 79; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 120.
- 26 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. С. 70.
- 27 См.: Возвращение к истокам. С. 4; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 120; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 71.
- 28 См.: *Мешалкина Ю.* Указ. соч. С. 206; *Синицын П.В.* Указ. соч. С. 121.
- 29 ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 9.
- 30 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 31 об.
- 31 Московские церковные ведомости. 1911. № 42.
- 32 Москва православная, февраль. М., 1994.
- 33 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 87. Л. 1–7.
- 34 Церковь Святителя Алексия митрополита в Ольгинском приюте (Преображенская ул., 5–7) // Москва православная... С. 265.
- 35 Там же. С. 265–266.
- 36 См.: Там же. С. 266; Освящение храма в Ольгинском приюте // Московские церковные ведомости. 1911. № 42. С. 986.
- 37 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 87. Л. 1.
- 38 Там же. Л. 2–3.

- ³⁹ Там же. Л. 2 об.
⁴⁰ Церковь Святителя Алексия... С. 266.
⁴¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 22–27.
⁴² Там же. Л. 51.
⁴³ Там же. Л. 19 а.
⁴⁴ Там же. Л. 6–7, 31–31 об.
⁴⁵ Там же. Л. 6, 31 об.
⁴⁶ Там же. Л. 68–69 об.
⁴⁷ Там же. Л. 70.
⁴⁸ Там же. Л. 70 об.–71 об.
⁴⁹ Там же. Л. 71 об.
⁵⁰ Там же. Л. 71 об.–72.
⁵¹ Там же. Л. 73–78 об.
⁵² Там же. Л. 86.
⁵³ Там же. Д. 328. Л. 2–6.
⁵⁴ Там же. Л. 7–7 об.
⁵⁵ Там же. Л. 7.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Там же. Л. 7 об.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ Там же.
⁶² Там же. Л. 34–37.
⁶³ Там же. Л. 61–62 об.
⁶⁴ Там же. Л. 57.
⁶⁵ Там же. Л. 59.
⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 9.
⁶⁷ Там же. Д. 1166. Л. 4, 7 об.
⁶⁸ Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М., 2010. С. 199.
⁶⁹ Бугров А.В. Указ. соч. С. 94.

М.Д. Ковалева, М.В. Шипунова

КОМИТЕТ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ (1901–1918): ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена деятельности Комитета попечительства о русской иконописи. В ней раскрываются проблемы специального образования иконописцев, возрождения традиционных иконописных промыслов (Мстера, Палех, Холуй), организации художественных артелей, выполняющих работу по росписи храма. Рассматривается деятельность иконописных мастерских, изделия которых должны были конкурировать с «печатной» иконой. Рассказывается об издании Лицевого иконописного подлинника.

Ключевые слова: история, С.Д. Шереметев, В.М. Васнецов, иконопись, иконописный подлинник, Палех, Холуй, Мстера, древнерусское искусство, иконописные школы.

Среди многочисленных споров, потрясавших художественную среду в конце XIX в., особое место занимали разговоры о правомерности реалистического канона в иконописании. В том, что иконописание теряло свои древние традиции, сыграло свою роль и появление икон массового машинного производства. Подобное положение дел вызывало тревогу у людей, чьей жизненной установкой было сохранение русской культуры, национальных традиций. Среди них не последнее место принадлежало графу С.Д. Шереметеву.

Всю жизнь Сергей Дмитриевич вел обширную переписку. Он находил единомышленников, которые часто становились помощниками и соратниками. К таковым можно отнести и Виктора Михайловича Васнецова.

В конце 1898 г. Васнецов обратился в Общество ревнителей русского исторического просвещения с предложением об издании Лицевого иконописного подлинника¹. Именно Васнецову, художнику, тонко чувствующему «русский национальный дух», была

невыносима мысль о негативном влиянии на иконописцев гравюр Шнорра и Доре, «которые в значительной степени губельны для чистоты и красоты наших православных, религиозных образных представлений»². В связи с этим он считал необходимым дать иконописцам подробное руководство для их работы. В Подлинник, по мнению Васнецова, должны войти изображения «Господа Саваофа, Господа Иисуса Христа, Божией Матери, Архангелов, Ангелов, Пророков и всех прочих святых»³.

Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III было учреждено в 1895 г. Его основателями были граф С.Д. Шереметев и граф А.А. Голенищев-Кутузов. Объясняя необходимость учреждения общества, последний писал: «Дело... представляется до крайности простым и ясным: борьба идет совсем не между сторонниками свободы, с одной стороны, и представителями власти, с другой, а между все разлагающим космополитизмом и русским народно-историческим самосознанием. Вот истинные и непримиримые противники, и это надо выяснить во что бы то ни стало, чтобы окончательно рассеять туман и обман, напущенные космополитами-западниками на молодые и неустановившиеся умы русских людей всех званий и состояний. Нужно доказать научно, <...> что торжество и воплощение русской государственной идеи самодержавия... только и обеспечивает как всему народу, <...> так и каждой отдельной личности наибольшую долю свободы, спокойствия и благосостояния»⁴.

Общество должно было решить важнейшую задачу: «разрушить заблуждение, называемое верою в европейскую цивилизацию, <...> которая погубила Европу и чуть-чуть не погубила Россию, спасенную Александром III»⁵. Это соответствовало взглядам Сергея Дмитриевича Шереметева, считавшего, что «Россия – целый самостоятельный мир, <...> который стоять должен неколебимо на рубеже Запада и Востока...»⁶. Просвещение народа – вот один из путей достижения благородной цели укрепления Русского государства, начало которому было положено, по мнению Сергея Дмитриевича, в «славное царствование Александра III». Исходя из этого, задачи Общества были следующие:

- собирать и обрабатывать сведения о царствовании императора Александра III;
- учреждать книгохранилища и читальни;
- издавать периодические и другие сочинения и сборники по русской истории и соприкасающимся с нею отделам истории всеобщей, а также по церковным, правовым и бытовым вопросам⁷.

Делами Общества управлял Совет, председателем которого был единогласно избран граф С.Д. Шереметев⁸. Определилось и название периодического издания Общества: журнал «Старина и новизна». Для публикации в этом журнале С.Д. Шереметев предоставил 143 неопубликованных письма Н.М. Карамзина князю П.А. Вяземскому⁹. Первые же издания Общества обратили на него Высочайшее внимание. «Его величество Государь Император предоставил на рассмотрение Общества следующие рукописи Н.М. Карамзина «Мнение русского гражданина» и «Материалы по истории составления манифеста 12 декабря 1825 года» (о вступлении на престол императора Николая I). Ее величество Государыня Мария Федоровна предоставила для напечатания в сборнике... два знаменательных отрывка из писем венценосного супруга в бытность главнокомандующим Рущукским отрядом»¹⁰.

Высокую оценку деятельности Общества дали и духовные власти – митрополит Санкт-Петербургский Палладий и митрополит Московский Сергей¹¹. Слова С.Д. Шереметева о том, что «внутренний смысл России заключен в православии»¹², сказанные на открытии Общества, позволяли им рассматривать его деятельность как поддерживающую православные основы русского общества.

Одной из важных сторон деятельности Общества была организация народных библиотек. «Желая пойти навстречу все возрастающей в народе потребности в чтении и удовлетворить эту потребность доставлением населению здорового просветительского чтения, <...> Совет Общества ревнителей... включил в круг своих задач учреждение там, где надобность укажет, возможно большего количества бесплатных народных библиотек Общества...»¹³ В каталог были включены книги преимущественно духовно-нравственного и исторического содержания¹⁴. Библиотеки создавались на пожертвования Общества.

В.М. Васнецов не только был хорошо знаком с деятельностью Общества, но и изготовил эскиз его бланка¹⁵. Поэтому решение обратиться сюда по вопросу издания Подлинника было вполне обдуманым.

Но в результате детального обсуждения было решено основную тяжесть решения задачи возложить на Общество любителей древней письменности (далее – ОЛДП), так как в вопросах изучения древнерусского искусства оно считалось более компетентным. Общество было основано в 1877 г. по инициативе князя П.П. Вяземского. Граф С.Д. Шереметев, связанный с Вяземским узами родства и дружбы, разделял мнение последнего о том, что «история умственного и гражданского развития нашего народа имеет

всемирный интерес. <...> Это... убедит весь образованный мир, что Россия издревле стремилась к умственному развитию и не чуждалась высших вопросов, занимавших умы в Европе»¹⁶. Шереметевым были сформулированы и задачи общества: «...сохранить наши древние рукописи; <...> затем – возбудить в русском обществе интерес к русской древней литературе, а в среде молодых ученых вызвать стремление к изучению памятников...»¹⁷.

Начало деятельности ОЛДП пришлось на то время, когда верховная власть России в лице императора Александра III широко проявляла заботу о сохранении памятников истории и культуры. На этом фоне и ОЛДП успешно решало свою задачу. Был определен круг памятников, предполагаемых для подготовки к изданию:

- рукописи Святого Писания; отдельные жития святых; статьи духовного содержания;
- учебники старого времени; трактаты по естествоведению, астрономии, медицине, музыке, военным наукам;
- рукописи географического содержания; описания городов и монастырей, другие карты, планы и рисунки;
- исторические сочинения и переводы;
- произведения словесности¹⁸.

Издания ОЛДП пользовались заслуженной известностью. Они демонстрировались на Парижской выставке 1878 г., где были удостоены серебряной медали, а также на Всероссийской выставке в Москве¹⁹. Особой заслугой Общества современники считали издание Рукописей Московской синодальной библиотеки XV в.²⁰ Руководство изданием Подлинника было поручено Н.В. Покровскому, результатом работы которого явилась брошюра «Лицевой иконописный подлинник и его значения для современного церковного искусства» (СПб., 1899), но его выводы не удовлетворили С.Д. Шереметева²¹. Он считал ошибочным мнение Покровского, что произведения древней иконописи являются только материалом, который должен вдохновлять художников, а не образцами для точного подражания.

15 января 1900 г. С.Д. Шереметев доложил императору о необходимости издания Лицевого иконописного подлинника²². В память отца, который всегда сочувствовал всему древнерусскому, император заинтересованно отнесся к проекту. Он считал, что необходимо не только издавать памятники древнерусского искусства, но и организовать школы в местах, сохранивших «дух древнего иконописания»²³.

На начало XX в. центрами иконописания были Палех и Холуй. Иконы, созданные здесь, еще в XVII в. получили широкое распро-

странение²⁴. В это же время начинается борьба с низким качеством икон. Святейший Синод издавал неоднократные указы о запрещении продавать «таковые неприличные иконы»²⁵.

Со временем желание изготовить как можно больше икон приводит к ухудшению их качества. Распространяются так называемые листовушки – иконы небольших размеров²⁶. Получают распространение и «подфолежные иконы», когда на доске писали только лики, руки и ноги, затем ее покрывали ризой из фольги или бумаги и помещали в киот за стекло²⁷.

Со всеми этими подробностями С.Д. Шереметев, Н.П. Кондаков и В.Т. Георгиевский ознакомились, когда посетили Мстеру, Палех и Холуй. После поездки Н.П. Кондаков напишет: «Промышленность настолько возобладала над мастерством, что оно попало к ней, видимо, в кабалу, и выбиться из-под этого гнета мастерство может, только получив откуда-либо помощь...»²⁸. Увиденное в селах не оставило равнодушным и графа Шереметева. В июне 1900 г. им была составлена записка о деятельности фабрик Жако и Бонакера, которые специализировались на изготовлении жестяных икон, где он писал: «...машинное производство икон – это начало конца народного церковного искусства»²⁹. В данном случае графа волновал не только упадок промысла, но и нравственный аспект проблемы. Шереметев призывал: «Настало решительное время. Одно из двух: или мы поддерживаем развитие иконописания на древней основе, или мы сознательно идем к его уничтожению»³⁰.

19 марта 1901 г. Николай II подписал Положение о Высочайше учрежденном Комитете попечительства о русской иконописи. Председателем стал граф С.Д. Шереметев. Цели Комитета: обеспечение благосостояния и развития русской иконописи; сохранение традиций «русской старины византийской древности».

В апреле, сообщая В.М. Васнецову об учреждении Комитета, Сергей Дмитриевич писал: «Собираться будем в музей императора Александра III, в том отделении, где иконы, <...> правление с архивом будет помещаться во втором этаже того здания, которое я лично намереваюсь строить на Литейной, на моей земле и на свои средства. <...> Хотелось бы, чтобы сам и фасад говорил о направлении нашего дела. Икона на здании предполагается одна, мозаичная. <...> Хотелось бы, чтобы и внешний вид здания был одухотворен, а для этого нужно только прикосновение Вашей руки...»³¹.

Граф Шереметев определял основную задачу Комитета: «Только учреждением иконописных школ в местностях, представляющих для этого благоприятнейшие условия, возможно обеспечение дальнейшего движения нашей иконописи»³².

Необходимость в улучшении уровня преподавания в иконописных школах была очевидна уже в 90-е гг. XIX в. Но даже в лучших мастерских главное внимание уделялось копированию икон³³.

Проблема возрождения иконописи не оставляла равнодушными и представителей духовенства. По инициативе архиепископа Феогноста в Холуе в 1882 г. были открыты рисовальные классы³⁴. Из окончивших школу была образована артель, которая выполняла работу по росписи храмов³⁵. Владимирским Братством Александра Невского была организована иконописная школа и в Мстере. Здесь учились писать иконы на «манер греческого и строгановского письма»³⁶.

Летом 1901 г. Н.П. Кондаков и В.Г. Георгиевский посетили Борисовку – любимую слободу фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Перед Полтавской битвой граф дал обещание в случае удачи основать здесь обитель. Монастырь в честь Тихвинской иконы Божией Матери был основан в 1714 г.³⁷ Борисовка находилась в Грайворонском уезде Курской губернии. Главным занятием здесь была иконопись, в основном изготовление подфолежных икон, которые распространялись по всей юго-западной России. В этом же регионе широкое хождение имели изготавливаемые в Одессе в мастерской литографа Фесенко иконы, представляющие собой «картинки под стеклышками, наклеенные на дощечки». Дешевые и легкие, они были весьма популярны³⁸.

Осенью 1901 г. была создана Комиссия для обсуждения Положения об иконописных мастерских. Кроме графа Шереметева в нее вошли Н.В. Султанов (архитектор, знаток древнерусского искусства) и Н.П. Кондаков. В Положении отмечалось «возобновление хорошего старого дела», т. е. техники темперной живописи³⁹. Предполагалось, что кроме обучения иконописи и рисованию большое значение будет придаваться Закону Божьему, Священному Писанию, литургике, а также Житиям Святых⁴⁰. Положение об учебных иконописных мастерских было представлено Николаю II 21 марта 1902 г. и утверждено им⁴¹.

Согласно Положению, в мастерские принимались дети от 10 до 15 лет с обязательным начальным образованием. Обучение было рассчитано на четыре года⁴². Летом 1902 г. учебные иконописные мастерские Комитета были открыты в Палехе, Мстере, Холуе и Борисовке. В Палехе как в центре традиционного иконописания 21 июня в Крестовоздвиженском храме было совершено всенощное бдение в честь Нерукотворного Образа Спасителя – первой иконы, сотворенной самим Господом⁴³.

Помимо тщательно продуманной системы образования большое значение придавалось техническому оснащению мастерских.

Был выработан специальный план стола, одобренный на заседании Комитета. Карандаши, бумагу и др. учащиеся получали бесплатно⁴⁴. Мастерские располагали библиотеками⁴⁵.

Трудности в столь успешно начатом деле появились неожиданно: владельцы крупных мастерских, опасаясь конкуренции, не принимали на работу выпускников мастерских⁴⁶. Существовала и еще одна сложность: темперная икона не устраивала рынок, требовавший икону живописную.

Дело обеспечения выпускников работой взял в свои руки Комитет. При его финансовой поддержке в Палехе и Холуе были организованы артели. А изготовленные иконы продавались в лавке Комитета, открытой в 1904 г.⁴⁷ Руководство Комитета задумывалось и о том, чтобы наиболее талантливые молодые иконописцы могли продолжать свое образование. При содействии Комитета класс иконописи был открыт в Московском Строгановском училище. А при Донском монастыре в ноябре 1908 г. была открыта иконописная палата, для обучения в которой были набраны лучшие выпускники мастерских Комитета⁴⁸.

Деятельность иконописных мастерских Комитета постепенно становилась всё более и более заметной. Сюда поступали заказы на изготовление как отдельных икон⁴⁹, так и иконостасов⁵⁰.

Продолжалась работа и над изданием Лицевого иконописного подлинника. Содержание подлинника, одобренное Николаем II, было направлено на то, чтобы служить, во-первых, возрождению иконописания, во-вторых, развитию русского искусства. Хронологически он должен был охватить период от иконоборчества до начала XVII в. Первый том предполагалось посвятить иконографии Спасителя. К концу 1903 г. его составление подошло к концу. Неожиданно возникли сложности с цензурой: цензор В.А. Прозоров считал невозможным разрешить репродуцирование икон с двоеперстным благословением⁵¹. После многочисленных писем графа С.Д. Шереметева к обер-прокурору Священного Синода К.П. Победоносцеву был заменен цензор⁵², и в 1905 г. вышел первый том Лицевого иконописного подлинника «Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Здесь были рассмотрены главные типы изображений Христа: Пантократора, Нерукотворного Спаса, Эммануила, Деисуса, а также София Премудрость Божия, Великий Архиерей, Недреманное Око, Царь царей⁵³. Во втором томе предполагалось поместить «Лицевой список чтимых икон Богоматери»⁵⁴.

Очерк издательской деятельности Комитета будет неполным, если мы не упомянем о четырех выпусках иконописных сборников, посвященных различным аспектам истории иконописи.

Но продолжим историю борьбы Комитета с машинным производством икон. Основным врагом по-прежнему были две открытые в Москве в 1899–1901 гг. польские фирмы, возглавляемые Жако и Бонакером, которые изготавливали жестяную упаковку для консервов и ваксы. Трудно сказать, кому из них первому пришла в голову мысль производить таким образом жестяные иконы, «до обмана похожие на рукописные»⁵⁵.

Во время поездки по местам иконописных промыслов графа Шереметева потрясло засилье жестяных икон. Даже в глубоко им чтимом ростовском Борисоглебском монастыре он увидел «господство изделий Жако». Это укрепило его в мысли о необходимости борьбы с машинной иконой, тем более что ощущалась всемерная поддержка В.М. Васнецова, которого тоже «не может не волновать такое грустное явление в области религиозного искусства, как повсеместное распространение икон, изготавливаемых на жести иноверцами»⁵⁶. Не лучше обстояли дела и в иконных лавках московских монастырей⁵⁷.

После неоднократных ходатайств Комитета в Святейший Синод в 1902 г. торговля жестяными иконами в церквях и монастырях была запрещена⁵⁸. Но необходимо было решить принципиальный вопрос: «возможно ли бороться с машинным производством икон, а если нет, то открыто это признать и не обманывать кустарей...»⁵⁹. К дискуссии о производстве икон были привлечены и Николай II, и К.П. Победоносцев. Первый считал, что «дело это без сомнения трудное, но никогда не следует предаваться отчаянию...»⁶⁰; второй подчеркивал невозможность запрещения продажи печатных икон и уверял, что они являются противодействием бумажным иконным картинам, которые «“кипами” привозят из Германии»⁶¹. Сторонники же графа Шереметева утверждали, что зло не в самом печатании икон, а в том, что «оно попало в дурные руки»⁶².

В результате меры борьбы с машинным производством икон сводились к следующему: 1) запретить пропуск из-за границы всякого рода икон и религиозных листков; 2) предоставить право печатать иконы монастырям, лаврам и учреждениям ведомства православного исповедания (например, Московской Синодальной типографии); 3) допустить в церквях употребление исключительно рукописных икон; 4) установить при мастерских строгую технически, художественно и догматически осведомленную цензуру...»⁶³. Эти пункты были доложены графом Шереметевым императору и получили высочайшее одобрение⁶⁴. Добился Комитет от Синода и подтверждения запрета продажи жестяных икон в лавках монастырей и церквей⁶⁵.

В сентябре 1911 г. Комитет получил статус научного учреждения; также решился вопрос, поставленный В.Г. Дружининым (ар-

хеограф, этнограф, автор исследования «Памятники истории старообрядчества XVII века») о необходимости создания специальной дисциплины – «русского иконоведения»⁶⁶. Остро встала и еще одна задача: определение, регистрация, описание и издание сохранившихся икон. Эту работу, так же как и обследование стенописи храмов, предполагалось поручить местным археологам⁶⁷.

В плане издательском Комитет хотел выпустить новую серию «Материалы по иконографии». Она предназначалась для публикации исследований⁶⁸.

Особенно активно велась работа по сбору материалов об истории иконописи на Русском Севере: в Олонецкой губернии и Поморье. В итоге была составлена записка с предложением предоставить Комитету право отбирать в церквях древние иконы и передавать их в музей им. Александра III и в Исторический. Оба музея должны были на свои средства приобретать для храмов новые иконы взамен древних⁶⁹.

27 декабря 1911 г. в Петербурге открылся Всероссийский съезд художников⁷⁰. На нем была организована выставка, подготовленная В.Г. Георгиевским и П.С. Шереметевым (сыном С.Д.), где были представлены иконы из собраний С.П. Рябушинского, В.М. Васнецова, П.С. Шереметева и др.⁷¹

Наступил март 1917 г. С отречением Николая II Комитет терял свое главное преимущество – непосредственное покровительство государя. Необходимо было искать новых покровителей. Ими могли стать Министерство земледелия и Министерство народного просвещения⁷². Убывали силы и у Сергея Дмитриевича. Неоднократно в письмах коллегам он обращается к этой теме. Становилось все более ясным, что заниматься плодотворной деятельностью Комитет не в состоянии.

29 сентября 1918 г. В.Г. Дружинин писал графу: «...единственное, что утешает и одухотворяет, – это сознание исполнения долга перед Родиной и потомством, что работаем на сохранение и сбережение архивов и научных сокровищ не покладая рук и по мере уменья, не щадя живота. А там далее – воля Божия»⁷³.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4075. Л. 1.

² Там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ *Шереметев С.Д.* Граф А.А. Голенищев-Кутузов. СПб., 1914. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 6.

- 7 Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1897. С. 10.
- 8 Там же. С. 25.
- 9 Отчет Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III за 1896–1897 гг. СПб., 1897. С. 7.
- 10 Там же. С. 3–4.
- 11 Там же. С. 5.
- 12 *Шереметев С.Д.* Граф А.А. Голенищев-Кутузов... С. 6.
- 13 Народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1899. С. 3.
- 14 Там же. С. 4.
- 15 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 256. Л. 2 об.
- 16 *Шереметев С.Д.* Речь на заседании ОЛДП. СПб., 1894. С. 4.
- 17 Общество любителей древней письменности. СПб., 1877. С. 4.
- 18 Деятельность ОЛДП. СПб., 1880. С. 7.
- 19 Издания ОЛДП. СПб., 1882.
- 20 Там же. С. 8.
- 21 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 256. Л. 48 об.
- 22 Там же. Ч. 4. Д. 5046. Л. 9–10.
- 23 Там же. Ч. 2. Д. 4075. Л. 62.
- 24 *Князева Л.Л.* Иконопись Палеха. М., 1994. С. 134.
- 25 *Малицкий Н.В.* К истории иконописания во Владимирской губернии // Владимирские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 393.
- 26 *Бакушинский А.В., Василенко В.М.* Искусство Мстеры. М.; Л., 1934. С. 10.
- 27 *Гольшев И.А.* Богоявленская слобода Мстеры. Владимир, 1865. С. 101.
- 28 *Кондаков Н.П.* Современное положение русской народной иконописи. СПб., 1901. С. 19.
- 29 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4091. Л. 1 об.
- 30 *Шереметев С.Д.* Проселки: Мстера, Палех, Холуй. М., 1901. Вып. 2. С. 9.
- 31 ОР ГТГ. Ф. 66. Д. 406. Л. 1–1 об.
- 32 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 7. Ч. 2. Д. 4091. Л. 2.
- 33 *Коромыслов Б.* Лаковая миниатюра Мстеры. Л., 1972. С. 9.
- 34 *Георгиевский В.Т.* Школа иконописи в селе Холуй Владимирской губернии // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 11. С. 85.
- 35 *Кондаков Н.П.* Современное положение... С. 53.
- 36 *Георгиевский В.Т.* Иконописцы-суздальцы (Поездка в Мстеру, Палех и Холуй) // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 191–193.
- 37 *Шереметев С.Д.* Борисовка. СПб., 1892. С. 5.
- 38 *Георгиевский В.Т.* Записка о паломничестве и иконной торговле в Киеве // Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1902. Вып. 1. С. 109–125.
- 39 РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4095. Л. 7.

- ⁴⁰ Известия... Вып. 1. С. 91.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5047. Л. 34.
- ⁴² Известия... СПб., 1903. Вып. 2. С. 29–38.
- ⁴³ Доклад об открытии учебных иконописных мастерских в сс. Палехе и Холуе, Владимирской губернии, и в слободе Борисовке, Курской губернии // Известия... Вып. 2. С. 42–73.
- ⁴⁴ Иконописный сборник. СПб., 1907. Вып. 1. С. 70.
- ⁴⁵ Там же. С. 74, 77, 81–82.
- ⁴⁶ *Зиновьев Н.М.* Искусство Палеха. Л., 1975. С. 31.
- ⁴⁷ Высочайше утвержденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб., 1907. С. 22.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 51. Л. 27 об.
- ⁴⁹ Известия... Пг., 1916. Вып. 3. С. 13.
- ⁵⁰ *Тепанов М.П.* Храм-усыпальница Великого князя Сергея Александровича во имя Преподобного Сергия в Чудовом монастыре в Москве. М., 1909. С. 18–23.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4080. Л. 3 об.
- ⁵² *Кызласова И.Л.* История изучения Византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985. С. 134–135.
- ⁵³ *Кондаков Н.П.* Лицевой иконописный подлинник. СПб., 1906. С. 63.
- ⁵⁴ Иконописный сборник. СПб., 1908. Вып. 2. С. 48.
- ⁵⁵ *Кондаков Н.П.* Современное положение... С. 37.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4102. Л. 102.
- ⁵⁷ Там же. Д. 4101.
- ⁵⁸ *Тренев Д.К.* О русской иконописи. По поводу вопроса о ней в Государственной думе. М., 1910. С. 18.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4081. Л. 5.
- ⁶⁰ Там же. Л. 13.
- ⁶¹ Там же. Л. 15–16 об.
- ⁶² Иконописный сборник. Вып. 1. С. 16.
- ⁶³ Там же. С. 21–22.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4081. Л. 32.
- ⁶⁵ Иконописный сборник. Вып. 2. С. 41–42.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4071. Л. 7.
- ⁶⁷ Там же. Л. 16.
- ⁶⁸ Известия... Вып. 3. С. 59.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4092. Л. 1–5.
- ⁷⁰ Труды Всероссийского съезда художников. Пг., 1914.
- ⁷¹ Выставка иконописи и художественной старины. Каталог. СПб., 1911–1912.
- ⁷² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2002. Л. 56–57.
- ⁷³ Там же. Л. 84–85.

Е.Л. Чернова

К ИСТОРИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПАТРИАРШЕЙ ЦЕРКВИ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВА В МОСКВЕ (1923–1924 гг.)

В статье рассматривается, каким образом формировалось противостояние патриаршей иерархии и обновленчества в Москве после освобождения патриарха Тихона из-под ареста в июне 1923 г. В соответствии с отказом государства от «чрезмерных» мер по отношению к Церкви патриарх Тихон был допущен к исполнению обязанностей главы Церкви. Патриаршая и обновленческая Церкви были поставлены в условия конкуренции. Проанализированы основные формы и методы борьбы между собой представителей обоих течений в Русской Православной Церкви, соперничество за подчинение московских приходов.

Ключевые слова: религиозное реформаторское движение, московские обновленческие приходы, православные приходы, Московское епархиальное управление, церковный раскол XX в., московское обновленчество.

На XII съезде РКП (б), проходившем в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г., было признано, что в сжатые сроки невозможно уничтожить религию в России, и предлагались более долговременные меры. Изменение тактики антирелигиозной политики было лишь временным маневром, который, по планам его авторов, должен был в итоге привести к полному искоренению религии. XII съезд РКП (б) осудил «нарочито грубые приемы», оскорбление чувств верующих в резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды».

Благодаря изменениям в религиозной политике в СССР стало возможным освобождение 26 июня 1923 г. из-под ареста патриарха Тихона. Освобождение патриарха находилось в одном ряду с другими мерами, осуществлявшимися в это время советской властью в качестве временного ослабления антирелигиозной работы. В это время патриарх обратился к Верховному суду РСФСР с известным

заявлением, в котором он сообщал, что раскаивается в «проступках против государственного строя», и просил освободить его из-под стражи»¹. Освобождение патриарха, конечно, могло последовать только после его согласия подписать такое письмо. В то же время и отказ государства от «чрезмерных» мер по отношению к Церкви сделал возможным его возвращение к управлению Церковью.

После возвращения патриарха к делам сложность организации антирелигиозной работы для органов государственной власти состояла в необходимости находиться в стороне от контролируемых процессов в жизни Церкви, прямо в них не участвуя. С возобновлением исполнения патриархом Тихоном обязанностей главы Церкви обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ), работавшее в Москве с мая 1922 г., переставало представлять собой единственный церковный руководящий центр. Перед прихожанами и духовенством возникала необходимость выбора, какой церковной власти подчиняться. Патриаршая власть в их сознании олицетворяла собой церковную каноничность, законность и многовековую традицию, в то время как обновленческая – противоречившие канонам реформы, церковный раскол и «новизну». Каким образом организаторы обновленческого движения и представители патриаршей («тихоновской») Церкви в Москве действовали в ситуации изменения государственного курса?

Патриарх работал в сотрудничестве со своим ближайшим помощником, епископом Иларионом², получившим разрешение вернуться из архангельской ссылки³ в Москву одновременно с освобождением патриарха. Приходские священнослужители всех рангов от настоятеля храма до диакона, сами прихожане в это время писали письма патриарху Тихону и епископу Илариону с просьбами принять их под патриаршую власть. Публичное покаяние признавшего власть обновленцев духовенства, присутствовавшего при переосвящении собора Сретенского монастыря, произошло после произнесенной Иларионом проповеди. Возвращались под власть патриарха и епископы. Московский очевидец событий лета 1923 г. пишет: «...по освобождении Патриарха соблазнившиеся во время его заключения епископы, сознав свою ошибку, приходили к нему. <...> Они калялись перед Патриархом и просили принять их опять в лоно Патриаршей Церкви»⁴.

Обновленцы на фоне этих всенародных покаяний стремились разъяснить, что патриаршая власть по-прежнему является незаконной, а они остаются единственными, кто имеет право на церковную власть. В сентябрьском выпуске «Вестника Св. Синода» за 1923 г. предпринимается попытка обвинить патриарха в новом «раздире-

нии Хитона Христова»⁵. В одном из документов обновленческого Московского епархиального управления (далее – МЕУ) находится похожий по характеру обвинений патриарха текст циркуляра, адресованного благочинным г. Москвы: «Разыгравшиеся печальные церковные события, повлекшие к разрыву церковного единства, причиной коих было церковное выступление бывш[его] патриарха Тихона, <...> подлежат серьезному вниманию и разрешению. К глубочайшему сожалению духовенство снова вовлекается массой “верующих” ... в контрреволюцию...»⁶. Московским благочинным предлагается прибыть на Троицкое подворье «для информации и получения соответствующих указаний»⁷. Адресация такого текста благочинным и настоятелям приходов после освобождения патриарха свидетельствует о том, что обновленцы продолжали рассматривать их как лиц, вынужденных благодаря своему иерархическому положению взять на себя реализацию подчинения обновленцам московских приходов.

Обновленцы ориентируют свою полемику на обоснование своих преимуществ перед патриаршей Церковью. С целью удержать влияние над прихожанами в «Вестнике Св. Синода» печатались нападки как идеологического характера на патриарха, так и с явно угрожающими нотами в адрес верующих, стремившихся покинуть обновленчество.

Ситуация в Москве красноречиво описана самими обновленцами в статье под названием «Размышления после религиозного диспута» (прошедшего в Большом зале Консерватории). Обновленцы подчеркивали в его характеристике, что сторонников патриарха ждет «грозный и неумолимый суд», и звучало предупреждение, которое можно оценить и как угрозу: «зрите же: “како опасно ходите”»⁸.

Все московские диспуты и выступления организовывались 6-м отделением Секретного отдела ГПУ с санкции Антирелигиозной комиссии. Историк Д. Сафонов предполагает, что «право выступать на диспутах с обновленцами было предоставлено патриархом только архиепископу Илариону или его представителям»⁹. Со стороны обновленцев на таких диспутах выступал А.И. Введенский. Таким образом, видимо, ГПУ создавало эффект равноправия диспутирующих: Иларион был возведен патриархом в сан архиепископа, а А.И. Введенский прошел обновленческую хиротонию в сан «архиепископа Крутицкого».

Со стороны патриарха с самого начала была заявлена позиция относительно статуса обновленцев. С.В. Троицкий замечает, что государственная антирелигиозная пресса взяла на себя задачу публи-

кации заявления патриарха, содержащего оценку морального облика обновленцев. «Безбожник приводит послание Патриарха Тихона от 28 июня 1923 г., где между прочим читаем: “Обновленцы стремятся прежде всего к выгодам, чинам, наградам. Они создают себе должности и титулы, называют себя небывалыми именами митрополита всея России (еп. Антонин), архипресвитера всея России (Красотин), из викарных посвящают в архиепископы”»¹⁰. Факт публикации патриаршего текста в антирелигиозном издании связан с тем, что редакционная коллегия сочла его соответствующим линии советской прессы в отношении обновленчества, направленной на их дискредитацию.

Одновременно обновленцы предпринимали попытку стать похожими хотя бы в терминологии на патриаршую Церковь в понимании неприятия их кардинальных резких реформ мирянами. С.В. Троицкий комментирует эти изменения, принятые на съезде «Живой Церкви» в августе 1923 г.: «Не задумываясь над вопросом, насколько он компетентен перерешать постановления самого Собора 1923 г., съезд произвел радикальную реформу в направлении перекрашивания под Православную Церковь. Прежде всего он изменил самое наименование “обновленчества”. Наименование “Живой Церкви” было заменено наименованием просто “Православной Российской Церкви”. Созданный Собором 1923 года Высший Церковный Совет был заменен уже давно известным Русской Церкви учреждением – Св. Синодом, в состав которого вошли 12 епископов и 20 пресвитеров и мирян»¹¹. Все эти меры принимались в попытке сохранить влияние на мирян.

Способом сохранения обновленцами власти стало и обращение к приходам: «Предоставить в 2-х недельный срок священноцерковнослужителям г. Москвы, так или иначе проявившим свое уклонение в сторону б[ывшего] патр[иарха] Тихона, возобновить каноническое общение с церковной властью... с предоставлением Московскому епархиальному Совету краткого письменного изложения обстоятельств и мотивов, побудивших их вступить на этот неправильный путь»¹².

Поставленные перед необходимостью выполнить это постановление московские приходы должны были принять решение о выборе обновленческой или патриаршей власти. Чтобы не дать возможности принять с точки зрения МЕУ неправильное решение, и отводился двухнедельный срок на размышления. А письменный отчет об их результатах должен был зафиксировать принятую тем или иным приходом позицию. Последующая публикация в обновленческом журнале «разъяснения Гражданской власти о поминовении в церквах б[ывшего] Патриарха Тихона» объясняла кон-

текст предложений приходом со стороны МЕУ оценить реальность возможности безнаказанно перейти под власть патриарха¹³.

Тем не менее, приходы предпринимали попытки к сопротивлению власти обновленцев. Сведения о том, как обновленцы поступали в отношении таких приходов, содержатся в протоколах заседаний МЕУ. Так, в июле 1924 г. МЕУ заключило о необходимости «оздоровления» прихода храма Христа Спасителя «путем ввода в его состав новых членов»¹⁴. Приход храма Св. Николая в Дербентском в первой половине 1920-х гг. приходилось «умиротворять».

В некоторых приходах удавалось удерживать власть, но вопросы подчинения храмов после выхода из-под ареста патриарха юридически решались достаточно сложно. Органы государственной власти, осуществлявшие регистрацию приходов, начинали формировать политику сталкивания «тихоновцев» и обновленцев в борьбе за храмы. Приходские общины разделились на «тихоновские» и обновленческие. Доказательством этому служат многочисленные «церковные» дела, отложившиеся в 1920-е гг. в результате переписки Секретариата ВЦИК с местными органами советской власти. В этих делах, хранящихся в ГАРФ в фонде 1235 (Секретариат ВЦИК), множество документов, свидетельствующих о том, как центральные и местные власти «разделяли и властвовали», используя раскол.

27 апреля 1923 г. была опубликована регламентирующая порядок регистрации религиозных общин инструкция Наркомата юстиции и НКВД. Регистрация приходских советов в соответствии с данной инструкцией происходила после Поместного Собора и освобождения патриарха, т. е. совпадала по времени с массовым отказом приходов подчиняться власти ВЦУ и МЕУ. Авторы региональных исследований напрямую связывают принятие данной инструкции с началом новой политики государственной власти в отношении приходов. Характерно, в частности, высказывание Н.А. Кривовой в отношении Уфимской епархии: «27 апреля 1923 г. НКВД и НКЮ РСФСР выпустили инструкцию о порядке регистрации религиозных обществ, которая в мае – июне 1923 г. была доведена до сведения всех приходов БАССР. Результатом ее исполнения стала ожесточенная борьба за храмы»¹⁵. И в Москве данная инструкция от 27 апреля 1923 г. использовалась для разжигания между «тихоновскими» и обновленческими приходскими советами борьбы за здания храмов.

Открытая поддержка со стороны государственной власти обновленцев в борьбе за приходы значила бы проявление предпочтений среди существующих «религиозных течений», чему препятствовала атеистическая идеология. Поэтому состав направляемых приход-

скими общинами в Административный отдел Моссовета документов исключал юридическое оформление принадлежности прихода определенному религиозному течению. В Административный отдел Моссовета предоставлялись следующие документы: копии договора, протокол собрания учредителей религиозного общества, Устав религиозного общества, список учредителей, список служителей религиозного культа, список членов церковно-приходского совета. Состав документов, оформлявшихся московскими приходами, как обновленческими, так и отказавшимися от их власти, одинаков. От приходов в церковный отдел Моссовета в этот период поступали типовые заявления с просьбами о перерегистрации. Например, община, остававшаяся в подчинении обновленцев до закрытия и сноса храма, писала в 1923 г.: «Наша группа православных христиан фактически существует (ст. 4 инстр. НКЮ и НКВД от 27 апр. 1923 г.), пользуется по договору храмом Трех Святителей, у Красных ворот в Москве, в районе 44 отделения Рабоче-Крестьянской Милиции и желая этот договор сохранить на будущее время, церковный совет просит Отдел Управления зарегистрировать группу и оставить в силе наш договор»¹⁶. Подобные заявления писали и другие московские общины.

Для осуществлявших регистрацию приходов органов государственной власти было издано дополнительное разъяснение о том, как действовать в ситуации раздробленности Церкви на различные группы. Сам факт издания новой инструкции, поясняющей местным органам власти смысл назначения документа от 27 апреля 1923 г., свидетельствует о том, что и издание инструкции в апреле 1923 г. имело одну и ту же цель издания, что и «разъяснение» к ней от июня того же года. Инструкция НКВД от 19 июня 1923 г. по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении Церкви от государства, рекомендовала в принятии решений о заключении или расторжении договоров с группами верующих о пользовании храмом и храмовым имуществом руководствоваться Декретом об отделении Церкви от государства и регулярно издаваемыми разъяснительными к нему инструкциями НКЮ и НКВД вне зависимости от того, к какому религиозному течению принадлежит данная группа (живая, древле-апостольская, трудовая и т. д.). Таким образом, последовавшие вслед за публикацией регламентирующих порядок регистрации приходов документов действия местных властей, включая и Административный отдел Моссовета, не являются случайностью: такой сценарий развития событий и предполагали авторы этих законопроектов. Очевидно, что издание инструкций от 27 апреля 1923 г., непосредственно перед Поместным Собором 1923 г. и от 19 июня, сразу после его проведения, свидетельствует

о том, что власть планировала заранее пути формирования своей политики по отношению к приходским советам после проведения Поместного Собора. Новый этап развития религии в стране должен был основываться на принципе сталкивания интересов противоборствующих групп верующих. Государственная власть юридически дистанцировалась от регулирования принадлежности религиозных групп тем или иным религиозным течениям.

Однако именно юридические инструменты приходилось использовать обновленцам при регистрации окончательно отказавшихся подчиняться им приходов. И те же инструменты применялись «тихоновскими» общинами, отстаивавшими свои приходы. Чтобы подчинить своей власти храм, обновленцы были поставлены перед необходимостью зарегистрировать вновь сформированный обновленческий приход в органах государственной регистрации¹⁷. Для того, чтобы его сформировать, нужно было организовать обновленческую общину из прихожан.

В процессе регистрации приходов общины верующих неизбежно ставились перед необходимостью ответа на вопрос о том, какому религиозному течению они принадлежат. Например, на «собрании группы верующих бывшего Даниловского монастыря в г. Москве по Даниловскому Камер-Коллежскому валу» от 20 июня 1923 г. член группы Н.И. Козин потребовал разъяснить присутствующим, «какой церковной организации намерена придерживаться данная группа верующих, принимая во внимание раскол, внесенный в православие образованием так называемой “Живой Церкви”, “Содаца” и других новаторских течений...»¹⁸. На собрании прихожан и духовенства здесь было принято единогласное решение о том, что община храма «никакого абсолютно отношения не имеет к новым течениям в церковной жизни»¹⁹.

Для того, чтобы сохранить в подчинении приходы, обновленцы иногда престоупали и законы. В переписке с Наркоматом юстиции община верующих, верных патриарху, жалуется на незаконное отчуждение храма. В мае 1924 г. была зарегистрирована обновленческая община при Софийском храме Миусского кладбища. Верующие общины патриаршего подчинения обратились в Наркомат юстиции с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса о возвращении им отобранного у них незаконно Софийского храма²⁰. При регистрации собственной общины обновленцы нашли в среде мирян сторонников своей власти, что позволило им оформить религиозную общину, наделявшуюся правом пользования зданием храма в богослужебных целях. Храм при Миусском кладбище оставался в ведении обновленцев еще несколько лет.

С потерей значительного числа приходов после освобождения патриарха обновленцы были вынуждены ориентировать свои усилия на сохранение в обновленчестве наиболее значимых для них приходов. О полноправной власти над всей Московской епархией не могло быть и речи уже к окончанию лета 1923 г. К 1924 г. в Москве функционировало лишь несколько обновленческих приходов. Это приходы кладбищенских церквей, храмов Христа Спасителя, Трехсвятительского у Красных ворот, Св. Петра и Павла на Новой Басманной ул., Св. Николая в Дербеневском, Успения Божией Матери на Малой Дмитровке, Гребневской Божией Матери у Лубянской площади, а также московских часовен.

В процессе организации управления московскими приходами после Поместного Собора 1923 г. обновленцы своими действиями полностью способствовали реализации идеи о противоборстве патриаршей Церкви и обновленчества в борьбе за здания храмов. Все формы взаимоотношений патриаршей и обновленческой Церкви в Москве, включая диалоги на диспутах, равноправное использование юридических инструментов для подчинения приходов, взаимные обвинения в разрыве церковного единства, служили усугублению их противостояния. Способы противодействия их друг другу были организованы так, чтобы поставить их в равное, конкурентное положение. Вынесение их споров на суд общественности посредством диспутов делало их «ссору» инструментом антирелигиозной агитации не только среди верующих, но и среди светского общества Москвы. Режиссура выставления напоказ свободы конкуренции ставила своей задачей продемонстрировать несоответствие коммунистическому идеалу советского человека представителей и «тихоновцев», и обновленцев.

Подавляющее большинство прихожан стремилось обрести законную каноническую власть. Носителем этой власти они видели патриарха. Поэтому несмотря на то что государственная политика обеспечивала обеим церковным организациям видимость возможности равноправной конкуренции, поддержка большей части прихожан патриаршей иерархии гарантировала ей явное преимущество и с каждым годом сокращала обновленческое пространство обновленческой Москвы.

Примечания

¹ Текст обращения полностью см., например: *Румянцев Д.* Русская православная Церковь в годы большевистских гонений 1918–1926 гг. [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/knizhnaya_polka/rumiancev/

rumiancev_istoriya_russkayapravoslavnaya_cerkov-all.shtml (дата обращения: 12.02.2014).

- ² Сразу после избрания Тихона к патриаршему служению Иларион (Троицкий) был назначен им секретарем и главным консультантом по богословским вопросам. Его хиротонию в сан епископа Верейского, викария Московской епархии, в 1920 г. возглавлял патриарх Тихон.
- ³ Сослан в Архангельск в июне 1922 г.
- ⁴ *Москвичка*. Свет России. Московские воспоминания. 1923–1927 // Летопись. Орган православной культуры. Берлин, 1937. Кн. 1. С. 55–56.
- ⁵ Вестник Св. Синода. 1923. № 1. С. 3.
- ⁶ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Вестник Св. Синода. 1923. № 1. С. 1.
- ⁹ *Сафонов Д.* Публичные диспуты святителя Илариона с обновленцами в 1923 г. [Электронный ресурс] // Православие.Ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/5824.htm#rel9> (дата обращения: 12.02.2014).
- ¹⁰ *Троицкий С.В.* Что такое «Живая Церковь» // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И.В. Соловьев. М., 2002. С. 126.
- ¹¹ Там же. С. 80.
- ¹² ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4. Л. 105 об.
- ¹³ Вестник Св. Синода. 1923. № 1. С. 6.
- ¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.
- ¹⁵ *Кривова Н.А.* Обновленческий раскол в Уфимской епархии (1922–1929 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 134.
- ¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–8.
- ¹⁷ Согласно Декрету ВЦИК от 19.04.1923 г. № 02814 и 4-й Инструкции НКЮ и НКВД от 19.04.1923 г., для расторжения договора с действующим при храме Приходским советом требовалось постановление Президиума Моссовета с указанием мотивов и оснований расторжения договора.
- ¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 30. Л. 123.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 7. Д. 16. Л. 123.

Методика и практика краеведческих исследований

С.И. Баранова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИЗРАЗЦА XVII в.

Статья посвящена истории изучения и сохранения (реставрация и коллекционирование) архитектурных изразцов Москвы XVII в. Возникший в середине XIX в. интерес к изразцу как к яркому проявлению национального искусства и архитектуры стал возможен благодаря формированию методов отечественной реставрации и коллекционирования. Созданные исследователями и реставраторами прошлого подходы к изучению и сохранению московского архитектурного изразца позволили спасти памятники изразцового искусства в годы массового сноса зданий Москвы.

Ключевые слова: памятник, изразец, декор, закраска, реставрация, коллекционирование, охрана памятников.

Изразец – явление общероссийское. С конца XV столетия ему всё чаще отводили особое место в структуре здания; в XVII в., особенно во второй половине, изразец начал играть первостепенную роль в наружном облике зданий и интерьерах. При этом он всегда оставался приметой московского вкуса. Эти утверждения связаны с выявлением и изучением всего сохранившегося круга московских изразцов, которое позволяет с большей уверенностью говорить о широком распространении столичных изделий на всей территории Русского государства¹. Поэтому углубленное изучение московского изразца дает возможность по-новому интерпретировать многие стороны процессов исследуемой эпохи, их содержание и роль в русской истории².

В XIX в. русский изразец был по праву отнесен к разряду интереснейших проявлений национального искусства и архитектуры. Однако эта привычная и не вызывающая сомнений оценка далеко

не сразу стала бесспорной. Процесс постижения архитектурно-художественной ценности русского изразца проходил постепенно на протяжении XIX в. и был теснейшим образом связан со стилистическими исканиями того времени. Зримой вехой в восприятии изразцовой традиции стало включение ее исследователями в процесс формирования русского стиля.

Интерес к национальному архитектурному наследию, в том числе и к памятникам с изразцовым убранством, обрел черты целенаправленного исследования только с середины XIX столетия. К этому времени общество ощутило потребность в выработке четких представлений об этом явлении, которое на протяжении XVIII – раннего XIX в. воспринималось как «варварское».

Обстоятельства пробуждения интереса к изразцам во многом сродни открытию русской иконы, о богатстве которой из-за скрытых под потемневшими слоями оливы изображений долго не подозревали. В 1917 г. известный исследователь русского изразца А.В. Филиппов писал: «Из числа наиболее известных памятников древнего русского искусства многие дошли до нас со следами давних искажений. Перемена вкусов, равнодушие к искусству и невежество способствовали порче древней русской иконы поздними записями, обезображивали архитектуру храмов и жилищ невероятными переделками и пристройками, <...> замазывать масляными красками древние изразцы и т. п.

К счастью, не все последствия столь недостойного искажения первоначального вида памятников искусства безнадежно неустранимы. Так, в наши дни путем удаления потемневшей олифы и поздних записей оживает первоначальная красота колорита древней нашей живописи, открывается русская икона»³.

Многие сохранившиеся в Москве изразцовые декоры погибли или претерпели значительные утраты в ходе перестроек, приводивших часто к полному уничтожению здания или его архитектурных слоев, к сокрытию их остатков под закладками и толстыми слоями штукатурки или закраске, полностью изменившей их образ. Подобные кардинальные реконструкции создавали значительные трудности в изучении изразцового декора московских памятников. Более того, зачастую, приступая к работам, исследователи не подозревали о его существовании. Так, в ходе работ в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду в конце 1920-х гг. фасадный изразцовый декор открылся только после снятия толстого слоя штукатурки⁴.

Также подлинные изразцы долго «маскировались» из-за повсеместно принятой практики закрашивания их многочисленными слоями масляной краски. Неоднократно закрашивались уникаль-

ные керамические иконы с изображением евангелистов на церкви Успения в Гончарах. В 1914 г. Е. Шмидт писал: «Восьмиугольный барабан украшен четырьмя изразцовыми фигурами святых. <...> Изображения сделаны рельефно и теперь покрыты масляной краской. К сожалению, нижняя часть одежды и ноги вырублены, тоже во время перестройки...»⁵.

Многие известные исследователи и архитекторы терпимо относились к закраске изразцов масляной краской, но это постоянно приводило к ошибкам в представлениях о подлинных объектах. Архитектор Н.В. Султанов писал, что «подобное “варварство” может только возмутить всякого любителя художественной старины, что мы лично испытали при осмотре памятника. Но это “варварство” оказывается не только полезной, но даже просто необходимой мерой: изразцы местами до такой степени попортились и облупились, что оставлять их в таком виде было положительно невозможно»⁶.

В 1916 г. при реставрации изразцового декора Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря А.В. Филиппов насчитал на изразцах более двадцати слоев масляной краски, чередовавшейся с побелками, и после проведения промывки наличника записал: «Предпринятая по поручению нашего общества работа по отмывке закрашенных масляною краскою изразцов в более или менее заметном масштабе производится, насколько мне известно, в Новом Иерусалиме, да и вообще в России, впервые»⁷. Это не совсем так. Еще в 1899 г. «Московские ведомости» писали: «Так как колокольня при церкви Св. Николая Явл[енного] может и должна служить образцом византийско-русского зодчества, то непростительно было при ее поновлении не привести ее в первоначальный вид и лишать ее тех немногих украшений, какими она наделена была при своем возникновении. Карниз и фриз, а также кассетоны в нижней части осмерика украшены вставленными отливными изразцами, по видимому очень затейливого рисунка. Но вследствие небрежности, скорее же невежества рабочих, которые ранее неоднократно производили окраску колокольни, изразцовые украшения постоянно закрыты для глаз. При настоящем поновлении колокольни они не были промыты и снова покрыты были густым слоем масляной краски... Благодаря участию последнего при поновлении, произведенном в недавнее время, шатровой колокольни при церкви Св. Троицы в Зубове, все цветные изразцы, прежде закрашенные, были промыты и остаются теперь открытыми, придавая зданию законченность и стильность»⁸.

Реставрационное «открытие» изразцов, представших в их подлинном виде, дало новый толчок к их изучению. Участник реставра-

ции Крутицкого теремка А.В. Филиппов в 1938 г. писал: «Толчком к изучению древнерусской архитектурной керамики послужила практическая работа по реставрации изразцовой облицовки Крутицкого терема в Москве; в этой работе автор принимал участие в 1912–1913 гг. Несоответствие вида и обработки древних изразцов этого выдающегося архитектурного и керамического памятника сведениям о них, имевшимся в тогдашней научной литературе, поставило перед автором задачу основательного изучения древнерусского изразцового дела непосредственно на сохранившихся памятниках»⁹. Это отмечалось и позднее: «Изучение изразцов XVII в. явилось базой для связанных с ними реставрационных работ, начавшихся на рубеже XIX и XX столетий»¹⁰.

Неслучаен интерес к изразцу ведущих русских архитекторов прошлого, не только заложивших основы отечественной реставрации, в том числе и изразцового декора, но и ставших первыми его исследователями, – Ф.Ф. Рихтера¹¹, Н.В. Султанова. Деятельность этих архитекторов была чрезвычайно обширна, но в ней нашлось место исследованию, сохранению, изучению и реставрации изразца.

В середине XIX в. архитектор и реставратор Ф.Ф. Рихтер, воссоздавая памятники XVII в. в Кремле и Китай-городе, начал собирать информацию об изразцах, используя две методики: он одновременно фиксировал древние объекты (т. е. выявлял, обмерял и зарисовывал) и «реставрировал» их (возьмем слово в кавычки, так как в сегодняшнем понимании скорее стилизовал и проектировал новые памятники). Результаты этих работ архитектор суммировал, опубликовав в знаменитом увраже, вышедшем в 1850 г., «Памятники древнего русского зодчества, снятые с природы и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высечки и живописи»¹². Сам процесс обследования древних объектов представлял полноценное для своего времени натурное исследование, и пусть оно не было опубликовано в принятых сегодня формах, накопленные знания отразились в графических и натуральных реконструкциях, которые дошли до нас и могут использоваться как адекватный источник. В «Памятниках древнего русского зодчества...» впервые приведена фиксация изразцового декора церковью Теремного дворца в Московском Кремле, Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, Крутицкого теремка, церкви Николая на Берсеневке. Особое внимание Рихтер обратил на выдающееся керамическое убранство Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, отметив, что «ни в одном другом древнем храме ценные и изразчатые

украшения не употреблены с такой роскошью и в таком множестве, как здесь»¹³. Несмотря на слишком мелкий масштаб, переданный с искажением цвет эмалей и рисунок орнамента, издание обладает несомненной ценностью для истории науки.

Одновременно с работой Рихтера и отчасти в связи с ней выходят в свет первые исследования, в которых историками-архивистами сделаны попытки собрать письменные источники для изучения изразца и составить на этой основе историю их производства. В первую очередь это небольшая работа И.Е. Забелина (1853)¹⁴, которая носила тем не менее программный характер. И.Е. Забелин приложил усилия, чтобы воскресить имена мастеров-изразечников, объяснить происхождение слова «ценина». Он сформулировал свой собственный взгляд на развитие ценных изделий и даже предложил первую классификацию изразцов «сообразно их назначению в кладке».

Таким образом, во второй половине XIX в. сформировались две группы работ с определенными подходами к изучению изразца, которые можно условно назвать «архитектурно-реставрационным» и «архивным» и которые существуют до настоящего времени. На основе их синтеза вскоре были предприняты попытки исчерпывающим образом осветить *всю* историю изразца, включая особенности его размещения на зданиях (в том числе Москвы). Первая такая попытка была предпринята Н.В. Султановым в его новаторском для того времени труде¹⁵, входящем в направление, заданное Ф.Ф. Рихтером (тем более что Султанов был не столько историком, сколько архитектором-практиком, реставратором и проектировщиком, работавшим в «русском стиле»). В 1878–1880 гг. под руководством Н.В. Султанова была выполнена реставрация, в том числе изразцов здания церкви Троицы в Останкине¹⁶.

Одновременно с развитием реставрации в XIX в. формировалась традиция сохранения изразцов как части уникального подлинного декора памятников, и это были взаимодополняющие процессы. Можно считать, что ее зарождение сопряжено с разборкой в 1874 г. изразцового убранства здания Главной аптеки (1699–1701 гг.) в связи с планами строительства на этом месте Исторического музея. «Управление Исторического музея сообщило Обществу (Московское архитектурное общество. – С. Б.), что Московская Городская Дума пожертвовала для музея участок земли на Красной площади, на котором находится здание бывших присутственных мест. Признавая историческое значение этого здания и намереваясь приступить к сломке его для постройки музея, оно предлагало Архитектурному обществу сделать снимки со здания или в общем виде, или

в его частностях. Архитектор Н.В. Никитин, осматривавший здание перед сносом, сообщает, что «ни одна часть облицовки здания, как то: отделка окон, карнизов – не сохранилась в целости. Некоторые детали, например керамические колонки, башни, заменены деревянными, остались на месте только их базы, покрытые желтой поливой, и разноцветные кронштейны»¹⁷.

По решению комиссии была проделана значительная работа по снятию чертежей здания, копий с некоторых украшений и т. д.: «...приняты все меры к поспешному снятию рисунков частей здания, наиболее сохранившихся от поздних переделок. С фасадов здания снято 850 штук цельных изразцов с рельефными украшениями и разноцветной поливой. Также взята одна капитель, высеченная из цельного белого камня (московский известняк)»¹⁸. Однако всего спасти не удалось: «...коллекция составляет малую часть того, что побито при разрушении здания, и едва ли будет возможно подобрать из них хотя бы одну полную коллекцию»¹⁹. Причиной этого явилось то, что «разрушение здания производилось с большой поспешностью; стены его опрокидывали целиком, а не разбирали»²⁰.

Таким образом, были сохранены фрагменты уникального декора здания, которые были сразу переданы в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для всеобщего обозрения, а затем оказались в собрании Исторического музея. При этом отмечалось, что «коллекция, собранная Архитектурным Обществом и открытая для публики, дает понятие о богатом материале, прежде бывшем в употреблении и теперь только обратившем на себя внимание, – и, надо ожидать, даст сильный толчок развитию заглохнувшего было русского гончарного дела»²¹.

Действительно, эти события дали «сильный толчок» к исследованию и формированию музейных коллекций изразцов. Этот подход не только сохранял изразец, придавая ему статус музейного предмета, но и обеспечивал изучение отдельно взятого изразца, рассматриваемого не как часть большой серии или фрагмент сооружения и не как «виртуальный» объект, упоминаемый в документе, а как вещь в составе музейной коллекции²². Так, первые записи о поступлении в Исторический музей изразцов были сделаны рукой одного из создателей музея историка И.Е. Забелина. В 1888 г., принимая большую коллекцию печных изразцов с сюжетной росписью, Забелин записал, что она «дает богатый материал для изучения русского орнамента и в иных случаях костюма»²³. Всего за этот год в музей на хранение было принято 680 изразцов.

Создаваемая коллекция вызвала интерес и у членов императорской семьи. В дневнике И.Е. Забелина от 11 января 1889 г. есть запись о посещении музея великим князем, который «особенно был доволен разнообразием собираемых изразцов»²⁴. В 1891 г. после приезда в музей великой княгини историк пишет: «Великая княгиня расспросила о находках в Кремле, что замечательного. Я указал на богатство изразцов»²⁵. В 1893 г. «согласно воле почившего императора Александра III в музей препровождены Комитетом по сооружению в Москве памятника Александру II 196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов»²⁶.

Обращение к русской истории, ярко проявившееся в XIX в. и давшее импульс для развития важнейшего направления в искусстве того времени – историзма, всегда имело поддержку императорской семьи. В царствование Александра III это искусство приобрело «программное» значение. Поэтому древнерусский изразец рассматривался и императором, и обществом как символ национальных традиций.

Последовавший после 1917 г. этап пополнения музейных собраний изразцами трудно назвать коллекционированием. Он связан со сносом церквей и древних зданий, начавшимся в эпоху воинствующего атеизма в 1920–1930-е гг. Сроки сноса были таковы, что об обмере или сохранении хотя бы частей здания зачастую невозможно было и думать. Об «ударных» темпах сноса памятников красноречиво говорят документы. Архитекторам, реставраторам и музейным работникам пришлось проявить кроме знаний незаурядную настойчивость, смелость, организационные способности. Многие из этих людей могут быть справедливо названы подвижниками, благодаря которым сохранились фрагменты московских зданий и сведения о них. Одним из них был первый директор музея в бывшем царском селе Коломенское Петр Дмитриевич Барановский. Благодаря его усилиям в Коломенском хранится выдающаяся коллекция изразцов²⁷.

Характерна история поступления в музей «Коломенское» изразцов уже упоминавшейся церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду, связанная с начавшимися в 1923 г. исследованиями и реставрацией дворца князя В. Голицына²⁸. В 1928 г., когда угроза сноса стала реальной и существенно изменила течение работ, протоколы заседаний Комиссии по архитектурной реставрации отразили драматическую ситуацию лихорадочного изучения, обследования и фиксации памятника²⁹. Все попытки спасти памятник оказались безуспешны. Постановление президиума ВЦИК от 21.V.1928 г. утвердило решение Моссовета о сносе церкви Параскевы Пятницы в

Охотном ряду и приостановке восстановления домов Голицына и Троекурова³⁰.

Поступление в музей изразцов в связи со сносом зданий происходит все чаще. Справка директору музея «Коломенское», составленная архитектором Л.А. Давидом 28 октября 1937 г., о работе «по научному наблюдению за проведением работ по изъятию фрагментов бывшей церкви Адриана и Наталии (размеры, объем)» свидетельствует о подготовке к передаче в музей изразцов из церкви Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул.: «За время моего наблюдения (с 4 сентября 1937 г.) разобраны бригадой каменщиков и мною замерены и помечены: нижняя половина центральной главы, <...> керамическая облицовка восьмерика той же главы, керамическая летопись по трем сторонам 4-ка колокольни, отдельных изразцов 4 штуки. В настоящее время керамические детали изъятые бригадой и мной перемеченные сложены на крыше Трапезной части б[ывшей] церкви Адриана и Наталии и нуждаются в упаковке в ящики и скорейшей доставке в музей»³¹. Позднее, 12 ноября 1937 г., был составлен акт, зафиксировавший, что в музей «поступила из бывшей церкви Адриана и Наталии XVII в. (Москва, 1-я Мещанская ул.), <...> в том числе и надпись керамическая вокруг четверика колокольни»³². Впоследствии исследование изразцов из церкви Адриана и Наталии, в первую очередь керамической строительной надписи, позволило уточнить датировку храма³³.

Аналогичным образом был собран материал по многим другим утраченным памятникам Москвы с изразцовым убранством, фрагменты которого хранятся в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника (МГОМЗ). В результате предпринятых поисков и анализа собранной информации удалось впервые достоверно описать изразцовую облицовку многих утраченных объектов Москвы, таких, как церкви Николая в Столпах, Параскевы Пятницы в Охотном ряду, Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул., Ермолая на Садовой, Архидиакона Стефана в Заяулье; колоколен церкви Троицы в Зубове на Пречистенке, Николая Явленного на Арбате; зданий Сухаревой башни и Главной аптеки.

Таким образом, благодаря усилиям историков-славянофилов и краеведов, знатоков Москвы, творчеству реставраторов – творцов нового архитектурного стиля (русского историзма), просвещенным правителям России, музейным хранителям и просто собирателям-коллекционерам наука обрела значительный фонд источников (предметов и их изображений). Обстоятельства русской истории

последних 150–200 лет не всегда способствовали немедленному вводу этих источников в научный оборот. Но само их присутствие в собраниях в виде чертежей, рисунков, фотографий и архивных документов, не говоря уже о подлинных вещах, стало важным стимулом и одновременно научной базой при переходе к стадии фундаментального исследования русского изразца как исторического источника.

Примечания

- ¹ *Баранова С.И.* Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78.
- ² *Баранова С.И.* Изразец в позднесредневековой Москве: конец XV–XVII вв. М., 2013.
- ³ *Филиппов А.В.* Изразцовый наличник окна в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре и его отмывка. М., 1917. С. 3.
- ⁴ Подробнее см.: *Баранова С.И.* К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. С. 205–213.
- ⁵ *Шмидт Е.* Гончарное искусство в древней Руси // Баян. 1914. № 2. С. 59.
- ⁶ *Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885. С. 30.
- ⁷ *Филиппов А.В.* Изразцовый наличник окна в Новом Иерусалиме... С. 4. Фрагмент изразца (фронтон наличника) из Воскресенского собора с пробами отмывки краски, выполненный А.В. Филипповым, хранится в собрании музея Московского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова (далее – МГХПУ им. С.Г. Строганова).
- ⁸ Московские ведомости. 1899. № 277. С. 3. На фотографии колокольни церкви Николая Явленного на Арбате в альбоме Н.А. Найденова под густой закраской с трудом можно рассмотреть следы рельефа изразцов. См.: *Найденов Н.А.* Соборы, монастыри и церкви. М., 1881. Ч. 3. Отд. 1. № 25.
- ⁹ *Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. 1. С. 6. Подробнее см.: *Баранова С.И.* Реставрационная деятельность А.В. Филиппова // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М., 2012. С. 367–381.
- ¹⁰ *Воронова Н.В.* Русские изразцы XVIII века // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 191.
- ¹¹ См.: *Баранова С.И.* Архитектор Ф.Ф. Рихтер – первый исследователь русского изразца // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2011. Вып. 2 (5). С. 163–179; *Она же.* Реставрационная деятельность Ф.Ф. Рих-

тера и возрождение символики эпохи Московского царства (на примере реставрации палат Романовых в Москве) // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Мат-лы XXII Междунар. науч. конф.* М., 2010. С. 145–148.

¹² *Рихтер Ф.Ф.* Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высеки и живописи. М., 1850 (шесть выпусков); 1851–1856 (по одному выпуску в год).

¹³ Там же. М., 1854. Тетрадь IV. С. 39.

¹⁴ *Забелин И.Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России // *Записки Императорского Археологического общества.* Т. 6. СПб., 1853. С. 238–338.

¹⁵ *Султанов Н.В.* Указ. соч. С. 1–64.

¹⁶ Подробнее см.: *Савельев Ю.П.* Творчество Н.В. Султанова // *Кремли России.* М., 2003. С. 441–482; *Михайлов Б.Б.* Церковь Троицы в Останкине. М., 1993. С. 61.

¹⁷ *Никитин Н.В.* Корреспонденция из Москвы // *Зодчий.* 1875. № 1. С. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² В настоящее время наиболее значительные коллекции, в которых представлен московский изразец, хранятся в собраниях Государственного Исторического музея (далее – ГИМ), музея «Московский Кремль», Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева (далее – ГНИМА им. А.В. Щусева), музея «Покровский собор», Музея истории города Москвы, Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII в.», музея МГХПУ им. С.Г. Строганова.

²³ *Дулькина Т.И.* История отдела керамики и стекла Государственного Исторического музея (конец XIX в. – 1950-е гг.). М., 2002. С. 18.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ Подробнее см.: *Баранова С.И.* Роль П.Д. Барановского в создании коллекции архитектурных изразцов Московского государственного объединенного музея-заповедника // *Шестые Всероссийские краеведческие чтения.* М., 2013. С. 250–259.

²⁸ *Грабарь И.Э.* Древние дома Голицына и Троекурова // *О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников.* М., 1969. С. 24. Статья была впервые опубликована в 1924 г. в журнале «Строительство Москвы» (1925. № 10. С. 11–15).

- ²⁹ Материалы исследований, обмеров, фиксации при разборке дворца Голицына и церкви Параскевы Пятницы хранятся в архиве ГНИМА им. А.В. Щусева (фонд П.Д. Барановского). См.: Оп. 9. Д. 92, 94, 96, 99, 101.
- ³⁰ Там же. Оп. 9. Д. 93. Л. 46. Дом Троекурова сохранился до настоящего времени.
- ³¹ Научный архив МГОМЗ (Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник). Оп. 1. Д. 143. Л. 51.
- ³² Акт постоянного приема МГОМЗ от 12.11.1937.
- ³³ *Баранова С.И.* Керамические «надписи» в декоре московских храмов XVII в. // *Российская археология.* 2011. № 2. С. 81–87.

Д.О. Плахута

ПЕРВАЯ ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ (1716–1768 гг.): ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА, КАРТОГРАФИЯ

Омская крепость, основанная на границе российских владений и земель кочевых народов, играла немаловажную роль в освоении Сибири. Однако остается до сих пор спорным вопрос о форме и связанных с ней, соответственно, размерах, месте расположения и, наконец, времени существования Первой Омской крепости (1716–1768 гг.). Выделенные на основе анализа карт крепости и письменных источников три вида крепостных сооружений являются по сути этапами развития Первой Омской крепости. Объединяет их стремление разработчиков и строителей закрепить именно на левом берегу Оми. Крепость пережила ряд перестроек, разрушения кромок береговых террас рек Иртыша и Оми, высокие весенние паводки, смену линейной и радиальной систем застроек.

Ключевые слова: Первая Омская крепость, И.Д. Бухольц, Сибирь, р. Иртыш, р. Омь, покорение Сибири, российские крепости в Сибири в XVIII в.

Основной фигурой герба Омской области, принятого 17 июня 2003 г., является помещенная в сердце щита червленая с пятью бастионами крепость с золотой аркой в середине – контуры Омской крепости, основанной И.Д. Бухольцем в 1716 г.

Однако остается до сих пор спорным вопрос о форме и связанных с ней, соответственно, размерах, месте расположения и, наконец, времени существования Первой Омской крепости 1716 г. В основе споров лежит содержащее неясности (противоречия?) описание Омской крепости, данное Г.Ф. Миллером. В 1734 г. Тарская воеводная канцелярия сообщала российскому историографу, что Омская крепость четырехугольная. Миллер, посетив Омскую крепость в том же году, писал: «Низкий земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен палисадом с пятью таких же

болверков на углах. <...> Правда, что в бытность мою там в 1734 г. крепость была четырехугольная. <...> Но как на другой год в Селенгинск я прибыл и там застал господина Бухольца бригадиром и комендантом, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана...»¹.

В краеведческой литературе на сегодняшний день можно выделить две основные версии.

Крепость, по мнению А.Ф. Палашенкова, В.И. Кочадамова и ряда других исследователей, имела форму правильного пятиугольника².

При этом В.И. Кочадамов считает, что крепость была построена не И.Д. Бухольцем, отбывшим из нее 22 декабря 1716 г., а майором Аксаковым по чертежу, присланному из Тобольска в 1717 г.³

Таким образом, вышеперечисленные исследователи не признают постройки четырехугольной формы Первой Омской крепости⁴, несмотря на ясное указание Г.Ф. Миллера о существовании таковой.

Несколько отличается точка зрения А.М. Лосунова. Соглашаясь с версией о пятиугольной форме Первой Омской крепости, краевед ссылается на И.Л. Черепанова, который отмечает, что «в последующие годы крепость была четвероугольная и только палисадом обнесенная...». В 40-х гг. XVIII в. в ходе строительных работ Омской крепости снова вернули вид пятиугольной⁵. Однако точка зрения А.М. Лосунова не объясняет, зачем нужно было перестраивать крепость из пятиугольной (самой прогрессивной фортификации) в четырехугольную (по сути, уже устаревшую на то время), чтобы позже вновь вернуть ее прежний облик.

А.Д. Колесников⁶ считает, что «Первая Омская крепость была четырехугольной. <...> Эта крепость просуществовала до 40-х годов XVIII в.». Построена она была к осени 1716 г. под началом И.Д. Бухольца и непосредственным руководством Каландера. На плане 1722 г. эта крепость изображена на нижней береговой террасе⁷.

Второй (новой) Омской крепостью, по мнению А.Д. Колесникова, следует считать пятиугольную крепость, возведенную на верхней береговой террасе левого берега Оми в 40-е гг. XVIII в. и описанную остальными исследователями как Первая Омская крепость⁸.

Следующей (третьей) Омской крепостью, по мнению А.Д. Колесникова, является пятиугольная крепость, возведенная на мысу, образованном правым берегом Иртыша и Оми, по проекту И.И. Шпрингера и Малма, утвержденному в 1768 г., т. е. описанная прочими исследователями как Вторая Омская крепость⁹.

Версия А.Д. Колесникова, опирающаяся на достоверный архивный материал, выглядит более убедительной, но не объясняет приводимое Г.Ф. Миллером устное свидетельство И.Д. Бухольца о пятиугольной форме возведенной при нем крепости.

Обратимся к основным источникам по истории Омской крепости, которыми являются карты, планы крепости, а также сохранившиеся описания внешнего вида и построек¹⁰.

Наиболее ранний из планов упоминается в работе В.И. Кочедамова. Это чертеж «О строении Омской крепости за Омью рекою острогу и дворов в линию». Он был прислан в Омскую крепость в 1717 г. из Тобольска. В это время строителем Омской крепости, по утверждению В.И. Кочедамова, являлся майор Аксаков. От его имени ведется вся переписка по возведению крепости¹¹. Указанный чертеж, по-видимому, не сохранился либо пока не найден¹². Однако название чертежа, представлявшего собой, вероятно, проект, позволяет заключить, что строительство дворов слободы крепости должно было осуществляться в линию.

Наиболее ранний из сохранившихся (опубликованных) планов крепости относится к 1722 г. Полное наименование его: «Новый проект, какой должна быть новая крепость города на Оми»¹³. Разработан он по весьма важному обстоятельству. В феврале 1721 г. правительствующий сенат дал указание военной коллегии ликвидировать все иртышские крепости, кроме Омской, а последнюю укрепить. На это Вельяминов-Зернов, комендант крепости после И.Д. Бухольца, писал: «...Омская крепость поставлена от воды далече и не может та крепость к Иртышу-реке обороны иметь, а на другое место переносить невозможно для того, что те места низкие и неудобные...»; он просил чертеж для ее перестройки. Такой чертеж был составлен в Тобольске капитан-инженером де Гранжем, но вскоре поступило сообщение: «оный капитан умре, больше инженеров нет». Осуществлять проект было некому. В этом проекте место для будущей крепости, которая должна была иметь форму правильного пятиугольника, было выбрано на правом берегу Оми и Иртыша. Ее и соседнюю слободу должны были окружать бастионы, соединенные в единую оборонительную систему надолбами и рогатками. На левом берегу Оми, на месте существовавшей крепости, предполагалось оставить только предместное укрепление в виде небольшого четырехугольного форта¹⁴. А.Ф. Палашенков отмечает: «Проект 1722 г. назван “Новым проектом”». Очевидно, и до этого уже составлялись проекты реконструкции старой или постройки новой крепости. <...> Мы не останавливаемся на “Новом проекте” де Гранжа 1722 г., так как степень осуществления его

нам неизвестна»¹⁵. Для нас важна информация о существовавшей на то время крепости, контурная схема которой дана составителем проекта. Можно предположить, что предыдущим проектом и был чертеж 1717 г.

План Омской крепости 1745 г. опубликован в работе В.И. Кочедамова¹⁶. Исследователь, к сожалению, не указывает полного названия плана, не дает его источниковедческой характеристики и полного описания. Однако этот план свидетельствует о том, что проект 1722 г. де Гранжа выполнен не был.

«План Омской крепости сочинен в 1755 г. с прожектом», опубликован в работах А.Ф. Палашенкова и В.И. Кочедамова¹⁷. Автор плана – инженер-подпоручик Михаил Борисов. Автор проекта (прожекта) – прапорщик Вологодского драгунского полка Яков Укусников. Утвердил Иосиф Крофт. Подробный анализ данного плана дает А.Ф. Палашенков¹⁸.

Представляют определенный интерес и более поздние планы Первой Омской крепости, поскольку в них сохранявшиеся на то время остатки пятиугольного укрепления на левом берегу Оми получают устойчивое название «старая крепость». Таковым, например, является «Генеральный план Омской крепости с показанием казенного гражданского строения и прилежащих форштатов. Сочинен 1803 года, мая 31 дня», где дан план фрагмента укреплений и сделана надпись: «Часть старой крепости Омской, построенной в 1716 г.».

На более поздних планах начиная со второй половины XIX в. упоминание старой крепости исчезает, заменяясь уже обозначением Второй Омской крепости наименованием «Крепость», как это сделано на карте 1879 г.

Анализ краеведческой литературы, изучение доступных планов и карт Омской крепости позволяют сделать следующие выводы.

На наш взгляд, общепринятое название – «Первая Омская крепость» – в том смысле, который в него вкладывается, является неточным. Всеми исследователями признается факт возведения И.Д. Бухольцем укрепления тотчас же после остановки его отряда на стрелке рек Иртыша и Оми. В литературе оно носит различные названия: «временное укрепление», «укрепленный военный лагерь», «небольшое временное военное укрепление», «редуты». Более того, это «временное» укрепление сохранялось на протяжении свыше 6 лет, о чем свидетельствует «Новый проект, какой должна быть новая крепость города на Оми» 1722 г. Между тем русские крепости того времени видоизменялись, перестраивались, иногда вплоть до переноса на другое место, очень часто. Этот факт под-

тверждается самой Омской крепостью: посмотрим на даты появления новых проектов – 1717, 1722, 1755, 1767 гг. Уже перечисленные даты указывают минимальный срок жизни крепости около одного года (1716–1717 гг.), максимальный – 33 года (не считая ремонтов и перестроек).

Имеющиеся данные позволяют выделить следующие этапы развития крепостных сооружений на месте г. Омска.

1. Укрепление основателей Омской крепости (весна 1716 – демонтировано между 1718 и 1745 гг.).

На обратном пути из неудавшейся экспедиции, доплыв до устья Оми, Бухольц остановил свой отряд и заложил два редута, выполняя приказ Петра: «...в некоторых удобных местах, а именно при реках и при лесах делать редуты для складки провианту и для коммуникации. <...> И в тех редутах оставлять по несколько человек... по своему усмотрению».

Отсюда он послал гонцов к тобольскому губернатору князю Гагарину за указанием, что предпринимать далее. Гагарин вскоре прислал ответ. Он предписывал Бухольцу в устье реки Оми заложить крепость и прислал в дополнение к отряду 1300 человек тремя партиями.

Сначала в устье Оми для обороны строителей крепости и охраны военного снаряжения было возведено два небольших редута, оснащенных артиллерией, обнесенных частоколом: треугольный, на стрелке Оми и Иртыша (на сегодняшний день его территория не сохранилась, будучи размыта и разрушена реками Иртышом и Омью), и четырехугольный (примерно против въезда на Юбилейный мост). Надо полагать, что территория редутов была рассчитана на число людей, прибывших с Бухольцем (около 700 человек).

Треугольный редут предназначался для обороны со стороны рек и охраны судов, на которых прибыла экспедиция, а также служил для наблюдения. Прямоугольный (по плану 1722 г. квадратный) редут, очевидно, прикрывал с тыла треугольный редут и, будучи большим по территории, давал защиту основному числу людей Бухольца.

2. Первая («малая») Омская крепость (1716 – между 1734 и первой половиной 1740-х гг.).

По версии А.Д. Колесникова, крепость, будучи по существу редутом, имела форму правильного четырехугольника с бастионами по углам. Восточная стена шла от здания Думы к пересечению улиц Почтовой и Стачной. Южный бастион – к середине квартала между улицами Рабфаковской и проспектом К. Маркса. Западный – территория ул. 10 лет Октября у предместной площади.

Однако ряд фактов позволяет усомниться в том, что небольшой квадратный редут играл роль крепости.

1. Имеются основания предполагать, что Бухольц, возведя редуты на случай внезапного нападения неприятеля, не начинал строительства крепости до возвращения гонцов с указом губернатора Сибири Матвея Гагарина о строительстве. Но вместе с получением указа в распоряжение Бухольца поступило 1500 человек, что почти втрое увеличило отряд. Вряд ли возведенные редуты вмещали столько людей. Следовательно, требовалось более значительное по площади укрепление.

2. В описании четырехугольной крепости, данном в 1734 г. Г.Ф. Миллером, четко указывается, что она размещалась «на южном берегу реки Оми около 50 сажен от ея устья. <...> Крепость была четырехугольная, и только палисадом обнесенная, из которых каждая сторона содержала в длине по сту сажен»¹⁹. Точно такие же сведения содержатся в летописи тобольского ямщика И. Черепанова²⁰. Между тем ни одно укрепление, обозначенное на плане 1722 г., не подходит под данное описание. И квадратный редут, и тем более пятиугольная крепость расположены значительно дальше от устья Оми. Редут имел стороны значительно менее указанных 100 сажен.

3. В переписке с Тобольском осенью 1717 г. майор Аксаков просит разрешения «о сломании построенной на устье Оми реки малой крепости и о небытии на том месте в зимнее время караулу»²¹. Что же подразумевает майор Аксаков под «малой крепостью»? По версии А.Д. Колесникова, это треугольный редут²². Но называли ли в те времена малый редут треугольной формы со сторонами почти в два раза короче, чем у квадратного, крепостью? Можно предположить, что так была названа указанная выше в описании прямоугольная крепость, возведенная примерно посередине между редутами. Построена она была к осени 1716 г. под началом И.Д. Бухольца и непосредственным руководством Каландера. На плане 1722 г. эта крепость отсутствует.

Восемь месяцев был Бухольц у строительства крепости на берегу Оми, и только когда строительство было в основном окончено, 22 декабря 1716 г., передав команду над Омским гарнизоном участнику своей экспедиции И.Л. Вельяминову-Зернову, выехал в Тобольск, оттуда по указу царя отправился в Петербург (прибыл в столицу 2 февраля 1717 г.).

4. Первая («старая») Омская крепость (1716, 1717–1768 гг.).

Видимо, это была крепость в форме правильного пятиугольника, возведенная на высокой левобережной террасе Оми, обозначенная на плане 1722 г. Вполне вероятно, заложена она была еще

при Бухольце, проектировалась участником экспедиции Бухольца шведским военнопленным, артиллерии инженером Каландером. Может быть, Бухольцем и Каландером был подготовлен проект²³, отосланный на утверждение в Тобольск, а вернулся он в виде плана «О строении Омской крепости за Омью рекою и дворов в линию» в 1717 г.

Строил крепость по чертежу 1717 г. майор Аксаков, от имени которого велась вся переписка по возведению крепости. Местом ее постройки был крутой берег Оми высотой 12–15 м, в 500 м от Иртыша²⁴. На берегу Оми от крепости до Иртыша еще существовали редуты 1716 г., за которыми были построены, согласно плану 1717 г., в линии два ряда жилых построек. Жили и на правом берегу, куда вел мост. Территория слободы была ограждена палисадом.

Описание Омской крепости дает историк-краевед И.Я. Слоцов: «Омская крепость первоначально располагалась на открытом поле, по левому берегу Оми, и походила более на укрепленный лагерь, состоящий из пяти бастионов, связанных между собой палисадом, рогатками и небольшим рвом. В крепости впоследствии выстроены были: деревянная церковь – Сергиевский собор, деревянная гауптвахта, дом для инвалидов пограничной линии, комендантский дом и церковь шведских пленников, в которой, за упразднением ее, помещалась управительская канцелярия. Всего в пятьдесят с лишком за тем лет выстроено было не более двухсот домов. Там, где теперь старый гостиный двор, отведен был форштадт для пахотных казаков. Вверх по Оми стояли провиантские магазины, а за Омью квартировали три роты солдат (360 солдат) и драгунская команда (209 казаков)». Южнее Омска была возведена линия оборонительных сооружений от кочевников – форпосты. Крепость была построена из сырого березового леса²⁵.

По описанию В.И. Кочеданова, сделанному по плану Омской крепости 1745 г., она «северной стороной примыкала к крутому берегу Оми, а с остальных четырех была окружена сухим рвом глубиной в 3 м и шириной в 4 м. За рвом следовал небольшой вал высотой в метр, с внутренней стороны которого был установлен палисад высотой 3,5 м, состоящий из вертикально вкопанных в землю и плотно приставленных друг к другу заостренных бревен. Внешние углы крепости имели бастионы для обстрела куртин (пространства между бастионами). На расстоянии 5 м от рва шли ряды надолбов и рогаток»²⁶.

Возникает вопрос, на котором не останавливаются исследователи: почему план крепости с правильного пятиугольника

сменился на форму неправильного пятиугольника. Последний фиксируется на планах 1745 и 1755 гг., тогда как на плане 1769 г. мы вновь видим правильный пятиугольник. Как показывает план 1755 г., западная кромка верхней береговой террасы подвергалась разрушению, хотя и менее активному по сравнению с нижней береговой террасой. Поэтому западная защитная линия крепости была перенесена восточнее, а северная – южнее. Что же касается плана 1769 г., то, по-видимому, здесь преследовалась цель изобразить контур крепости 1717 г., имевший в плане правильный пятиугольник. Это подтверждается подписями на более поздних картах.

Описание ее укреплений на основании плана Омской крепости 1755 г. дает А.Ф. Палашенков²⁷. Как отмечает исследователь, лучше всего был оборудован самый большой юго-западный бастион крепости. Здесь было сооружено три батареи (деревянные срубные сооружения для орудий), в то время как в восточном бастионе – две, в южном и в полубастионах – по одной. Батарея находилась и у Иртыша на прикрывавшей форштадт линии, в 130 м от нее в сторону была расположена другая батарея. У Оми, между полубастионами, укрепления состояли лишь из палисада. От юго-западного бастиона в направлении к Иртышу проходила оборонительная линия, прикрывавшая с юга форштадт, расположенный между крепостью и Иртышом, благодаря этому обращенная к Иртышу сторона крепости (западная) оказалась внутри обороны. Это сказалось на ослаблении ее оборонительных сооружений: отсутствии надолбов и рогаток.

В крепость вело четверо въездных ворот. Со стороны Иртыша – Спасские, через которые осуществлялся выезд в Луговскую слободу. Эти ворота не были укреплены, не имели башни и завершались смотровой площадкой. С юго-востока – Знаменские ворота, самые мощные (высота – 14 м), через которые выезжали на дорогу в Томск. Над ними возвышалась рубленая башня с тремя пушками. К берегу Оми – Никольские ворота, через которые был выезд к Оми. С востока – Шестаковы, выходящие к Барабинской дороге, имели башню с пушкой. Остальные ворота представляли квадратные башни высотой около 8 м.

В дополнение к основной защите в 1762 г. на левом берегу Иртыша, напротив устья Оми, было поставлено сторожевое укрепление – Елизаветинская защита.

В окрестностях Омска не было строевого леса, крепостные здания строили из сырой березы, глиняно-соломенных кирпичей, дерева. Кровля была крыта дерном.

На расстоянии 25 м от рва крепости шли ряды рогаток и надолб. В центре ее на площади была построена деревянная церковь во имя Сергия Радонежского. В 1755 г. церковь была опоясана оградой, на углу которой стояла восьмигранная колокольня.

Вокруг площади размещались Омская и управительская канцелярия, комендантский дом, офицерские дома, дальше в беспорядке были расположены обывательские двory. В направлении Спасских (Иртышских) ворот находилась гауптвахта, возле нее амбар, где хранились казенные припасы; у восточной стороны крепости стояли казармы и госпиталь, у южного бастиона – пороховые погреба и артиллерийский бокгауз.

С внешней стороны крепости находились: с западной стороны у земляного вала, южнее Спасских ворот, – провиантские амбары; у моста через Омь – драгунские казармы. Здесь стояла Сергиевская башня, на которой находилась батарея. Невдалеке от крепости, по правую сторону Железинской дороги, был посольский дом («Дом для приезда азиатских народов»).

На берегу Оми, вверх по реке против восточной линии крепости, находилась баня²⁸.

С постройки крепости началось заселение лугового пространства между крепостью и Иртышом. Здесь сложилась так называемая Луговская слобода (впоследствии Ильинский форштадт), а по правую сторону Оми, против Луговской слободы и несколько ниже по реке, возникла Омская слобода. Заселена она была переселенцами и пришлыми крестьянами, а также разночинцами. Кроме того, на правой стороне Оми были расквартированы три роты драгун и резервная команда. Защита Омской слободы состояла из вала, палисада и надолб с тремя батареями. Замыкалась слобода прямой защитной линией, которая проходила от моста на Оми до места, где в настоящее время расположена анатомическая клиника медицинской академии.

Позднее на правом берегу Оми расположились постройки Губиной и Курганной слободы. Для сообщения между слободами через берег Оми был возведен наплавной мост. Слободы имели свои укрепления: Восточную, Нижнюю и Сергиевскую башни, вооруженные пушками; были ограждены палисадом с рогатками и надолбами. Огражденная площадь обеих слобод составляла около 40 га, но их заселение было неравномерным. Слабо заселены были правобережные слободы, и они вскоре пришли в запустение. Население крепости состояло из казаков, свободных переселенцев и ссыльных.

Построенные в 1740-е гг. из сырого березового леса сооружения крепости пришли в ветхость. К этому времени Омская крепость являлась узловым пунктом системы укреплений Верхне-Иртышской линии, а позднее – Пресногорькой. Несмотря на проведенные в 1756 и 1762 гг. ремонтные работы и реконструкции, крепость все больше не удовлетворяла военным требованиям того времени.

Вопрос о строительстве новой крепости на правом берегу Оми поднимался еще в 1722 г. Расположенная за Омью, первая Омская крепость во время ледохода и ледостава (в это время наплавной мост снимался) была отрезана от тыла, чем снижалась ее обороноспособность. В разные годы разрабатывались проекты о сооружении правобережной крепости, но к развернутому ее проектированию приступили лишь в 1764 г. В 1864 г. Омскую крепость упразднили.

В краеведческой литературе предпринимались единичные попытки картографической локализации Первой Омской крепости на современной карте города²⁹. Указанные опыты локализации объединяет следующее.

1. Они все выполнены с плана Омской крепости 1745 г. и близкого ему плана 1755 г. Однако план 1745 г., на наш взгляд, является самым неточным с точки зрения топографии.

2. Судя по всему, в них не учитывается размыв кромок речных террас, особенно значительный на стрелке Иртыша и Оми.

3. Имеется исторического характера причина, затрудняющая локализацию: погрешности в топографической съемке, встречающиеся в XVIII в.

На наш взгляд, более объективные результаты можно получить, совмещая на современной карте не один план, а несколько, начиная с самого раннего плана 1722 г. При таком совмещении видно, насколько уменьшился в ходе размыва мыс на стрелке Иртыша и Оми. Отметим, что на чертеже 1722 г. очень точно изображен край правобережной террасы Оми.

Выделенные три вида крепостных сооружений являются, по сути, этапами развития Первой Омской крепости. Объединяет их стремление разработчиков и строителей закрепиться именно на левом берегу Оми. Крепость пережила ряд перестроек, разрушения кромок обеих береговых террас, высокие весенние паводки, смену линейной и радиальной систем застроек. И тем не менее вопрос об особенностях постройки Первой Омской крепости, ее форме окончательно решен быть пока не может. Необходимо сделать следующее.

1. Провести архивную работу по поиску материалов по Первой Омской крепости. Например, известно, что существовал чертеж 1717 г. Известно также, что И.Д. Бухольц представлял в Сенат копию таблицы, «что в той крепости [Омской] после ево осталось людей и протчего»³⁰.

2. Провести археологические раскопки на территории Первой Омской крепости (от здания Городской думы до здания Речного вокзала).

Примечания

- ¹ Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX вв. // Сост. и коммент. А.Ф. Палашенкова // Известия Омского отд. Геогр. общ-ва Союза ССР. Омск, 1966. Вып. 8 (15). С. 74.
- ² См.: *Палашенков А.Ф.* Основание Омска. Омск, 1944; *Он же.* Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Известия Омского отд. Геогр. общ-ва Союза ССР. Омск, 1959. Вып. 3 (10). С. 25–27; *Кочедамов В.И.* Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960. С. 4–6; *Евсеев Е.Н.* Экспедиция И.Д. Бухольца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 54–58; *Он же.* Основание Омской крепости отрядом И.Д. Бухольца // Очерки истории города Омска. Т. 1: Дореволюционный Омск. Омск, 1997. С. 35; *Пугачева Н.М.* Первая Омская крепость // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачёва Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 204–205; *Юрасова М.К.* Омск. Очерки истории города. Омск, 1972. С. 15.
- ³ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 4.
- ⁴ Второй Омской крепостью указанные выше исследователи считают пятиугольную крепость, возведенную на мысу, образованном правым берегом Иртыша и Оми, по проекту И.И. Шпрингера и Малма, утвержденному в 1768 г.
- ⁵ *Лосунов А.М.* Крепость, положившая начало г. Омску // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): Мат-лы Всерос. науч. конф. Омск, 2010. С. 167–171.
- ⁶ См.: *Колесников А.Д.* Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отд. Геогр. общ-ва Союза ССР. Омск, 1965. Вып. 7 (14). С. 135; *Он же.* Памятники и памятные места Омска и области. Омск, 1987. С. 11–12.
- ⁷ *Колесников А.Д.* Основание Омской крепости... С. 134–135. Остальные исследователи считают, что это один из двух редутов, воздвигнутых И.Д. Бухольцем при остановке его в устье Оми.
- ⁸ Там же. С. 140–141.

- ⁹ Там же. С. 141–142.
- ¹⁰ См.: *Евсеев Е.Н.* Экспедиция И.Д. Бухольца...; *Колесников А.Д.* Основание Омской крепости...; *Кочедамов В.И.* Указ. соч.; *Лосунов А.М.* Указ. соч.; Очерки истории города Омска. Т. 1. С. 17–37; *Палашенков А.Ф.* Основание Омска...; *Он же.* Планы Омской крепости...
- ¹¹ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 4.
- ¹² В.И. Кочедамов не приводит его изображение в своей работе и не дает пояснений о его судьбе, А.Ф. Палашенков вовсе не упоминает.
- ¹³ Опубл. в работах: *Палашенков А.Ф.* Планы Омской крепости... С. 25–27. Вкладыш-рис. 1; *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 4–5. Рис. 1.
- ¹⁴ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁵ *Палашенков А.Ф.* Планы Омской крепости... С. 26–27.
- ¹⁶ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁷ См.: *Палашенков А.Ф.* Планы Омской крепости... С. 27–29. Вкладыш-рис. 2; *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 10. Рис. 6.
- ¹⁸ *Палашенков А.Ф.* Планы Омской крепости... С. 27–29.
- ¹⁹ Омск в описаниях путешественников... С. 74.
- ²⁰ Из истории Омска (1716–1917 гг.). Очерки, документы, материалы. Омск, 1967. С. 55–56.
- ²¹ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 4.
- ²² *Колесников А.Д.* Основание Омской крепости... С. 134–135.
- ²³ Инженер-поручик Каландер – участник военного похода шведского короля Карла XII в Россию. В 1709 г. в бою под Полтавой шведы были разгромлены, и Каландер попал в плен. В 1715 г. был включен в состав экспедиции И.Д. Бухольца. Каландер хорошо знал крепости своей родины и западных стран, поэтому в основу Омской крепости положил пятиугольную форму, так как эта система французского математика и инженера Вобана преобладала на Западе.
- ²⁴ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁵ *Словцов И.Я.* Историческая хроника Омска // Материалы по истории и статистике Омска. Омск, 1880. С. 41–47.
- ²⁶ *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁷ *Палашенков А.Ф.* Планы Омской крепости... С. 27–29.
- ²⁸ Там же. С. 28–29.
- ²⁹ См.: *Кочедамов В.И.* Указ. соч. С. 7–8. Рис. 4–5; *Огородникова Л.И.* Описание Омской крепости // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2005. № 11. С. 172; *Лосунов А.М.* Указ. соч. С. 162. Копия рис. с указ. работы Л.И. Огородниковой.
- ³⁰ Из истории Омска... С. 54.

А.М. Пашков

ЗАОНЕЖСКАЯ ССЫЛКА
МАРФЫ ИВАНОВНЫ РОМАНОВОЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ
XVII – СЕРЕДИНЫ XIX в.

Статья посвящена восприятию населением Олонецкой губернии ссылки боярыни Марфы Романовой (матери первого царя династии Романовых Михаила) в с. Толвуя в Заонежье в 1601–1605 гг. После избрания Михаила царем в 1613 г. он наградил 12 жителей Заонежья за помощь матери в годы ссылки, предоставив им различные льготы. Уже в XVII в. возникли предания о пребывании Марфы Романовой в ссылке, этот сюжет получил развитие и в северорусской книжности. В XVIII – первой четверти XIX в. о ссылке Марфы в Заонежье писали многие историки. Большое значение имела публикация в изданиях Археографической комиссии жалованных обельных грамот заонежским крестьянам. В 1830 г. ссыльный поэт-декабрист Ф.Н. Глинка издал поэму «Карелия, или Заточение Марфы Ивановны Романовой». С конца 1830-х гг. на эту тему регулярно стали появляться краеведческие публикации.

Ключевые слова: историческое самосознание, Марфа Романова, политическая ссылка, Заонежье, краеведение, Археографическая комиссия, Ф.Н. Глинка.

В 2013 г. в нашей стране широко отмечалось 400-летие династии Романовых. В связи с этим повышенный интерес вызывали сюжеты, связанные с отдельными представителями этой династии. Основателем династии Романовых стал Михаил Федорович, избранный на царский престол на Земском соборе 21 февраля 1613 г. 14 марта его мать Марфа Ивановна Романова благословила его на царство (отец будущего царя Филарет находился в это время в плену в Польше), и 11 июня 1613 г. Михаил был венчан на царство в Успенском соборе Кремля.

Мать первого царя династии Романовых до пострижения в монахини носила имя Ксения¹. Она была дочерью богатого костромского дворянина Ивана Васильевича Шестова, происходившего из старомосковского боярского рода Морозовых-Филимоновых, погибшего, вероятно, в годы Ливонской войны. Ксения родилась в начале 1570-х гг. После смерти родителей Ксению с сестрой взяли в Москву родственники. Около 1590 г. Ксения вышла замуж за богатого и знатного боярина Федора Никитича Романова (1554–1633). 12 июля 1596 г. у них родился сын Михаил.

В ноябре 1600 г. Борис Годунов начал гонения против влиятельного боярского рода Романовых. В июне 1601 г. их обвинили в колдовстве и стремлении извести царя Бориса и захватить власть. Глава этого рода Федор Романов был пострижен в монахи под именем Филарет и сослан в Антониев-Сийский монастырь под Архангельском. Его жена Ксения также была сослана в Заонежские погосты, в с. Толвуя, расположенное на северном побережье Онежского озера, и пострижена там в монахини под именем Марфа. Их детей Татьяну и Михаила сослали с семьей тетки на Белоозеро.

Итак, Марфа Романова оказалась в Заонежье, вероятно, в конце 1601 г. Первоначально условия ее пребывания в Толвуде были очень суровыми. Новый летописец сообщает, что ее морили голодом. Но в марте 1602 г. режим ссылки был ослаблен и Марфа получила возможность общаться с местными жителями. Инокиня Марфа переживала из-за того, что не имела никаких сведений о судьбе мужа и детей.

Толвуйский священник из крестьян Ермолай Герасимов, его сын Исак, а также другие заонежские крестьяне «доброхотствовали во всем» инокине Марфе. Особенно важной была их помощь в организации обмена сведениями между Марфой и Филаретом.

Неясно, как долго продолжалась ссылка Марфы Романовой. Традиционно считается, что она находилась в Толвуде до прихода к власти Лжедмитрия I летом 1605 г. Но Л.Е. Морозова считает, что уже в сентябре 1602 г. Марфу перевели в с. Клины Юрьев-Польского уезда, где она смогла воссоединиться с детьми².

После воцарения Михаила Федоровича в 1613 г. его мать Марфа приобрела большое влияние при дворе. Фактически до возвращения Филарета Романова из польского плена в июне 1619 г. она управляла страной вместе с сыном. И в последующий период, вплоть до кончины, Марфа Романова была влиятельной фигурой при дворе и носила официальный титул «Великая Государыня старица инока Марфа Ивановна».

Уже в марте 1614 г. жители Заонежья, поддержавшие в ссылке инокиню Марфу, получили от царя Михаила Федоровича жалован-

ные грамоты на льготы и угодья. Царь пожаловал «Ноугородского уезда, Обонежские пятины Выгозерского стану, Егорьевского погоста Толвуйского попа Ермолая Герасимова да сына его Исака», передав им в вотчину, т. е. в наследственную собственность, «дворцовую волостку в Петровском погосте в Челмужском», всего 10 вытей «со крестьяны и с рыбными ловищи и со всякими угодьи тех живущих и пустых вытей». Всего «поп Ермолай и сын его Исак» получили обширные земли около села Чёлмужи (более 11 тыс. га) и 12 рек для рыбной ловли. Другие крестьяне, помогавшие инокине Марфе в годы ее заточения, также не были забыты. Гаврила и Клим Гледуновы получили во владение деревню с землей и угодьями, Поздей, Томило и Степан Тарутины – две деревни, кижские крестьяне Сидоровы – тоже две деревни. Кроме того, все эти крестьяне освобождались от «въездов бояр, воевод и приказных людей» и от «всяких пошлин тягла и податей», т. е. становились обельными крестьянами. Пожалования распространялись не только на перечисленных крестьян, но и на их детей, внуков и «в их род вовеки неподвижно». Жалованные грамоты хранились в семьях обельных крестьян иногда на протяжении трех веков.

Вскоре Ермолай Герасимов с сыном Исаком были вызваны в Москву, где Ермолай был назначен ключарем кремлевского Архангельского собора, а его сын Исак Герасимов Ключарев стал подъячим Казанского дворца. Ермолай служил в должности ключаря до своей смерти в 1627 г.

Марфа Ивановна Романова умерла 26 января (5 февраля) 1631 г. и была погребена в усыпальнице Романовых в Новоспаском монастыре.

Факт пребывания Марфы Романовой в ссылке в Толвуде сохранился в исторической памяти населения Обонежья и Поморья. Около 1655 г. соловецкий книжник Сергей Шелонин записал в своем Хронографе сказание о ссылке семьи Ф.Н. Романова в Заонежье³. В сказании говорится, что Борис Годунов приказал сослать в Толвую Марфу Романову с сыном Михаилом (это неточность, Марфа была сослана в Толвую без детей). Там царь Борис «повеле пострици во иноческий образ» Марфу и «в темницы... гладом уморити». Ей каждый день давали только хлеб и воду. Но на помощь Марфе пришел местный священник Ермолай. Он приносил в темницу воду и, вступив в сговор с охранявшим Марфу «темничным стражем» по имени Иеремия, сделал в «сосуде» для воды перегородку, так, что в одной части сосуда была вода, а в другой – «пища... потребная». Завершается сказание фразой: «Сие же все бысть во 109 (1601) году»⁴. Как отмечал открывший и опубликовавший эту

рукопись О.В. Панченко, сказание основано на реальных событиях и исторически достоверно, за исключением сюжета о ссылке в Толвую юного Михаила Романова.

Фольклорную версию этого предания опубликовал Е.В. Барсов: «Царица Марфа Ивановна. Эта царица была сослана на Выг-озеро, в пределы Беломорские, в Чёлмужу, в Георгиевский погост. В народе рассказывают, что для житья ее велено было устроить бочку трехпокойную, чтобы в одном конце держать овес, в другом – воду, а в середине покой для самой царицы. А в этом Чёлмужском погосте был поп Ермолай – и сделал он турик с двумя днами, поверх наливал в него молоко, а в середине между днами передавал письма и гостинцы, посланные из Москвы. Тын и остатки ее жилья видны были до последнего времени. Поп Ермолай с восшествием на престол Михаила Федоровича вызван был в Москву и определен к одному из Московских соборов, а роду его дана обельная грамота, которая и поныне цела...»⁵.

В XVIII в. активно развивается иконография Марфы Романовой, восходящая, вероятно, к каким-то ее изображениям, сделанным в XVII в., может быть, даже прижизненным. В справочнике Д.А. Ровинского «Подробный словарь русских гравированных портретов» указано 8 достоверных гравюр с изображением Марфы Романовой, изготовленных в XVIII – начале XIX в.⁶ В фондах Архангельского музея изобразительных искусств хранится картина неизвестного художника XVIII в. «Великая старица Марфа Ивановна. Неизвестный художник»⁷.

У историков интерес к личности Марфы Романовой возникает уже во второй половине XVIII в. Долгое время ничего не было известно даже о происхождении Марфы. Только в конце XVIII в. церковный историк Ювеналий (Воейков) (1729–1807), живший в 1784–1807 гг. «на покое» в Новоспасском монастыре, на основе изучения вкладной книги Новоспасского монастыря доказал, что Марфа происходила из рода костромских дворян Шестовых⁸.

О ссылке М. Романовой в Заонежье упоминает Н.М. Карамзин в XI томе «Истории государства Российского» (впервые XI том был опубликован в 1824 г.). Н.М. Карамзин писал: «...супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфою, [сослали] в один из Заонежских погостов...»⁹.

Академик Н.Я. Озерецковский, побывавший в Заонежье летом 1785 г., привел в описании своего путешествия текст жалованной грамоты царя Михаила Федоровича «толвуйского погоста попу Ермолаю Герасимову да сыну ево Исаку» от 18 марта 1614 г., под-

твержденную в марте 1646 г. царем Алексеем Михайловичем и в апреле 1688 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей¹⁰. Книга Н.Я. Озерецковского была издана дважды, в 1792 и 1812 гг.

Первым краеведческим сочинением, посвященным заонежской ссылке Марфы Романовой, стала поэма Ф.Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», впервые опубликованная в 1830 г.¹¹ Ф.Н. Глинка отбывал ссылку в Петрозаводске в 1826–1830 гг. за участие в движении декабристов. Вероятно, создание этой поэмы было для него способом самореабилитации в глазах Николая I. Он как бы сравнивал судьбу невинно сосланной в Заонежье боярыни Марфы Романовой, далекой праматери царя Николая I, также сославшего в эти края поэта Ф.Н. Глинку. В этом отношении замысел Ф.Н. Глинки удался. После выхода поэмы в свет, весной 1830 г., Ф.Н. Глинка был переведен в ссылку в Тверь.

В годы ссылки он интересовался историей Олонецкого края, и его привлекала история ссылки в Заонежье Марфы Романовой. Возможно, что на эти сюжеты его натолкнули многочисленные публикации портретов инокини Марфы. Один такой портрет с надписью «Ксения, Мать и наставница Царя Михаила Феодоровича» был помещен в книге «Русские анекдоты военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданные Сергеем Глинкою»¹² (старшим братом Ф.Н. Глинки). Другой портрет с краткой биографической справкой был напечатан в начале 1820-х гг. в книге П.П. Бекетова «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учности, сочинениям, дарованиям или коих имена по чему другому сделались известными свету ... с приложением их кратких жизнеописаний»¹³. Этот портрет имел подпись «Ксения Иоанновна, супруга боярина Феодора Никитича Романова, потом во инокинях Марфа. Из собрания портретов, издаваемых Платоном Бекетовым». Известно, что этот альбом использовали как учебное пособие в гимназиях. Гравюры с портретами Марфы Романовой печатались и отдельными листами, вероятно, для продажи всем желающим. Один из таких эстампов первой трети XIX в. с такой же подписью, что и в сборнике С.Н. Глинки «Ксения, Мать и наставница Царя Михаила Феодоровича», хранится в Российской национальной библиотеке¹⁴.

В основе сюжета поэмы «Карелия» лежит описание ссылки М.И. Романовой в Толвую. Ф.Н. Глинка начинает поэму так:

Карельцы бродят боязливо
 У терема с большим крыльцом.
 Он, новый, выстроен красиво,
 И тын кругом его кольцом.
 Стрельцы с пищалями на страже.
 А кто ж под стражей? – Как узнать?..
 ...Она Романовых почтенныя семьи;
 Самоохотный царь их гонит без причины:
 Знать чернокнижник он! Знать Русь околдовал!..
 Весь род Романовых по ссылкам разослал;
 И Марфе Иоанновне пришлось у нас с кручины
 Свой век окоротать, тоскуя сиротой!¹⁵

К тексту поэмы Ф.Н. Глинка сделал краеведческие примечания. Одно из них посвящено описанию с. Толвуя, а точнее места, где находился терем Марфы Романовой: «Не имел возможности посетить лично те места, древней Заонежской пятины, где находилась в печальном заточении родоначальница Романовых, я просил одного из здешних чиновников (Мих.[аила] Алекс.[андровича] Ксил.[андра]), бывавшего в Толвуйской вотчине, описать мне, как он их видел. Нижеследующее сообщенное им сведение я помещаю без всякой перемены: “В 1827 году, в июне месяце, случайно проезжая через Толвуйский погост, я любопытствовал узнать о месте, на коем некогда стоял уединенный терем знаменитой страдалицы, царицы Марфы Иоанновны. Некоторые из старожилов удовлетворили несколько любопытству моему. Мне показали позади крестьянских строений, в прямой почти линии с церковью, ... небольшую площадку, огороженную тыном; внутренность оной поросла крапивою и репейником, но инде желтеются подсолнечники; всё, что уцелело от бывшего терема, есть фундамент, складенный из огромных камней булыжника, коего на берегах озера Онеги находится во множестве. Место, на коем стоял терем, несколько возвышенно; но, судя по пространству фундамента, жилище государыни русской не было обширно. Вид на север <...> Вдали – на горизонте – синеются берега Челмужской волости, где живут так называемые обельные крестьяне; влево, к северо-западу, виден остров, принадлежащий Палеостровскому монастырю...”»¹⁶.

К тексту поэмы «Карелия» были приложены тексты трех жалованных обельных грамот:

царя Михаила Федоровича крестьянам Егорьевского погоста, Толвуйской волости Вяжицкого монастыря Поздею, Томклу и Степану Петровым детям Торушиным с детьми Оксенкою, Дру-

жинкою, Левкою и Федкою от 18 марта 7121 г. за подписью дьяка Андрея Иванова, с подтверждениями царя Алексея Михайловича от 3 марта 7154 года за подписью дьяка Алмаза Иванова и от 3 апреля 7196 г. царей Петра и Иоанна Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны за подписью дьяка Емельяна Украинцова;

царя Михаила Федоровича крестьянам Егорьевского погоста Толвуйской волости Гаврилке и Климке Ереминым детям Глездуновым и их детям Авдюшке, Федьке и Наумке от 15 ноября 7130 г. за подписью дьяка Ивана Курбатова, с подтверждением царей Петра и Иоанна Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны от 18 октября 7195 г. за подписью дьяка Емельяна Украинцова;

царя Михаила Федоровича Выгозерского стану Егорьевского погоста толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову с сыном Исаком от 18 марта 7122 г. с подтверждением царей Алексея Михайловича от 1 марта 7154 г. и царей Петра и Иоанна Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны от 3 апреля 7196 г.

В примечаниях к поэме Ф.Н. Глинка писал: «Действительное участие здешних поселян (из русских и лопян) в судьбе сосланной к ним в заточение Марфы Ивановны видеть можно из прилагаемых у сего грамот под № 1-м, 2-м и 3-м. Сии, так называемые обельные грамоты, едва ли где были напечатаны. С великим рачением, как залог их счастья, хранятся сии грамоты у крестьян обельных в Олонецкой губернии. Чтоб укрыть письменные сокровища свои во всей оных подлинности, на случай пожаров, их сохраняют в железных ящиках или в глиняных сосудах в земле. При благодетельном посредстве бывшего гражданского губернатора Тим.[офея] Ефр.[емовича] Фан-дер-Флита¹⁷ крестьяне сами доставили мне сии грамоты и дозволили снять с них списки»¹⁸.

Поэма Ф.Н. Глинки «Карелия» была опубликована в конце января 1830 г. Вскоре на нее появилось несколько журнальных рецензий. Одну из них, в «Литературной газете» (№ 10 от 15 февраля), написал А.С. Пушкин. Великий поэт писал: «Из всех наших поэтов Ф.Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. <...> Поэма “Карелия” служит подкреплением сего мнения»¹⁹.

Уже в 1832 г. три жалованные грамоты, опубликованные Ф.Н. Глинкой в поэме «Карелия», были перепечатаны, а третья, крестьянам Глездуновым, пересказана в книге историка В.Н. Берха «Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междуцарствие»²⁰.

Поэма «Карелия» была переиздана в 1872 г.²¹ Неоднократно переиздавалась она и в советский период²², но без приложенных к тексту царских жалованных грамот.

Следующим этапом в изучении и осмыслении толвуйской ссылки Марфы Романовой стала научная публикация жалованных обельных грамот толвуйским крестьянам за помощь Марфе Романовой в годы ее ссылки в Толвую в «Актах Археографической экспедиции»:

«Обельная грамота крестьянам Вяжицкого монастыря Поздею и прочим, за оказанные ими услуги матери государевой инокине Марфе Ивановне» от 18 марта 1614 г., подтвержденная в 7156 (1646) г. царем Алексеем Михайловичем и в 7196 (1688) г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной²³;

«Жалованная царская грамота крестьянину Василию Сидорову, с детьми и племянниками, об освобождении его от всяких податей и налогов» от 6 декабря 1646 г., подтвержденная царями Федором и Петром Алексеевичами²⁴.

Это была первая научная публикация обельных грамот заонежским крестьянам за их помощь Марфе Романовой. Вероятно, грамоты были изучены участником Археографической экспедиции 1829–1830 гг. Я.И. Березниковым во время его пребывания в Петрозаводске в мае 1834 г.²⁵

В первой грамоте льготы предоставлялись крестьянам Егорьевской волости Толвуйского погоста Поздею, Томиле и Степану Петровым детям Та(о)рутинным и их детям Оксенке, Дружинке, Левке и Федке. Грамоту подписал дьяк Ондрей Иванов. К ее тексту имеется небольшой археографический комментарий: «Подлинник принадлежит крестьянам Петрозаводского уезда Толвуйской волости; писан на большом листе, с красновосковою на малиновом шелковом шнурке государственною печатью. На обороте вверху: Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии (рукою дьяка Ан. Иванова)». Грамота была подтверждена царем Алексеем Михайловичем в 1646 г. и царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей в 1688 г.

Вторая грамота предоставляла льготы крестьянам Спасского Кижского погоста, Сенногубской волости Васке Сидорову, его детям и племянникам на основе жалованной обельной грамоты 6125 (1617) г. «Васкиному отцу и дядьям», крестьянам Спасского Кижского погоста Микитке Андрееву и Сидорке Иванову «с детми» и Морозке Еремееву. В данной грамоте дается развернутая характеристика заслуг этих крестьян перед Домом Романовых: «А пожалованы они за то: как при Борисе Годунове, при его самоохотной державе, злокозненным его умыслом, наша Великого Государя бабка, Великая государыня старица инока Марфа Ивановна, сослана

была за опалу в Новгородский уезд, в Обонежскую пятину, в Егорьевский погост, и их Васкина тетка Наталья и отец и дядья Микитка да Морозко да Сидорко с детми, памятуя Бога и душу свою и житие православного Христианства, нашего Великого Государя бабке Великой Государыни иноке Марфе Ивановне служили и во всем доброхотствовали...».

Показательно, что в этой грамоте упоминается некая Наталья. Это единственный случай упоминания женщины во всех обельных грамотах, связанных с заонежской ссылкой Марфы Романовой.

Эта грамота была подтверждена царем Федором Алексеевичем и Петром I. Особенно интересно подтверждение Петра I, состоящее из трех слов «Подтверждаю сие. Петр», и примечания «Сие подтверждение учинено на Петровских заводах, февраля 26 дня 1719 г.».

К тексту грамоты имеется небольшой археографический комментарий: «Сия грамота (в списке) хранится Петрозаводского уезда, Сенногубской волости, в приходской церкви. Сверено с другим списком, найденным в архиве Петрозаводского уездного суда».

Новая группа жалованных обельных грамот заонежанам была напечатана в 1841 г. в «Актах исторических»:

«Обельная грамота Толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову с сыном Исаком, на дворцовую волостку, в награду за оказанные ими услуги матери Государевой инокине Марфе Ивановне» от 18 марта 1614 г., подтвержденная в 7154 (1646) г. царем Алексеем Михайловичем и в 7196 (1688) г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной²⁶;

«Царская грамота крестьянам Толвуйской волости Гаврилу и Климу Глездуновым, в подтверждение прежней обельной грамоты, данной им за услуги, оказанные матери Государевой инокине Марфе Иоанновне» от 15 ноября 1622 г., подтвержденная в 1687 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной²⁷;

«Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челмужском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марфе Ивановне» от 1 января 1628 г., подтвержденная в 1646 г. царем Алексеем Михайловичем и в 1687 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной²⁸.

Грамота толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову и ему сыну Исаку также является одной из наиболее ранних в своей группе. Этим подчеркивается роль Ермолая и Исака в оказании помощи Марфе в период ее ссылки в Толвую.

К этой грамоте есть археографический комментарий: «Подлинник, хранящийся у потомков священника Герасимова, в Олонецкой губернии, писан на большом листе, с красновосковою государственною печатью на пунцовом шелковом полинявшем шнурке. – На обороте: “Царь и Великий князь Михайла Федорович, всеа Руси”».

Грамота была подтверждена в 1646 г. царем Алексеем Михайловичем и в 1688 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной. В 1688 г. грамоту для подтверждения представили «Петрушка да Федка Исаковы дети Ключаревы с братьями» (их дед Ермолай Герасимов был ключарем Архангельского собора Московского Кремля).

Грамота 1622 г. содержала пожалования крестьянам Егорьевского погоста Толвуйской волости Гаврилке и Климке Ереминым детям Глездуновым и их детям Ондриюшке, Федотке и Наумке. Они уже получили грамоту в 1617 г., но при составлении писцовой книги в 129 (1621) г. писец Петр Воейков и дьяк Иван Льговский отрезали у них часть земель, и Глездуновым пришлось вновь обращаться в Кремль.

К грамоте 1622 г. имеется небольшое археографическое описание: «Подлинник, хранящийся у потомков крестьянина Глездунова, в Олонецкой губернии, писан на большом листе. Внизу привешена, на пунцовом шелковом шнурке, красновосковая государственная печать. На обороте наверху: Царь и Великий князь Михайло Федорович всеа Русии».

Грамота 1622 г. была подтверждена в 1687 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей Алексеевной. В 1687 г. грамоту для подтверждения представили Стенка, Малафейка и Ларка Глездуновы с братьями.

Грамота 1628 г. Исаку Герасимову (его отец Ермолай к тому времени, вероятно, уже скончался) также появилась после жалобы Исака на писца Петра Воейкова и дьяка Третьяка Копнина, которые при составлении писцовой книги отрезали в 1621 г. часть пожалованных по грамоте 1614 г. Ермолаю и Исаку Герасимовым земель.

Археографический комментарий к этой грамоте гласил: «Подлинник, хранящийся у потомков священника Герасимова, в Олонецкой губернии, писан на трех больших листках, со скрепой по склейкам: “Диак Баим Болтин”. Внизу привешена, на пунцовом шелковом шнурке, красновосковая государственная печать. На обороте вверху: “Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии Самодержец”. Внизу: “Справил Кондрашко Иванов”».

Таким образом, научная публикация в 1836 и 1841 гг. в изданиях Археографической комиссии пяти жалованных обельных грамот жителям Заонежья за помощь, оказанную ими Марфе Романовой, создала хорошую основу для научного и краеведческого изучения ссылки Марфы Романовой в Толвую.

С конца 1830-х гг. сведения о толвуйской ссылке Марфы Романовой и об обельных крестьянах стали появляться в краеведческих изданиях Олонецкой губернии²⁹.

В 1838 г. в Петрозаводске стала выходить газета «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ), и вскоре там стали публиковаться краеведческие материалы о ссылке Марфы Романовой в Толвую в начале XVII в. Создатель газеты ОГВ петербургский чиновник и друг поэта М.Ю. Лермонтова С.А. Раевский, сосланный в Петрозаводск за распространение стихотворения «Смерть поэта»³⁰, уже в одном из первых номеров писал, что в Археографическую комиссию для публикации отправлено несколько «обельных грамот, данных крестьянам», в том числе грамоты «Толвуйской вотчины Егорьевского погоста крестьян Тарутиных 1614 года» и «Сенногубской волости Кижского погоста крестьянина Василья Сидорова 1646 года», выданные им «за услуги матери царя Михаила»³¹.

Преемником С.А. Раевского по редактированию ОГВ стал А.И. Иванов (1820–1890)³². Это был талантливый и трудолюбивый краевед, но самоучка, не окончивший даже гимназии, и к тому же чиновник николаевской закалки. В 1841 г. А.И. Иванов в статье «Обельные грамоты» сделал первый обзор обельных грамот, хранившихся у крестьян Олонецкой губернии³³. Он приводит интересные сведения о том, что помнили жители Олонецкой губернии о ссылке Марфы Романовой: «В Олонецкой губернии сохранились предания о царице инокине Марфе Иоанновне, матери царя Михаила Федоровича Романова, которая была заточена Борисом Годуновым в Толвуйскую волость, в Егорьевский погост, и теперь еще показывают огромный камень, который лежит на месте терема благочестивой изгнанницы. Крестьяне здешние во времена заточения Марфы Иоанновны служили ей постоянно, доставляли все нужное, ездили в Москву, обо всем проводывали и ее извещали...».

В статье перечислены четыре обельные грамоты:

«Грамота дана Михаилом Феодоровичем Романовым 18 марта 1614 года Обонежской пятины Выгозерского стана, Толвуйского погоста попу Ермолаю Герасимову и сыну его Исааку»;

«Крестьянам Обонежской пятины, Егорьевского погоста, Толвуйской волости Гаврилу и Климу Еремеевым, дана грамота в 1622 году Михаилом Феодоровичем»;

«Крестьянам Обонежской пятины, Егорьевского погоста, Толвуйской волости, Вяжицкого монастыря Тарутиным дана грамота Михаилом Федоровичем в 1614 году»;

«Крестьянину из Заонежья, Спасского Кижского погоста, Сеногубской волости Василью Сидорову дана грамота в 1646 году Алексеем Михайловичем в подтверждение грамоты, данной от Михаила Федоровича предкам Сидорова».

В 1841–1842 гг. в ОГВ были напечатаны обельные грамоты Михаила Федоровича от 18 марта 1646 г. «Новгородского уезду Обонежской пятины, Егорьевского погоста Толвуйской волости Вяжицкого монастыря крестьянам Поздею, да Томиле, да Степану Петровым детям Тарутиным, с детьми с Оксятом, да Дружинкою, да Левке, да Федыкою»³⁴, грамота Глездуновым 1622 г.³⁵ и грамота Сенногубским крестьянам³⁶.

В 1852 г. вышел в свет альбом Г.К. Фридебурга «Российский царственный дом Романовых», в котором были помещены цветные портреты и краткие биографические статьи о каждом представителе династии Романовых. Один из разделов альбома содержал портрет Марфы Романовой и ее краткую биографию³⁷. Газета ОГВ поместила заметку о выходе этого альбома, причем было особо отмечено, что в это издание включены «биография государыни-старницы Марфы Иоанновны, родительницы царя Михаила Феодоровича» и портрет «инокини Марфы Иоанновны»³⁸. Тогда же редакция ОГВ напечатала пересказ этой биографии Марфы Романовой из альбома Г.К. Фридебурга³⁹, заимствованной из «Журнала министерства народного просвещения»⁴⁰ (ЖМНП). В завершение заметки приведено мнение рецензента из ЖМНП о портрете Марфы из альбома Г.К. Фридебурга: «Портрет инокини, к биографии ее приложенный, исполнен превосходно, и всякий, кто видел в Эрмитаже подлинник, согласится с нами, что лучшей копии нельзя и желать». Здесь имеется в виду портрет инокини Марфы Романовой, написанный неизвестным художником в 1771 г.⁴¹, хранившийся в Романовской галерее Зимнего дворца⁴².

В 1856 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости» были напечатаны:

«Грамота государя императора Петра Великого обельному вотчиннику Ключареву (7204–1696 г.)»⁴³;

«Обельная грамота царя Михаила Федоровича толвуйскому попу Ермолаю и сыну его Исаку (7122–1614 г.)»⁴⁴;

«Обельная грамота царя Михаила Федоровича Исаку Ермолаеву (7136–1628 г.)»⁴⁵ (№ 16 от 28 апреля).

Вторая и третья грамоты перепечатаны по копиям обельных грамот, хранившихся в Олонецком губернском правлении⁴⁶, с этих

же копии грамоты были напечатаны в «Актах исторических», и, вероятно, публикация в ОГВ была сверена с публикацией в «Актах», но газетные перепечатки не содержат никаких комментариев и указания на источник, откуда заимствованы тексты этих грамот.

Наибольший интерес представляет первая грамота, датированная 28 марта 1696 г. Она представляет собой указ царя Петра олонецкому воеводе и стольнику В.Н. Зотову о судьбе спорных земельных угодий и «рыбных ловель» в Челможском Петровском погосте, ставших объектом тяжбы между Палеостровским монастырем и потомком толвуйского «попа», а затем ключаря Архангельского собора в Кремле Ермолая Герасимова и его сына, подьячего Казанского дворца Исака Ермолаева, неким Ганкой (вероятно, уменьшительное от Гаврилы. – А. П.) Ключаревым.

В конце опубликованного текста указа имеется приписка публикатора: «(При начале грамоты на обороте писано) ЗСД (7204 или 1696. – А. П.) году апреля в Л (30. – А. П.) день подал Великого государя грамоту обелней Гаврилка Ключарев».

Вероятно, данная грамота хранилась либо в архиве какого-либо губернского учреждения, либо у потомков Гаврилы Ключарева и была опубликована по оригиналу. Публикация в 1856 г. в газете «Олонекские губернские ведомости» трех обельных грамот имела значение как опыт краеведческой археографии.

Таким образом, к середине 1850-х гг. был выявлен круг источников, позволяющий создавать на их основе научные и краеведческие исследования о ссылке Марфы Романовой в Заонежье. Дополнительным стимулом для этого стала подготовка реформы по отмене крепостного права, которая потребовала изучения статуса обельных крестьян Олонецкой губернии. С этим связано и появление двух новых исследований об обельных крестьянах: статей краеведа А.И. Иванова «Обельные вотчинники и обельные крестьяне Олонецкой губернии»⁴⁷ и петербургского чиновника В.И. Вешнякова «Белопашцы и обельные вотчинники и крестьяне»⁴⁸.

Итак, в первые годы правления царя Михаила Федоровича им были выданы четыре жалованные обельные грамоты 12 крестьянам Заонежья (Ермолай Герасимов, вероятно, тоже был крестьянином, но был избран односельчанами на должность священника) за ту помощь, которую они оказали Марфе Ивановне Романовой, сосланной в Толвую. Этот факт говорит о том, что Марфа Романова действительно пользовалась симпатиями заонежан, а также о том, что ссылка продолжалась достаточно долго, вероятно, с конца 1601 до середины 1605 г. Тот факт, что заслуги заонежских крестьян перед новой династией были закреплены юридически, сделало ссылку Марфы Рома-

новой в Толвую одним из ключевых событий в исторической памяти жителей Заонежья. Это проявилось и в исторических преданиях, и в рукописных сочинениях местных книжников, и даже в иконописи. С XVII в. основными подтверждающими это событие документами были жалованные обельные грамоты, регулярно подтверждавшиеся царями династии Романовых, вплоть до Петра I. Со второй половины XVIII в. память о пребывании Марфы в Заонежье стала подпитываться как сочинениями историков (М.М. Щербатов и др.), так и появлением многочисленных портретов Марфы. В первой половине XIX в. ссылка Марфы вдохновила поэта Ф.Н. Глинку на создание поэмы «Карелия». Уже с конца 1830-х гг. сюжеты, связанные с пребыванием Марфы Романовой в Заонежье, стали составной частью краеведческих описаний Олонецкой губернии. Новый импульс к изучению и осмыслению толвуйской ссылки Марфы Романовой дала публикация в авторитетных изданиях Археографической комиссии жалованных грамот заонежанам, выданных первыми Романовыми. Материалы об этой ссылке печатала выходившая с 1838 г. газета «Олонецкие губернские ведомости». Новый подъем интереса к этому сюжету наблюдался с середины 1850-х гг. в связи с подготовкой крестьянской реформы.

Таким образом, к 1861 г. ссылка Марфы Романовой в Заонежье стала одним из ключевых событий в исторической памяти жителей Олонецкой губернии, особенно Заонежья, в силу как значимости этого события (в ссылку попала мать первого царя династии Романовых и местные жители помогли ей там выжить), так и наличия документов, его подтверждавших (царских жалованных обельных грамот). Кроме того, данный сюжет укладывался в официальную монархическую идеологию, поэтому его популяризация поддерживалась властями.

Определенные успехи, достигнутые российскими историками и археографами, а также краеведами Олонецкой губернии, в изучении ссылки Марфы Романовой в Заонежье, стали основой изучения этого сюжета, которое продолжилось во второй половине XIX – начале XX в.

Примечания

¹ Биография М.И. Романовой дается по: *Морозова Л.Е.* Великая государыня старица Марфа // Преподование истории в школе. 2000. № 4. С. 30–35; *Она же.* Великая государыня старица // Морозова Л.Е., Демкин А.В. Дворцовые тайны. Царицы и царевны XVII века. М., 2004. С. 129–183.

- ² Морозова Л.Е. Великая государыня старица Марфа. С. 31. См. также: Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2010. С. 24.
- ³ Панченко О.В. Легендарное сказание о ссылке семьи Ф.Н. Романова в Заонежье в Соловецком хронографе XVII века // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск, 2011. С. 447–449.
- ⁴ Сказание о ссылке семьи Ф.Н. Романова в Заонежье в Хронографе Сергия Шелонина / Публ. О.В. Панченко // Рябининские чтения – 2011. С. 449.
- ⁵ Барсов Е.В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2. № 9. С. 411.
- ⁶ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. Е–О. СПб., 1887. С. 1138–1139.
- ⁷ См. изображение: Великая старица Марфа Ивановна. Неизвестный художник. XVIII в. Из собрания Архангельского музея изобразительных искусств [Электронный ресурс] // Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы». URL: <http://kizhi.karelia.ru/media/thumbs/info/5a/e1/marfa003.jpg> (дата обращения: 30.01.2014).
- ⁸ Ювеналий (Воейков). Краткое описание о происшествии знаменитого рода Юрьевых-Романовых и жизни великого государя Филарета Никитича, патриарха Московского и всея России. М., 1798. С. 39–40.
- ⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9–12. М., 1989. С. 60–61 [репринт издания: СПб., 1843].
- ¹⁰ Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 178–181 (1-е изд.: СПб., 1792).
- ¹¹ Глинка Ф.Н. Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в 4-х частях. СПб., 1830.
- ¹² Глинка С.Н. Русские анекдоты военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданные Сергеем Глинкою. М., 1822. Ч. 5. С. 104.
- ¹³ Ксения Иоанновна // Бекетов П.П. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям или коих имена по чему другому сделались известными свету... с приложением их кратких жизнеописаний / Издано П. Бекетовым. Ч. 1. М., 1821 (1822). С. 57–59.
- ¹⁴ Ксения: [Эстамп] / Неизвестный гравер. Первая треть XIX в. 1 л.: Гравюра пунктиром; 8х6,5; 12,8х8,8; 17,5х11,2 см. Хранится в Российской национальной библиотеке [Электронный ресурс] // Электронный фонд Российской национальной библиотеки. URL: <http://leb.nlg.ru/edoc/395198/Ксения> (дата обращения: 30.01.2014).
- ¹⁵ См.: Глинка Ф.Н. Карелия // Глинка Ф.Н. Избранное. Петрозаводск, 1949. С. 262–263; *Он же*. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова. Л., 1957. С. 348–349 (или любое другое издание).
- ¹⁶ Там же. С. 317–318.

- ¹⁷ Фан-дер-Флит Тимофей Ефремович (1775–1843) – гражданский губернатор Олонецкой губернии с октября 1825 по сентябрь 1827 г.
- ¹⁸ См.: *Глинка Ф.Н.* Карелия. С. 312; *Он же.* Избранные произведения. С. 398–399 (или любое другое издание).
- ¹⁹ *Пушкин А.С.* Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1948. Т. 10. С. 110. См. также: «Литературная газета» А.С. Пушкина и А.А. Дельвига. 1830 год. М., 1988. № 1–13. С. 142.
- ²⁰ См.: Грамота обельная царя Михаила Феодоровича Новгородского уезда Обонежской пятины Толвуйской волости крестьянам // Берх В.Н. Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междоусобицу. Ч. 2. СПб., 1832. С. 204–208; Жалованная грамота царя Михаила Феодоровича Обонежской пятины Выгозерского стана Егорьевского погоста Толвуйскому попу Ермолаю Герасимову // Там же. С. 208–210.
- ²¹ *Глинка Ф.Н.* Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях. М., 1872.
- ²² См.: *Глинка Ф.Н.* Карелия. Описательное стихотворение в 4-х частях / Вступ. ст. и ред. В.Г. Базанова. Петрозаводск, 1938; *Он же.* Карелия. С. 256–318; *Он же.* Карелия или заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение // Он же. Избранные произведения. С. 343–404; *Он же.* Карелия. Описательное стихотворение в 4-х частях / Послел. В.Г. Базанова. Петрозаводск, 1980.
- ²³ Обельная грамота крестьянам Вяжицкого монастыря Поздею и прочим, за оказанные ими услуги матери государевой инокине Марфе Ивановне // Акты Археографической экспедиции. Т. 3. СПб., 1836. С. 68–69.
- ²⁴ Жалованная царская грамота крестьянину Василию Сидорову, с детьми и племянниками, об освобождении его от всяких податей и налогов // Там же. Т. 4. С. 11–13.
- ²⁵ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 269.
- ²⁶ Обельная грамота Толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову с сыном Исаком, на дворцовую волостку, в награду за оказанные ими услуги матери Государевой инокине Марфе Ивановне // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. 1613–1645. С. 9–11.
- ²⁷ Царская грамота крестьянам Толвуйской волости Гаврилу и Климу Глездуновым, в подтверждение прежней обельной грамоты, данной им за услуги, оказанные матери Государевой инокине Марфе Иоанновне // Там же. С. 147–149.
- ²⁸ Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челмужском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марфе Ивановне // Там же. С. 245–249.
- ²⁹ См.: *Бергштрессер К.Ф.* Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 42–43; *Дашков В.А.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842, и др.
- ³⁰ О петрозаводской ссылке С.А. Раевского см.: *Пашков А.М.* Друг М.Ю. Лермонтова в Петрозаводске // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 88–102.

- ³¹ *Раевский С.А.* Поместные жалованные грамоты Новгородских митрополитов в XVII столетии // Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1838. № 30 (от 30 июня).
- ³² Биографические сведения об А.И. Иванове см.: *Благовещенский И.И.* Александр Иванович Иванов (биография) // Там же. 1890. № 14 (от 21 февраля); *Воронцов А.П.* Иванов Александр Иванович // Русский биографический словарь. Том «Ибак-Ключарев». СПб., 1897. С. 14–15.
- ³³ *Иванов А.И.* Обельные грамоты // ОГВ. 1841. № 8, 10 (от 22 февраля и 8 марта). В конце статьи имеются подпись «Редакц[ия]» и помета: «Петрозаводск, 1840».
- ³⁴ Обельная грамота // Там же. № 17 (от 26 апреля).
- ³⁵ ОГВ. 1842. № 20 (от 17 мая).
- ³⁶ Там же. № 42 (от 15 октября).
- ³⁷ Великая государыня старица Марфа, урожденная Ксения Иоанновна Шестова, супруга боярина Феодора Никитича Романова-Юрьева-Захарына, мать царя и великого князя Михаила Федоровича // Российский царственный дом Романовых. Тетр. 1. СПб.: Издание Г.К. Фридебурга, 1852. Паг. 3. С. 1–9.
- ³⁸ Новое издание. Российский царственный Дом Романовых // ОГВ. 1853. № 7 (от 19 февраля).
- ³⁹ Царица-инокиня Марфа Иоанновна // Там же. № 7–8 (от 19 и 26 февраля).
- ⁴⁰ [Рец. на кн.:] Российский царственный Дом Романовых. Издание Г.К. Фридебурга // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Ч. 77. Отд. 6. С. 1–14 (подпись: А. Л.).
- ⁴¹ См.: Неизвестный художник. Портрет инокини Марфы (Ксения Ивановна Шестова). Холст, масло. 1771 год [Электронный ресурс] // Wikimedia commons. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Xenia_Romanova.jpg?uselang=ru (дата обращения: 02.02.2014).
- ⁴² Романовская галерея Зимнего дворца была создана при Екатерине II, там были собраны портреты российских государей и членов их семей, ликвидирована в 1918 г.
- ⁴³ Грамота государя императора Петра Великого обельному вотчиннику Ключареву (1720–1696 г.) // ОГВ. 1856. № 12 (от 24 марта).
- ⁴⁴ Обельная грамота царя Михаила Федоровича толвуйскому попу Ермолаю и сыну его Исаку (1712–1614 г.) // Там же. № 15 (от 14 апреля).
- ⁴⁵ Обельная грамота царя Михаила Федоровича Исаку Ермолаеву (1713–1628 г.) // Там же. № 16 (от 28 апреля).
- ⁴⁶ *Иванов А.И.* Обельные вотчинники и обельные крестьяне Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. Петрозаводск, 1858. Паг. 3. С. 205.
- ⁴⁷ Там же. С. 203–215 (в конце текста имеется приписка: Петрозаводск, 1857 г.).
- ⁴⁸ *Вешняков В.И.* Белопашцы и обельные вотчинники и крестьяне // Журнал министерства государственных имуществ. 1859. № 4. С. 105–114; № 5. С. 143–157.

А.С. Сироткин

ЧУМА В МОСКВЕ В 1770–1772 гг. И САНИТАРНЫЕ МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И МОСКОВСКИХ ВЛАСТЕЙ

Статья посвящена изучению санитарных мер, принимавшихся московской и центральной властью для борьбы с эпидемией чумы 1770–1772 гг. В статье раскрывается тема влияния санитарных мер на процесс благоустройства Москвы и жизнь горожан во второй половине XVIII в. Автор рассматривает вопросы практической реализации принимавшихся решений, степени эффективности взаимодействия управленческих структур и персональной роли государственных чиновников в ликвидации эпидемии.

Ключевые слова: Москва, чума, санитарные меры, правительственные учреждения, нечистоты, благоустройство.

В 1770–1772 гг. Москва была охвачена эпидемией чумы. Москвичи уже сталкивались с чумой в 1654 г., однако эпидемия начала 1770-х гг. имела более тяжелые последствия. Главной заботой московских властей стала борьба с болезнью.

В данной работе санитарные мероприятия в Москве рассматриваются с точки зрения их влияния на благоустройство города и жизнь горожан. Тема эта уже разрабатывалась исследователями, однако отдельные вопросы требуют дополнения и уточнения. Прежде всего, это касается анализа работы государственных учреждений в охваченной мором Москве, степени эффективности принимаемых мер и персональной роли государственных чиновников в борьбе с чумой. Нами был привлечен широкий круг источников и проведена их комплексная интерпретация. Особого внимания заслуживают материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Мы исследовали не изученные ранее документы из фонда 263, где собраны дела V московского департамента Сената и фонда 1183 Московской Синодальной конторы.

Начало изучению противочумных мер положили московские врачи, принимавшие участие в борьбе с болезнью. Основополагающий труд по истории московской чумной эпидемии вышел уже в 1775 г. за авторством члена Комиссии для предохранения и врачевания от моровой язвы доктора А.Ф. Шафонского¹. В нем содержится подробная информация о мерах, предпринятых правительством для прекращения чумы. В приложении приведены все «для прекращения оной тогда установленные учреждения», т. е. прежде всего инструкции докторов и распоряжения властей. Подробное описание чумы и мер борьбы с ней есть в работах врача Д.С. Самойловича², который добровольно выразил желание оказывать помощь властям в деле спасения города от эпидемии. О противоэпидемических мероприятиях писал врач московского Воспитательного дома К. Мертенс³.

Со второй половины XIX в. изучение эпидемии 1771–1772 гг. в целом и санитарных мероприятий правительства в частности было подкреплено изданием новых источников в исторических журналах «Русский архив» и «Русская старина», в число которых вошла и переписка Екатерины II с П.С. Салтыковым, П.Д. Еропкиным, М.Н. Волконским.

Приоритетное внимание в историографии уделялось выявлению причин, по которым эпидемия приобрела столь угрожающие масштабы, и оценке работы администраторов, отвечавших за борьбу с эпидемией. Используя новые источники, С.М. Соловьев в статье об эпидемии чумы 1771 г. в Москве оправдывает неумелые действия генерал-губернатора П.С. Салтыкова тем, что он не располагал достаточными ресурсами для борьбы с болезнью⁴. В книге В.В. Нечаева явно принижается роль посланного в Москву Г.Г. Орлова⁵. Исследователь отдает дань его энергии и административным способностям, но в то же время считает, что «его диктаторское выступление было одним из тех ненужных эффектов, которыми так обильно екатерининское царствование»⁶. В статье С.Е. Молоденкова⁷ дается схожая оценка деятельности графа. По его мнению, Г.Г. Орлов «конечно, никаких особенных мер принять не мог, так как все меры были уже приняты»⁸. Плодотворность усилий П.Д. Еропкина не вызывает столь разноречивых оценок, однако В.В. Нечаев ставит ему в вину нерешительность при подавлении чумного бунта⁹.

В советской исторической науке основное внимание уделялось изучению не санитарных мероприятий, а социальных последствий эпидемии, главным из которых стал чумной бунт в сентябре 1771 г. В связи с этим распоряжения властей после приезда в город графа

Г.Г. Орлова рассматривались как ответ на народное выступление¹⁰.

Современные российские исследователи в своих публикациях подчеркивают значимость вклада московских врачей в борьбу с эпидемией¹¹. Отдельно следует отметить роль А.В. Ковальчука в переоценке значения места рабочих в событиях 1771 г.¹²

Что касается источников, то все важнейшие распоряжения по борьбе с болезнью были изданы по итогам работы Комиссии для предохранения и врачевания от моровой язвы еще в XVIII в. В распоряжении исследователей имеются и свидетельства современников трагических событий. Однако для данного исследования опубликованных материалов оказалось недостаточно. Для того, чтобы проследить, как на практике проводились противоэпидемические и санитарные мероприятия, нами были привлечены новые архивные источники. Контроль над мероприятиями, проводимыми силами местных и центральных учреждений, осуществлял V департамент Сената. Из дел фонда 263 в РГАДА мы можем узнать об устройстве больниц, карантинных домов, об организации общественных работ, снабжении населения продовольствием и медикаментами, сборе информации о числе больных и умерших. Здесь же отложились и сведения об учреждении и деятельности комиссий «предохранительной», следственной по делу о «чумном бунте». Особый интерес представляют выпадавшие из поля зрения исследователей донесения центральных и местных учреждений Москвы о получении и исполнении указов по борьбе с эпидемией. Большую роль в противодействии чуме сыграли Московская полицмейстерская канцелярия, Медицинская контора, лично П.Д. Еропкин и Г.Г. Орлов.

Особая роль как в распространении, так и в ликвидации очагов чумы принадлежала церкви, точнее, системе церковного управления старой столицы. Синодальными учреждениями Москвы ведала Московская контора Синода. Вместе с митрополитом она являлась одним из звеньев в централизованном бюрократическом аппарате. Для анализа деятельности этого ведомства нами были выявлены не исследованные ранее документы фонда 1183 в РГАДА об исполнении распоряжений вышестоящих учреждений и московского начальства. Проанализированные нами новые архивные материалы позволяют судить, в какой степени правительству удавалось взаимодействие всех структур власти, столь необходимое в экстремальных условиях Москвы 1771 г.

Переписка императрицы с московскими главнокомандующими свидетельствует о том, что она внимательно следила за событиями, происходившими в городе, и достаточно оперативно на них реаги-

рвала. В то же время быстрое распространение эпидемии указывает на просчеты верховной власти. С самого начала императрица слишком доверилась успокаивающим донесениям П.С. Салтыкова. В письме от 22 февраля 1771 г. Екатерина отвечает фельдмаршалу: «С удовольствием уведомились мы, <...> что вся опасность от заразной болезни в Москве миновалась». Уточним, что это было написано в то время, когда на Большом Сукольном дворе десятками умирали фабричные. Кроме того, императрица вслед за некоторыми иностранными докторами во главе с начальствующим над московскими врачами штат-физиком Риндером отказывалась верить, что новая болезнь – действительно моровая язва. В мае 1771 г. в письме к своей подруге госпоже А.Д. Бьельке Екатерина восклицает: «Не изуверы ли те, которые видят чуму там, где ее вовсе нет?»¹³ Надо отдать должное императрице в том, что она вопреки собственной точке зрения требует принять такие меры, которые обычно использовались именно против чумных эпидемий. Меры эти, однако, натолкнулись на препятствия в лице московских сенаторов во главе с П.С. Салтыковым. Престарелый фельдмаршал изыскивал способы отказа от решительных действий.

Среди врачей не было единой точки зрения по поводу того, кто именно занес чуму в Москву, однако происхождение ее было для всех очевидно. В 1770 г. болезнь появилась в частях действующей против турецких войск русской армии. Эпидемия быстро распространилась по городам Малороссии и Польши. 19 сентября 1770 г. Екатерина повелела П.С. Салтыкову учредить заставу в Серпухове, чтобы обезопасить Москву¹⁴. 14 ноября последовало указание императрицы об осмотре всех едущих из зараженных мест, обеззараживании их вещей и содержании людей в карантине. На практике этих распоряжений оказалось недостаточно, так как носители заболевания могли приехать в город по другим дорогам. Власти не информировали население о надвигающейся угрозе.

В основном меры, которые принимали врачи для прекращения эпидемий в XVIII в., сводились к обеззараживанию и дезинфекции. Доктора предписывали окуривать зараженные помещения можжевельником, вымачивать деньги в уксусе. Залогом успешной борьбы с эпидемией считалось создание карантинных.

В декабре 1770 г. чума проникла в военный госпиталь на Введенских горах. Главный врач госпиталя Афанасий Шафонский сразу же признал у заболевших служителей моровую язву. Врачи, собравшиеся на совещание в Медицинскую контору, потребовали изолировать больницу, а для заболевших служителей выделить отдельные покои. Сообщение служителей с остальными пациентами

было прервано. Изоляция госпиталя продолжалась до марта 1771 г. 22 из 27 заболевших умерли. В итоге чума от служителей не передавалась ни одному больному.

В марте городские власти узнали об эпидемии на Большом суконном дворе, где с начала года умерло 130 человек¹⁵. После того, как посланный туда в сопровождении полицейского чиновника доктор К.О. Ягельский свидетельствовал, что среди рабочих мануфактуры многие больны моровой язвой, у губернатора не осталось никаких иллюзий. Под его руководством принимаются необходимые меры предосторожности. Двор фабрики был окурен можжевельником, а затем заперт и оставлен с растворенными окнами. Подземные выходы со двора к Москве-реке заложили. Умерших людей вывозили в поле и закапывали в глубокой яме¹⁶. Всех работников вывели за город, при этом больные выводились в чумную больницу в Николю-Угрешском монастыре, а здоровые – в карантин в пустовавшие фабрики в Мещанской слободе и в Каменщиках на Таганке¹⁷.

Медицинская комиссия преобразовывается в Медицинский совет, отвечающий за все противочумные мероприятия. В совет вошли доктора А. Шафонский, К. Ягельский, врачи Московского университета и ряд уволенных со службы специалистов¹⁸. Здесь сразу возникли разногласия по поводу характера начавшейся эпидемии. Некоторые его члены разделяли точку зрения доктора Риндера о том, что это не чума, а обычная перевалка (род тифа). Совет организовал мероприятия по розыску рабочих суконного двора, проживавших в Москве на съемных квартирах. Предполагалось вывести их в карантин при Покровском, Симонове и Данилове монастырях. Карантинные дома вообще были трех видов: для проживавших вместе с заразившимися людей, для выздоравливающих и для приезжих¹⁹.

В марте 1771 г. императрица, не надеясь на распорядительность престарелого П.С. Салтыкова, передала все полномочия по борьбе с чумой генерал-поручику П.Д. Еропкину. В этом вопросе ему подчинялась московская администрация. Он должен был сформировать П.С. Салтыкова о своих действиях. П.Д. Еропкин сформировал во всех 14 частях города санитарные отряды во главе с частными смотрителями. В состав таких отрядов входили врачи и чиновники из присутственных мест. Горожане должны были информировать на съезде двора обо всех заболеваниях, чтобы иметь сведения о числе умирающих²⁰. Если врачи приходили к выводу, что у больного моровая язва, его отправляли в больницу, а родственников переводили в карантин. В случае смерти человека менее чем через четыре дня после начала заболевания его смерть признавалась

«сумнительной» и родственников так же отправляли в карантин. Торговые бани запечатали. Из 18 застав Камер-коллежского вала оставили открытыми для проезда только 7 важнейших (Калужская, Серпуховская, Рогожская, Преображенская, Троицкая, Тверская, Дорогомилловская). По главным дорогам на небольшом расстоянии от Москвы учреждались новые заставы. Выезжавших из города обязывали получить именное свидетельство от П.Д. Еропкина²¹.

Московские власти стремились не допустить развития эпидемии среди нищих, чтобы от них не заражались другие городские жители. В ведомстве Коллегии экономии в Москве состояло 38 богаделен с 1380 нищими. Для удобства управления их разделили на 6 частей во главе с обер-офицерами. Офицеры должны были очищать нечистоты в богадельнях и около них, а также осматривать нищих. Если кто-то из нищих оказывался болен, надлежало уведомлять об этом офицеров на съезжих дворах, чтобы они вызывали полицейских врачей, поскольку у Коллегии экономии собственных докторов не было. Выходить из богаделен нищим было запрещено. Помещения богаделен окуривали можжевельником. Нечистоты вывозились на наемных лошадях²². После проведенных осмотров среди нищих больных чумой не оказалось. В апреле 1771 г. все они были выведены в подмосковные дворцовые села²³.

Служители Главного магистрата окуривали можжевельником гостиные дворы и торговые ряды²⁴.

В период эпидемии фабрики в Москве были закрыты. Если чиновники Мануфактур-коллегии находили нечистоту или тесноту в проживании рабочих, с фабрикантов бралась расписка в том, что они обязуются очистить помещения, а рабочих развести в другие покои. Если же других помещений для рабочих не было, фабриканты нанимали им квартиры²⁵. Для проведения всех необходимых санитарных мероприятий Мануфактур-коллегия активно взаимодействовала с Московской полицмейстерской канцелярией. После обнаружения эпидемии на Большом суконном дворе полицейские искали разбегавшихся рабочих и доставляли больных в Угрешский монастырь, а здоровых препровождали в карантин. Чиновники Коллегии, в свою очередь, обязывались обеспечивать больницу при монастыре и карантинные дома пищей, медикаментами и всеми необходимыми материалами²⁶. О проделанной работе коллегия рапортовала в Сенат: «А остается толко теперь всех состоящих в Москве фабрик содержателем накрепко подтвердить приказали дабы они впредь навсегда и каждой день по часту на фабриках своих во всех покаях доволно накуривали мозжевельником»²⁷. В конце марта 1771 г. по указу императрицы полномочия по противодей-

ствию язве Мануфактур-коллегии и Медицинской конторы были переданы московскому обер-полицмейстеру Н.И. Бахметьеву²⁸.

Участие московских фабричных людей в чумном бунте и анти-санитарное состояние некоторых фабрик вызвали к жизни проект генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского о переносе всей мануфактурной промышленности в уездные города. По мнению генерал-прокурора, в начале эпидемии в Москве были виноваты именно фабричные. Однако фабриканты сумели обосновать невозможность этой меры, и проект так и не был реализован²⁹.

Чрезвычайную важность приобретал вопрос организации похорон. Сначала П.Д. Еропкин сам отдавал приказания о похоронах, но при увеличении числа умерших стали хоронить после простого уведомления от родственников покойных. Погребение осуществлялось полицейскими погонщиками и особыми людьми на съезжих дворах. Однако из-за того, что они сами часто заражались, через непродолжительное время эта обязанность перешла к людям, жившим с умершим в одном покое. После этого полицейские отвозили их в карантин. Летом и осенью 1771 г. людей подбирали на улицах и хоронили колodники и отряды бывших фабричных рабочих. За городской чертой были устроены особые чумные кладбища при десяти церквях. Для захоронения представителей благородного сословия выделили кладбища в Новодевичьем, Спасо-Андрониковом и Донском монастырях.

Из-за участвовавших случаев заражения среди служителей государственных учреждения сворачивали свою работу. На местах оставался ограниченный штат чиновников для производства по важнейшим делам. Так, в Камер-коллегии помимо вице-президента остался только один служитель, живший в палатке в шести верстах от города, поскольку дома у него все умерли, а крестьяне его к себе не пускали³⁰. К сентябрю 1771 г. судебные места занимались только «интересными» и криминальными делами. Производство по всем остальным делам было прекращено. Сенат стал собираться два дня в неделю. Если возникала необходимость собраться в другой день, сенаторов накануне вызывали повесткой³¹.

Сокращенный режим работы сенаторов стал возможен благодаря сосредоточению императрицей основных полномочий по борьбе с моровой язвой в руках П.Д. Еропкина, а позднее Г.Г. Орлова и М.Н. Волконского. Анализ документов фонда 263 в РГАДА позволяет прийти к выводу о том, что сенаторы безоговорочно принимали все их предложения по противодействию эпидемии.

Во все учреждения посылались лекари для обеззараживания вещей. Особая осторожность соблюдалась при очистке планов в межевой канцелярии³². Деньги перед использованием согласно

инструкции чиновники окунали в уксус и в специальный обеззараживающий раствор – «гущу». В Камер-коллегии вместо уксуса использовали кислое пиво, так как оно было дешевле³³.

По инициативе П.Д. Еропкина в Москве было запрещено торговать турецкой шерстью и поношенной одеждой. Чиновники Мануфактур-коллегии опечатали все турецкие ткани на складах³⁴. Контролировать соблюдение запрета на продажу ветоши было гораздо сложнее. Некоторые торговцы не только продолжали продавать старую одежду, но и оказывали сопротивление полицейским при попытке конфисковать опасный товар. Торговавший на Красной площади ветошью солдат Синодальной конторы стал кидать в полицейских камни, когда они вместе со старшиной магистрата запечатывали ларь с поношенной одеждой³⁵.

16 сентября 1771 г. в городе вспыхнул «чумной бунт», показавший всю опасность игнорирования требований населения. Крестьяне, пришедшие в Москву на заработки, дворовые люди и фабричные рабочие требовали отмены распоряжений о сожжении зараженных вещей и принудительном выводе в больницы и карантин. Екатерина, обычно снисходительно относившаяся к проступкам сановников, не смогла простить фельдмаршалу П.С. Салтыкову того, что он покинул город в разгар бедствия, она была недовольна и действиями фельдмаршала задолго до его отставки. В письме к Н.И. Панину она писала о состоянии Москвы, что «там, кроме болезни и пожаров, глупости много <...> это отзывается бороною наших предков»³⁶.

В момент наивысшей опасности императрица посылает в Москву графа Г.Г. Орлова, наделив его диктаторскими полномочиями. Граф не имел склонности к государственным делам, но обладал качествами, которые были необходимы для успешной борьбы с мором, охватившим город, в трудных обстоятельствах он смог мобилизовать все силы для противодействия болезни. В первую очередь он собрал московских врачей, все их предложения по усилению санитарных мероприятий безоговорочно выполнялись. По инициативе Г.Г. Орлова была сформирована Комиссия для предохранения и врачевания от моровой заразной язвы во главе с П.Д. Еропкиным (что явилось признанием его заслуг перед Москвой, в дальнейшем Екатерина II высоко оценила его вклад в избавление города от чумы). Для контроля исполнения предписаний Комиссии и надзора над частными смотрителями была учреждена Исполнительная комиссия во главе с Д.В. Волковым и обер-полицмейстером Н.И. Бахметьевым. Обе комиссии заседали в Кремлевском дворце.

«Чумной бунт» ясно показал возможности церкви по влиянию на умы горожан. После подавления восстания московские власти

стали более активно использовать эти возможности для воздействия на образ жизни простых москвичей. В конце сентября 1771 г. по приказанию П.Д. Еропкина были напечатаны 200 экземпляров наставлений докторов И.Я. Лерхе и К.О. Ягельского по борьбе с болезнью для раздачи их обывателям по приходским церквям, так как «простой народ больше других послушен священникам, что и весьма есть похвально»³⁷. По указу Московской канторы Синода священники зачитывали наставления против моровой язвы перед литургией³⁸. С конца октября 1771 г., согласно указу императрицы, наставления стали читать во всех церквях, соборах и монастырях Москвы дважды в день, до и после литургии³⁹.

На заключительном этапе ответственность за противочумные санитарные меры легла на Комиссию для предохранения и врачевания. В 1772 г. Комиссия провела генеральную чистку города. Полицейские заходили в выморочные дворы и вытаскивали трупы умерших жителей. Всего в результате принятия таких мер в Москве было сожжено более трех тысяч дворов⁴⁰. Сожжение дворов в санитарных целях в 1772 г. наряду с пожарами 1770 и 1773 г. явилось причиной сокращения их числа почти на треть и значительного увеличения числа пустырей в городе. Это привело к последующему пересмотру принципов планировки, застройки и благоустройства Москвы⁴¹.

Эпидемия чумы и пожары привели к существенному ускорению осуществления давно запланированных мероприятий по благоустройству Москвы. Прежде всего это коснулось санитарных вопросов. Камер-Коллежский вал стал городским санитарным кордоном. Вокруг него построили семь больших кладбищ для православных, два для старообрядцев, увеличена площадь находившегося внутри вала Лазаревского кладбища. Хоронить в городе при церквях было запрещено (запрет распространялся на все города империи). Губернаторам предписывалось строить новые кладбища исключительно на выгонных землях⁴². После пожаров 1773 г. были составлены особые планы для застройки выгоревших мест. Боязнь возникновения новых возгораний заставила правительственную комиссию вспомнить о необходимости жесткой регламентации деревянной и каменной застройки города. Находившаяся в Петербурге Комиссия для строения Петербурга и Москвы существенно активизировала свою работу в старой столице. При Комиссии был создан Отделенный департамент, занимавшийся подготовкой «прожектированного плана городу Москве». В 1775 г. Екатерина II подписала «прожектированный план» и утвердила «Положение о Каменном приказе», созданном взамен Отделенного департамента. Возглавлявший Каменный приказ П.Н. Кожин провел большую работу по

благоустройству Москвы. По его инициативе был прорыт Водоотводный канал, набережные Москвы-реки отделаны камнем, положено начало созданию первых бульваров. Пассивность и инертность центральных и местных властей в подготовке необходимых для благоустройства города преобразований говорит о том, что без постигших Москву разрушений из-за эпидемии чумы и пожаров «прожектированный план» и Каменный приказ могли бы вообще не появиться, и тогда мероприятия по благоустройству первопрестольной оказались бы отложены на неопределенный срок⁴³.

Чиновники местных московских и центральных учреждений империи продемонстрировали слаженную работу в деле борьбы с чумой. В то же время деятельность большинства присутственных мест была парализована из-за эпидемии. Взаимодействие между оставшимися чиновниками, врачами и полицией осуществлялось благодаря неусыпному контролю самой императрицы и концентрации власти в руках наделенных особыми полномочиями П.Д. Еропкина и Г.Г. Орлова. Однако существенное повышение эффективности проводимых санитарных мер стало возможным только тогда, когда слаженная работа московских врачей, городских учреждений и верховной власти получила поддержку жителей города. В этом велика заслуга графа Г.Г. Орлова. О строгости устроенных им карантинных ходили легенды. Рассказывали, что особые стрелки открывали огонь по выбегавшим из города собакам и перелетавшим через частоколы птицам. Письма на особых почтовых пунктах не передавались из рук в руки, а перебрасывались на стрелах⁴⁴. Твердость и непреклонность в решающих санитарных мероприятиях и помогли избавить город от страшной эпидемии. Эпидемия вынудила власти впервые обратить пристальное внимание на процветающую в городе антисанитарию. До этого быт московских нищих в богадельнях и рабочих на фабриках их практически не интересовал.

Санитарные мероприятия правительства и московских властей во время чумы 1771–1772 гг. оказали значительное влияние на повседневную жизнь москвичей, а также на дальнейшее совершенствование городского хозяйства, поэтому их изучение имеет большое значение в исследованиях, посвященных благоустройству Москвы во второй половине XVIII – начале XIX в.

Примечания

¹ Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М., 1787.

² Самойлович Д.С. Избранные произведения. М., 1952. Вып. 2.

- ³ Observationes medicae de febribus putridis, de peste, nonnullisque aliis morbis. 2 vols. Vindobonae, 1778 u. 1783.
- ⁴ *Соловьев С.М.* Москва в 1770 и 1771 гг. // Русская старина. 1876. Октябрь. Т. 17. С. 189–204.
- ⁵ *Нечаев В.В.* Чума 1771 года в Москве. М., 1911.
- ⁶ Там же. С. 49–50.
- ⁷ *Молоденков С.Е.* Чума в Москве в 1770–1772 гг. // Московская медицинская газета. 1878. № 16. С. 393–399; № 17. С. 417–422.
- ⁸ Там же. С. 9.
- ⁹ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 42–44.
- ¹⁰ *Алефиренко П.П.* Чумной бунт в Москве в 1771 г. // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 82–88.
- ¹¹ См.: *Сорокина Т.С.* Государственные меры пресечения в Москве моровой язвы 1771 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и медицины. 1999. № 6. С. 55–58.
- ¹² См.: *Ковальчук А.В.* Мануфактурные рабочие Москвы в 1771 г. // Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в. М., 1987. С. 133–155; *Он же.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII в. (Текстильное производство). М., 1999.
- ¹³ Русское историческое общество. 1874. Т. 13. С. 95.
- ¹⁴ Русский архив. 1886. Кн. 3. С. 84.
- ¹⁵ *Шафонский А.Ф.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 1663. Л. 5–7.
- ¹⁷ *Шафонский А.Ф.* Указ. соч. С. 48.
- ¹⁸ Там же. С. 49–50.
- ¹⁹ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 23.
- ²¹ Там же. С. 24.
- ²² РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 1663. Л. 120–121.
- ²³ Там же. Л. 129.
- ²⁴ Там же. Л. 120–121.
- ²⁵ Там же. Л. 84–84 об.
- ²⁶ Там же. Л. 103–104 об.
- ²⁷ Там же. Л. 100–101.
- ²⁸ Там же. Л. 169–169 об.
- ²⁹ *Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность... С. 56.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1678. Л. 104.
- ³¹ Там же. Оп. 2. Д. 1670. Л. 61–62.
- ³² Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1678. Л. 398–398 об.
- ³³ Там же. Л. 363.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 1663. Л. 100–101.
- ³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1670. Л. 23–24.

- ³⁶ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 195–196.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 1. Д. 247. Л. 4–4 об.
- ³⁸ Там же. Л. 64.
- ³⁹ Там же. Л. 74.
- ⁴⁰ *Дутлова Е.Ю.* Земля города Москвы в контексте Отечественной и мировой истории. М., 2007. С. 100.
- ⁴¹ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: В 3 т. Т. 2. М., 1954. С. 482.
- ⁴² Там же. С. 49–53.
- ⁴³ Там же. С. 482.
- ⁴⁴ *Данилевский Г.П.* Московская чума 1770–1771 года // Данилевский Г.П. Полн. собр. соч.: В 24 т. 9-е изд. Т. 18. СПб., 1902. С. 132.

В.В. Павленко

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.: ГОД СПУСТЯ

Данное исследование продолжает обзор истории празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в России в 1913 г. Впервые на основании архивных документов и материалов периодической печати показано, как и спустя год после грандиозных торжеств 1912 г., посвященных столетнему юбилею, в России продолжали увековечивать память героев Отечественной войны 1812 года открытием новых памятников и реставрацией уже установленных.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, 100-летний юбилей, Бородинское поле, Николай II, парады, молебны, памятники.

Год назад мы вспоминали грандиозные юбилейные торжества, которые проходили в России в честь столетия Бородинского сражения.

В декабре 1912 г. официальный орган военного министерства газета «Русский инвалид» отмечала: «Юбилейный год великой эпопеи доживает последние дни. Скоро и ему надлежит отправиться в архив и лечь на приготовленное место. Прошла перед нами чудная эпоха, когда даже женщины писали своим мужьям и братьям: мира не надо, мир ни за что! Пусть вместо полного и обстоятельного описания Отечественной войны нам поднесены только отрывки из этой обаятельной эпохи. Пусть так. Но то проявление героизма, которым была полна Русь сто лет назад, искрой возбуждения пробежало по нашим телам, всколыхнуло нас, заставило глубже верить и крепче надеяться»¹. Но и в следующем, 1913 г. в России продолжались мероприятия, посвященные столетию Отечественной войны 1812 г. Обратимся к событиям столетней давности и вспомним, что же тогда происходило в России и каким дальнейшим начинаниям способствовали юбилейные мероприятия 1912 г.

Начнем с частного эпизода, последовавшего после юбилейных торжеств 1912 г. Как известно, центральное место в них занимало Бородинское поле. Через несколько месяцев после их апогея, в декабре 1912 г., завершалось обсуждение проекта сооружения памятника на Бородинском поле участвовавшим в битве четырем крымским полкам. Строительство памятника предполагалось осуществить на средства офицеров Крымского конного полка и мусульман Крыма. Председателем комитета по сбору пожертвований был избран начальник штаба 7-го корпуса генерал-майор Сулькевич, а казначеем – корнет Крымского конного полка Селямет Мурза Муфти-Заде. Решение о строительстве памятника было принято в связи с тем, что Селямет Мурза Муфти-Заде, который занимался историей Крымского конного полка, начиная с 1812 г. нашел данные, характеризующие деятельность Симферопольского татарского полка во время Отечественной войны. Так, например, герцог Вюртенбургский доносил главнокомандующему Барклаю-де-Толли, что при осаде Данцига Симферопольский татарский полк князя Балтукова «показал чудеса храбрости». Кроме памятника на Бородинском поле обсуждался и другой проект – постройка грандиозного памятника в Симферополе, около мечети Крымского конного полка². Насколько нам известно, эти проекты по разным причинам не были реализованы.

Юбилейные торжества на Бородинском поле с учетом тысяч людей, экскурсии учебных заведений и воинских частей – все это заставило власти задуматься о состоянии поля и сохранении мемориальных памятников. Поэтому в первых числах апреля 1913 г. в канцелярии Московского губернатора состоялось открытие Бородинского общества по охране памятников. Его почетными членами были выбраны московский митрополит Макарий, командующий войсками Московского военного округа П. Плеве и губернский предводитель дворянства А. Самарин. Почетным председателем избрали заместителя министра внутренних дел В. Джунковского, председателем правления – гражданского Московского губернатора графа Муравьева, а заместителями председателя – начальника штаба округа Е. Миллера и неперменного члена губернского по земским и городским делам присутствия М. Оловенникова³. Уже на первом его заседании обсуждался вопрос об охране памятников на Бородинском поле и о периодическом ремонте как самих памятников, так и Багратионовой флешки и других остатков укреплений. Записаться в члены Общества предлагали всем войсковым соединениям, соорудившим памятники своим героям на поле⁴. Как вспоминал впоследствии В.Ф. Джунковский, «общество возникло

по мысли группы лиц, работавших на Бородинском поле, и имело целью охранять поле и воздвигнутые на нем монументы героям войны, выяснять путем изысканий и исторических справок еще не отмеченные пункты и моменты Бородинского боя, приобретать в собственность земли, знаменательные в истории битвы, для постановки монументов, поддерживать пути сообщения и устраивать новые, а также содействовать прибывавшим на поле экскурсиям питомцев учебных заведений»⁵.

31 мая 1913 г. по инициативе председателя Общества Джунковского состоялась поездка в Бородино для осмотра установленных памятников и выяснения необходимого их ремонта. В поездке участвовали также правление Общества во главе с его председателем графом Муравьевым и некоторые его члены. Вот как описывал эту поездку один из ее участников: «Мы едем от памятника к памятнику. Их теперь более 30, и они значительно облегчают ориентировку и изучение поля сражения: прежде это было намного труднее. Своим внешним видом памятники производят, в общем, хорошее впечатление и лишь на некоторые из них неумолимое время и пребывание под открытым воздухом успели наложить свою печать. Так, на памятнике полевой конной артиллерии начала уже обнажаться кирпичная кладка фундамента и потрескался в нескольких местах бетонный переплет, окружающий общее основание; в памятнике кавалергардов и конногвардейцев цоколь из светлого и нижние глыбы из розоватого гранитов успели окраситься неприятными для глаза ржавыми потоками сбегавшей книзу дождевой воды, и т. д. Но все это мелочи, к которым, пожалуй, следует отнести и неимоверное количество окурков у наиболее посещаемых памятников, особенно вдоль главной дороги от станции Бородино до села того же имени. Число их могло бы служить показателем внимания туристов к различным историческим сооружениям Бородинского поля. У самых отдаленных от станции и менее посещаемых памятников окурки почти отсутствуют, а у памятников Кутузову и второй батарее лейб-гвардии конной артиллерии их вовсе нет. Оба эти сооружения выделяются своим отличным состоянием; конноартиллерийский памятник со всех сторон окружен свежей сочной зеленью поднявшихся озимей, между которыми к нему протоптана еле заметная узкая тропинка»⁶. И далее автор продолжает: «...хочется сказать нашей молодежи: если хотите видеть могилы, дающие бессмертие – поезжайте на поля Бородина поклониться праху двух русских витязей – Багратиона и Немеровского; вдумайтесь глубже в славное прошлое этих рыцарей железной воли и воинской доблести».

Во время осмотра Бородинского поля члены Общества увидели, что многие памятники требуют ремонта, поэтому было принято решение о необходимости скорейшего приведения памятников в должный вид⁷. Но, как писал один из современников, «к сожалению, никакая охрана не будет действительна, пока само общество в лице посещающих Бородинское поле частных лиц и экскурсантов не придет к сознанию необходимости бережно относиться к священным памятникам боевой славы наших доблестных воинов. Находятся еще лица, которые позволяют себе не только делать надписи на разных местах памятников, но даже срывать буквы. Так, на памятнике бывшего 3-го кавалерийского корпуса почти все буквы надписей на памятнике сорваны. Можно посоветовать Бородинскому обществу при ремонте заменить, по соглашению с частями, медные накладные буквы высеченными на камне буквами, которые срывать будет нельзя».

Накануне 101-й годовщины Бородинского сражения были открыты еще памятные доски на Спасской церкви, в ограде Бородинского монастыря, – от Ингерманландских гусар «в память своих доблестных предков» и от 163-го Ленкоранско-Нашебургского полка⁸.

25 августа 1913 г. митрополит Московский и Коломенский Макарий отслужил всенощную в Спасо-Бородинском монастыре, а 26 августа в 8 часов утра крестный ход направился к главному бородинскому памятнику, где была отслужена панихида по павшим в бою воинам в присутствии сопровождавших крестный ход молящихся и командированного из Москвы взвода юнкеров Александровского военного училища с хором музыки, а также находившихся здесь на работах саперов гренадерского саперного батальона. И хотя в тот день погода была ненастная, шел дождь, среди почетных гостей присутствовали Московский губернский предводитель дворянства егермейстер А. Самарин, можайский уездный предводитель дворянства тайный советник А. Варженевский, начальник военных сообщений Московского военного округа, генерального штаба генерал-майор Кияновский, семья гофмейстера В. Истомина и др. После традиционного крестного хода вокруг монастыря, обедни, панихиды и трапезы были совершены объезд Бородинского поля и осмотр его памятников членами Бородинского общества по охране памятников. И здесь нужно выделить важное событие: у Шевардинского редута состоялось освящение французского памятника католическим священником в присутствии нескольких членов французской колонии, членов комитета по сооружению памятника, после краткой мессы, а памятник был окроплен святой

водой. Взвод юнкеров Александровского училища прошел перед памятником торжественным маршем, а оркестр училища сыграл «Марсельезу». Исполняющий обязанности французского консула Энгельгардт произнес речь и возложил на памятник венки от французской колонии в Москве и от французского общества, воздвигшего памятник. От кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года также был возложен к подножию памятника лавровый венок с надписью «Великой армии 1812 года»⁹.

Еще во время посещения Бородинского поля весной 1913 г. члены Общества отмечали, что «временный памятник французской армии имеет неважный вид. Облицовка с деревянного остова памятника отскочила большими кусками, обнажив грубо сколоченные доски. Накладные буквы на нижней половине памятника уже поотскакивали». Первоначальный памятник вместе со своим автором на пути из Франции в Россию погиб во время шторма в Северном море. Торжественное открытие модели состоялось в августовские дни 1912 г. в присутствии императора Николая II. В августе 1913 г. напротив Шевардинского редута начались работы по сооружению нового памятника французской армии. Памятник в виде усеченной пирамиды высотой около трех саженей был составлен из трех гранитных кусков (весом от 100 до 150 пудов каждый) и увенчан бронзовым орлом весом тоже 100 пудов. Буквы такие же, как и на временном сооружении, были высечены в граните и позолочены¹⁰.

26 августа 1913 г. состоялось общее собрание членов Бородинского общества. Для участия в его заседании прибыл почетный председатель Общества, генерал-майор Джунковский, с начальником штаба, полковником Генерального штаба Никольским. Заседание проходило в монастырской рукодельной Спасо-Бородинского монастыря. Почетный председатель и почетные члены (митрополит Макарий и егермейстер Самарин) благодарили собравшихся за их избрание. По предложению В.Ф. Джунковского был единогласно избран почетным членом Можайский уездный предводитель дворянства, тайный советник А. Варженевский. Секретарь Комитета Музея 1812 года, полковник генерального штаба Афанасьев приветствовал Общество от имени комитета. Был заслушан краткий очерк подполковника Турчина о деятельности Общества, основанного 4 месяца назад. За этот период действительных членов насчитывалось – 186, пожизненных – 13, почетных – 4; воинских частей, вступивших в члены, – 36, городов – 6. Членских взносов поступило 2200 руб., расход выразился в сумме 545 руб. Для охраны памятников правление наняло 5 сторожей под руководством особого

вахтера, получавшего 40 руб. в месяц, и помещение при инвалидном домике. За время существования Общества было отремонтировано 13 памятников, стоимость всех работ составила 150 руб. благодаря безвозмездному труду и энергии члена общества инженера А. Эйсмонта. Общее собрание постановило, что необходимо оставить охрану памятников в настоящем ее виде до выяснения ее целесообразности, а для вахтера приобрести верховую лошадь.

Интересно, что только 8 ноября 1913 г. на Бородинском поле был торжественно освящен сооруженный Военным ведомством к торжествам юбилейного 1812 года памятник князю Голенищеву-Кутузову. По разным причинам это торжество откладывалось и состоялось только через год. Памятник был создан по проекту военного инженера, полковника Воронцова-Вельяминова на том месте в д. Горки, откуда фельдмаршал наблюдал за Бородинским сражением 26 августа 1812 г. Он представляет собой колонну красного финляндского гранита на кургане. Наверху колонны – парящий орел, на лицевой стороне ее рельефный меч острием вверх, на эфесе меча римская цифра. Пониже – барельеф, изображающий Кутузова сидящим и отдающим приказание окружающим его генералам; над барельефом слова его при докладе одного из генералов: «Неприятель отражен на всех пунктах»; под барельефом: КУТУЗОВ 26-го августа 1812 г.; позади на колонне: «Отсюда фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов руководил войсками в сражении при с. Бородине 26-го августа 1812 года»¹¹.

В те же ноябрьские дни 1913 г. на заседании Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года заместитель председателя кружка полковник Гончаров внес предложение о перевезении в Россию части останков фельдмаршала Кутузова, вынутых при бальзамировании тела и преданных земле в д. Обер-Тиллендорф, в имении графа Пюклера, где был поставлен памятник, изображающий усеченную мраморную колонну на постаменте, с надписью на русском и немецком языках: «Князю Кутузову Смоленскому, переселившемуся из сей жизни в вечную 16 (28-го) апреля 1813 года». Гончаров предложил захоронить эти останки у главного Бородинского монумента рядом с могилой князя Багратиона. Он также передал 100 руб. на приобретение дома, где жил и скончался в Германии в г. Бунцлау князь Кутузов. Вокруг этой темы разгорелся спор¹².

Весной 1913 г. был открыт первый памятник в честь 1812 года в пределах Минской губернии. По инициативе 108-го Саратовского полка, преемника 12-го Егерского полка, решено было поставить памятник у д. Брыли. В создании памятника приняли участие

93-й пехотный Иркутский полк и 112-й Уральский пехотный полк, происходящие от 7-го и 10-го егерских полков. Командир Саратовского полка выразил согласие на установку общего от трех полков памятника. Выбор места, проект памятника и его строительство принял на себя Саратовский полк. Особая комиссия от полка избрала место для памятника в версте к югу от деревни Брыли, вблизи ряда полуразрушенных братских могил. 16 ноября 1912 г., в столетнюю годовщину боя, на правом берегу р. Березины против переправившейся армии Наполеона, была произведена закладка памятника в присутствии делегаций от полков. Проект памятника составил Иван Кононович Демяков. Он же руководил отрядом солдат, выделенных для строительства памятника. Начавшиеся с осени работы пришлось прекратить из-за холодов, шла только заготовка материалов. С наступлением весны капитан Демяков снова был командирован в Брыли. 10 мая памятник был готов, а 15-го – освящен в присутствии командующего Виленским военным округом генерал-адъютанта Ренненкампа. На открытие прибыли от каждого полка по сводному взводу под командой офицера, а от Саратовского полка – еще и хор. Для памятника было выбрано место на самой высокой точке над местностью. На сплошном массивном каменном фундаменте возвышался цоколь. Цоколь имел с каждой стороны лестницы, что и образовывало, таким образом, крест. Сам цоколь из местного камня, скрепленного цементом, был обложен кирпичом и оштукатурен. В центре цоколя была установлена тумба – крест высотой в 3 $\frac{1}{4}$ аршина из кирпича, с каждой стороны тумбы – кресты, на самой тумбе – колонна из местного шлифованного гранита темно-красного цвета пирамидальной формы в 3 аршина. С лицевой стороны колонны находился чугунный, покрытый эмалью георгиевский крест, вокруг которого венок из дубовых и лавровых листьев, связанных георгиевской лентой. Под крестом надпись: «Доблестным предкам – егерям 7-го, 10-го и 12-го полков, павшим в сражении на реке Березине 15, 16 и 17 ноября 1812 года. Благодарные потомки: 93-й Иркутский, 112-й Уральский, 108-й Саратовский пехотные полки». Колонну венчал золоченый чугунный в аршин вышиной двуглавый орел. В углах тумбы-креста размещались аналои с развернутыми каменными книгами, на страницах которых были помещены изречения: «Больше сия любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя» (от Иоанна гл. 15, ст. 13); «И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек» (от Иоанна гл. 10, ст. 28); «Три воинския искусства глазомер, быстрота и натиск» (Суворов); «Кого из нас убьют, Царствие Небесное; Живым слава, слава, слава!» (Суворов). Общая высота памятника составляла

9 аршин. После богослужения были даны парад и завтрак в шатре для офицеров и гостей. Братские могилы у памятника были приведены в порядок нижними чинами под командованием капитана Демякова¹³.

В 1920 г. во время советско-польской войны обелиск был разрушен. Гранитную плиту с надписью закопал на своем участке, расположенном возле памятника, Иван Трофимович Дорофеев. В 1936 г. он перевез блок в свою усадьбу, где тот пролежал четверть века. В 1992 г. монумент Демякова был восстановлен в прежнем виде. Одной из частей обелиска стал гранитный блок, сохраненный Дорофеевым. Памятник вновь был открыт 6 декабря 1992 г. в честь 180-летия Березинской переправы. В отличие от варианта 1913 г. на нем установлены дополнительные мемориальные доски.

13 марта Николай II по докладу министра внутренних дел утвердил проект памятника, предложенного к сооружению в г. Кобрине в ознаменование первой со времени вторжения неприятеля в пределы России победы русских войск под начальством генерала Торماسова над союзными войсками под командой генерала Клейгеля, одержанной 15 июля 1812 г. Памятник сооружался на средства полков, участвовавших в этом сражении, и на добровольные пожертвования населения Гродненской губернии¹⁴.

10 сентября 1913 г. в Смоленске в присутствии губернатора, представителей дворянства, земства, администрации и учащихся, а также командира корпуса, начальников воинских частей и горожан состоялось открытие и освящение памятника в честь боев 1812 г. под Смоленском¹⁵. Закладка памятника состоялась еще 6 августа 1912 г. на бульваре 1812 года. При закладке памятника присутствовали по полуроте от Софийского, Нарвского и Копорского полков, которые участвовали в боях под Смоленском. Проект памятника 1812 г. был подготовлен инженером-подполковником Н.С. Шуцманом, а всего было рассмотрено свыше 30 проектов. Это 12-аршинная гранитная скала. В середине на лицевой стороне бронзовая доска карты России с золоченой надписью «Благодарная Россия героям 1812 года». По уступам скалы взбирается галл с мечом в руке к орлиному гнезду, расположенному на вершине. Гнездо охраняют два орла, по числу армий, защищавших Смоленск. Причем шестиаршинный бронзовый орел схватил лапой руку галла и остановил занесенный меч, а второй орел готов броситься в помощь первому. На обратной стороне, где помещена карта, размещены имена героев, а с другой стороны к скале прислонены два больших бронзовых венка, в одном из них помещается государственный герб, а в другом – герб Смоленска. Памятник установили в центре главной аллеи разбитого сквера. Постройкой его заведовала специальная комиссия под председатель-

ством начальника дивизии генерала Угрюмова и генерала Пестича, вице-губернатора и городского головы¹⁶.

Весной 1913 г. было открыто еще несколько памятников, посвященных событиям Отечественной войны. Так, 25 августа 1913 г. Поречским земством сооружен в с. Инкове памятник в память поражения, нанесенного здесь генералом Платовым французской кавалерии¹⁷. 29 сентября 1913 г. в г. Верея был открыт памятник шефу Изюмских гусар генералу Ивану Дорохову, освободившему в 1812 г. этот город от неприятельского отряда. Согласно предсмертному желанию Дорохова, скончавшегося 25 апреля 1815 г., он был погребен в освобожденной им Верее. В городском храме хранилось его письмо к жителям города: «Почтенные жители города Вереи. Если вы слышали о генерале Дорохове, который освободил ваш город от врага Отечества нашего, почтенные соотичи, то ожидаю от вас за сие воздания. Дайте мне три аршина земли для вечного упокоения при той церкви, где я взял штурмом укрепления неприятеля, истребив его наголову, и за что дети мои будут вам благодарны». Памятник работы скульптора Б.В. Пациорковского по проекту художника Рахманинова представлял генерала Дорохова во весь рост с саблей в руках, в позе, призывающей к бою. На открытии присутствовали командующий войсками Московского военного округа генерал Плеве, губернский предводитель дворянства Самарин, предводитель дворянства и дворяне Вереяского уезда¹⁸.

На страницах «Русского инвалида» накануне очередной годовщины вспоминали и о заброшенных памятниках Отечественной войны. Например, о большом деревянном золоченом постаменте с трехгранной золоченой пирамидой, увенчанной двуглавым орлом, который стоял у закрытой двери южной стороны Свято-Троицкого храма Тихвинского монастыря, где хранилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. На одной из сторон постамента – место для иконы, на других сторонах – цифры 1812, 1813, 1814. На гранях пирамиды нанесен текст манифеста Александра I от 6 июля 1812 г. о формировании 14 сентября 1812 г. Тихвинского ополчения «исходя на брань против галлов и сообщников их двенадцати язык» и о покровительстве иконы Тихвинской Божией Матери, «которую воины сии во всех достохвальных против неприятеля подвигах имея предшественницею удобно врагов поборол и прогоняли, так что **ни один из членов дворянства во многократных битвах не пал ни от ядер и пуль, ни от смертоносных болезней**» (выделено мной. – *В. П.*). Тихвинские ополченцы отобрали под Березиной у французов серебряную ризу, снятую теми в Москве с иконы Тихвинской иконы Божией Матери. На третьей грани постамента рассказывается о возвращении ополче-

ния в Тихвин 22 июня 1814 г., о возвращении в монастырь полученной в благословение иконы и о сооружении на пожертвованные деньги «на сем месте» в 1815 г. памятника. Далее следовало обращение к соотечественникам сохранить «памятник сей до позднейших потомков к подражанию в пожертвовании самих себя на славу и защиту Отечества». Как выяснил автор заметки, памятник ранее стоял в Крестовоздвиженской церкви, но во время ее реконструкции икону из него извлекли и вставили в столб у правого клироса главного храма, а сам памятник «был оставлен без всякого внимания». Поэтому предлагалось перенести его в создававшийся в Москве музей 1812 года, «где хранение его навсегда будет вполне обеспечено»¹⁹.

Одним из завершающих юбилейных мероприятий 1913 г. стало открытие памятника уже за границей, в Германии. 5 октября 1913 г., в день празднования столетия «Битвы народов» в Лейпциге, состоялось освящение храма-памятника русским воинам, павшим в этом сражении. Храм-памятник был сооружен над могилами 22 тыс. русских воинов, павших в бою под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г. 21 апреля 1910 г. был образован Комитет по сооружению храма, который возглавил великий князь Михаил Александрович. Руководил строительством генерал-лейтенант Е.А. Гернгросс, представителем от Лейпцига был банкир Ф.В. Довель. Еще в 1908 г. Королевское министерство религии и образования приняло решение разрешить устройство русского храма в Лейпциге, а в 1911 г. городские власти Лейпцига предоставили участок земли в 2,5 га на краю поля, где состоялось сражение. Закладка храма состоялась 15 декабря 1912 г. Храм был построен по проекту и под личным наблюдением академика архитектуры Б.А. Покровского, имевшего большой опыт в строительстве церквей и являвшегося автором Крестовоздвиженской церкви в Царском Селе. Образцом для церкви стал храм Вознесения в с. Коломенском. Высота храма – 55 м, длина – 34,5 м. В сентябре 1913 г. по Александровской железной дороге началась перевозка в ускоренных поездах церковной утвари, предназначенной для храма-памятника. Первая партия церковной утвари составила 444 пуда 22 фунта²⁰. Восемнадцатиметровый семейрусский иконостас и все храмовые иконы выполнены в стиле московской школы иконописи XVI столетия. Это был дар донских казаков, исполненный на фирме И.П. Хлебникова, иконы писал Л.М. Емельянов. На фабрике Хлебникова было изготовлено и бронзовое позолоченное паникадило со смальтовыми лампадами (мастерская В.А. Фролова). Среди храмовых икон находился и образ Смоленской иконы Божией Матери. Облачение для священников храма было изготовлено на пожертвования Лелянова. Как от-

мечалось в прессе, «русские дамы Берлина и Лейпцига собственноручно изготовили ковер». Хоругви были выполнены по рисункам художника Пиановского на средства, пожертвованные Гуськовым.

На строительство храма-памятника Государственной Думой было отпущено 120 тыс. руб. и еще собрано по подписке 180 тыс. руб. По благословению Св. Синода в 1912 г. во всех храмах империи в праздник святых Петра и Павла был произведен сбор на увеличение средств Комитета по сбору пожертвований на сооружение храма-памятника. Сбор этот в московских храмах был произведен офицерами и полковыми дамами частей гренадерского корпуса²¹. В самом Лейпциге было собрано 36 тыс. марок. Храм посвящен святителю Алексию, митрополиту Московскому, память которого отмечается церковью 18 (5 октября по ст. стилю). На открытие памятника прибыли великий князь Кирилл Владимирович, члены русской военной делегации, строитель храма-памятника академик Покровский, протопресвитер отец Георгий Шавельский, настоятели посольской и других православных церквей в Германии, московский синодальный хор, члены комитета по сооружению храма-памятника, а также последний король Саксонии Фридрих-Август и последний немецкий император Вильгельм II²². Освящение церкви 4 октября 1913 г. совершил протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский. На богослужении присутствовали также рабочие, строившие храм, – крестьяне Московской и Владимирской губерний. В подвальном этаже храма планировалось создание музея войны за освобождение Европы, в котором должны были быть собраны все предметы, относящиеся к Лейпцигскому сражению. Но эти начинания не были завершены.

А накануне, 3 октября 1913 г., состоялось перенесение праха русских воинов, павших под Лейпцигом во время «Битвы народов». Останки были помещены в четыре белых гроба (прах генерал-лейтенанта Шевича, князя Кудашева, подполковника Юргенева, в четвертом – останки других воинов). Накануне перезахоронения они были извлечены в разных местах Иоганновского кладбища и поставлены в протестантской часовне. В 10 часов утра на главной аллее кладбища выстроились войска в составе батальона пехоты, двух эскадронов улан и полевой батареи. Германские солдаты вынесли гробы из часовни и установили их на четыре лафета. Впереди процессии шли войска, за лафетами следовали великий князь Кирилл Владимирович со свитой и все участники торжества. Процессия шла по главным улицам города, на ее пути шпалерами стояла многотысячная толпа. Перед храмом гробы сняли с лафетов, и члены комитета по сооружению храма-памятника внесли их в склеп,

где была совершена лития под звон колоколов, войска взяли на караул, пехота и артиллерия произвели салют в три залпа²³.

Храм пережил очень тяжелые времена. С началом Первой мировой войны он был закрыт. В мае 1939 г. приход храма был передан Берлинской и германской епархии Русской Православной Церкви за границей. В годы Второй мировой войны он практически был разграблен. Летом 1945 г. храм оказался в советской зоне оккупации. Советское командование после посещения храма маршалом Г.К. Жуковым в 1945 г. выделило средства на срочный ремонт памятника. В 1963 г. была произведена реставрация с новой позолотой купола, и в 1988–1989 гг. – наружная реставрация храма.

Примечания

- ¹ Русский инвалид. 1912. 22 дек. № 280.
- ² Там же. 19 дек. № 277.
- ³ Русский инвалид. 1913. 6 апр. № 77.
- ⁴ Там же. 12 мая. № 101.
- ⁵ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 68.
- ⁶ Русский инвалид. 1913. 2 июля. № 139.
- ⁷ Там же. 6 июня. № 118.
- ⁸ Там же. 15 авг. № 174.
- ⁹ Там же. 29 авг. № 185.
- ¹⁰ Там же. 26 авг. № 182.
- ¹¹ Там же. 12 нояб. № 243.
- ¹² Там же. 6 нояб. № 338.
- ¹³ Там же. 5 июня. № 117.
- ¹⁴ Там же. 16 марта. № 60.
- ¹⁵ Там же. 11 сент. № 195.
- ¹⁶ Смоленский вестник. 1912. № 177.
- ¹⁷ Русский инвалид. 1913. 28 авг. № 183.
- ¹⁸ Там же. 1 окт. № 211.
- ¹⁹ Там же. 3 авг. № 165.
- ²⁰ Там же. 7 сент. № 192.
- ²¹ Там же. 29 июня. № 138.
- ²² Там же. 18 июля. № 153.
- ²³ Там же. 4 окт. № 213.

М.С. Дроздов, Е.Н. Маслов

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСКОГО РОДА: Е.П. СВЕШНИКОВ (попытка реконструкции биографии)

В статье рассматриваются происхождение и деятельность представителя именитого московского купечества так называемого второго ряда Евгения Павловича Свешникова. Впервые установлены и систематизированы многие факты его жизни. Более известный в Подмосковье, чем в Москве, он много лет служил на высоких должностях у А.И. Морозова на Богородско-Глуховской мануфактуре (ныне территория г. Ногинска), кроме того, был самостоятельным успешным предпринимателем, видным общественным и спортивным деятелем. Особый интерес представляют ранее не изучавшиеся деловые и родственные связи Е.П. Свешникова с выдающимся промышленником и банкиром Н.А. Второвым.

Ключевые слова: московское купечество, Богородско-Глуховская мануфактура, управление фабриками, спортивные общества, старообрядчество, Свешниковы, Морозовы, Второвы.

Свешниковы – известное московское старообрядческое семейство. Во всяком случае, когда экскурсоводы перечисляют самые знаменитые захоронения (существующие и уже не существующие) на Рогожском кладбище, то наряду с Морозовыми, Рябушинскими, Кузнецовыми, Солдатенковыми, Рахмановыми, Пуговкиными, Мусоринными, Соловьевыми называют и Свешниковых. Обязательно упоминаются представители этой семьи в исследованиях, посвященных Москве старообрядческой¹.

Наше внимание привлек один из Свешниковых, Евгений Павлович, большая часть жизни которого была связана с Глуховской мануфактурой Морозовых (ныне на территории г. Ногинска, бывшего Богородска). О Евгении Павловиче мало кто и что знал, хотя фактически он был вторым человеком «Глуховки» после хозяина – Арсения Ивановича Морозова. Таковым Е.П. Свешников стал,

правда, только после смерти предыдущего управляющего фабриками Ф.А. Детинова в 1913 г., но именно он был правой рукой А.И. Морозова в предреволюционные, самые напряженные годы, именно с ним породнился богатейший человек России того времени Н.А. Второв. Москва, Глухово, Электросталь, Прага – вот некоторые этапы жизненного пути этого деятеля русской промышленности, старовера, благотворителя.

Загадки происхождения

Принадлежность глуховского Свешникова к московскому торгово-промышленному роду поначалу была неочевидной. В списке членов Совета Богородской старообрядческой общины в начале 1909 г. Евгений Павлович Свешников указан как «богородский купеческий сын, 45 лет»². Однако во всех известных нам документах по местному купечеству не встречается богородский купец Павел Свешников. Более того, из материалов по истории пожарных обществ узнаем, что 7 июня 1896 г. в Богородске на общем собрании в здании Городского общественного управления были выбраны председатель – городской староста богородский 2-й гильдии купец М.А. Сопов и члены правления Богородского пожарного общества, начальником же городской команды стал уже командовавший пожарной командой Богородско-Глуховской мануфактуры (далее – БГМ) Е.П. Свешников, «зарайский купеческий сын»³. Налицо явная путаница. Это тем более странно, что в труде «Московский некрополь» великого князя Николая Михайловича никаких указаний, даже намеков на зарайское происхождение ни у кого из Свешниковых-старообрядцев нет. В «Некрополе» значились захороненными на Рогожском кладбище следующие Свешниковы: «Анастасия Владимировна 1898, 39 лет. Надежда Федоровна (ур. Симонова), 1863, 31 год. Александр Алексеевич, московский купеческий сын, 1891, 21 год. Артемий Яковлевич, ейский 1 гильдии купец, 1860, 59 лет. Иван Артемьевич, 1863, 35 лет. Иван Федорович, 1890, 43 года. Лаврентий Яковлевич, московский гражданин, 1870, 57 лет. Михаил Яковлевич, московский гражданин, 1865, 56 лет. Петр Яковлевич, московский купец, 1850, 32 года. Федор Яковлевич, московский 1 гильдии купец, 1884, 69 лет»⁴. Отметим, что последний из них – один из влиятельнейших членов московского старообрядческого общества, именно в его доме в октябре 1882 г. возведен на московскую кафедру архиепископ Савватий, а когда Федор Яковлевич 1 марта 1884 г. умер, то Савватий совершал панихиду и отпевание⁵.

Кто же такой Е.П. Свешников на самом деле и какое имеет отношение к перечисленным выше, выяснилось совсем недавно, после появления новой книги известной исследовательницы старообрядчества Е.М. Юхименко «Рахмановы»⁶. Оказывается, Свешниковы были в родстве с Рахмановыми – одной из самых знаменитых и богатых московских старообрядческих династий гуслицкого происхождения. У Павла Артемьевича Свешникова (его нет в «Московском некрополе», а отец есть) и его жены Анфисы Ивановны были по крайней мере сын Евгений (Геня) и дочь Агния⁷. Жили они на Нижней Хапиловской улице. «Геня» Свешников, совершенно очевидно, и есть «наш» Евгений Павлович. Его сестра Агния вышла замуж за Сергея Карповича Рахманова. О положении же Рахмановых в московском купеческом мире говорит даже такой факт: когда будущий шеф Е.П. Свешникова Арсений Иванович Морозов увлекся в юности Александрой Карповной Рахмановой, то она «уклонилась от ухаживания богатого жениха»⁸. Впрочем, ставшая женой Арсения Ивановича Любовь Степановна Овсянникова тоже была в свойстве с Рахмановыми. Всё у старообрядцев-миллионеров тесно переплелось, и нет ничего удивительного, что рано, видимо, потерявший отца Евгений Свешников оказался под крылом у Морозовых.

По Е.М. Юхименко, основатель московского купеческого рода Яков Семенов Свешников (1772–1847), прадед Евгения Павловича, происходит из д. Высоково Ставровской волости Владимирской округи⁹. Из тех же примерно мест, из д. Угрюмихи, ведет свое происхождение и хорошо известный в свое время в Орехово-Зуеве (там до сих пор сохранился его дом) Степан Никифорович Свешников, до 1917 г. занимавший должность управляющего фабриками Товарищества Викулы Морозова¹⁰. Он много занимался благотворительностью, был действительным членом Богородского общества распространения среднего образования, видным деятелем поморской церкви брачного согласия, участником первого Поморского Собора в 1909 г. Очень вероятно, что Свешниковы из Высоково и Свешниковы из Угрюмихи были родственниками. Обе деревни – Угрюмиха (в 8 км к югу от Собинки) и Высоково (в 10 км к югу от Владимира) – находятся на правом берегу Клязьмы, в бывшем Судогодском уезде, на расстоянии друг от друга не более 20–25 км по прямой. Кроме того, и тот и другой Свешниковы были староверами. Принадлежность же к разным ветвям старообрядчества не удивляет, ибо, например, у Морозовых, и не только у них, в роду были и поповцы, и беспоповцы, и позже единоверцы, и просто безбожники. Тогда получается очень интересно – два род-

ственника (пусть и дальних: Евгений Павлович мог быть троюродным или четвероюродным племянником Степану Никифоровичу) были «топ-менеджерами» в двух морозовских фирмах, причем управляли крупнейшими в России фабриками.

Подробности из доноса

С какого года проживал Евгений Павлович в Глухове, мы пока не знаем. По времени самое раннее упоминание о его должности, но скорее всего общественной (пожарная команда), нам уже известно – это 1896 г. Кем он был на Глуховской мануфактуре в 1898–1899 гг. (а то и раньше), мы узнаем из доноса! Да, из доноса некоего Григория Вялова и других лиц великому князю Сергею Александровичу от 18 января 1899 г. Вот что говорится в нем о Свешникове: «...управляющий по постройке Евгений Свешников раскольник женился на учительнице православной христианке г-же Жебелевой, которая совращена в раскол хозяином Арсением Морозовым...»¹¹.

В ответ на этот донос московский губернатор сообщает московскому генерал-губернатору от 8 марта 1899 г. следующее: «Московский купеческий сын Евгений Свешников, помощник управляющего фабрикой – раскольник, приемлющий священство; с 1888 года состоит в браке по расколу с верейской мещанкой Елизаветой Жебелевой и брак их записан в метрическую книгу пристава 2-го участка Рогожской части г. Москвы. Отец Елизаветы Свешниковой Андрей Жебелев – православный, а мать – раскольница. Елизавета девочкой 8-ми лет поступила на воспитание к своей тетке, также раскольнице, проживавшей в Москве. Когда совершилось совращение ее из православия в раскол, пока не добыто точных сведений, но по моему распоряжению об этом производится дознание. До вступления в брак с Евгением Свешниковым Жебелева служила около двух лет учительницей в Глуховской фабричной школе; дети Свешниковых воспитываются в расколе»¹².

23 марта 1899 г. губернатор добавляет некоторые подробности по этому поводу: «В дополнение к представлению от сего 8 марта за № 1190, имею честь представить Вашему Императорскому Высочеству, что, как ныне оказалось по собранным сведениям, упоминаемая в том представлении Елизавета Андреева Жебелева, по мужу Свешникова, при рождении своем была крещена по православному вероисповеданию в гор. Верее в Ильинской церкви; после смерти отца ее она 12-ти летним ребенком была отдана на воспитание своей бабушке (по матери) Анне Мартыновой Богдановой, ныне

умершей, проживающей в Москве на Коровьей площади, д. бывший Живаго. Ввиду того, что как мать Елизаветы Жебелевой, так и бабушка ее принадлежали к раскольникам Рогожского кладбища, то и Жебелева была воспитана в том же согласии. 20 лет она поступила учительницей в фабричную школу Морозова в с. Глухове и вскоре вышла замуж за купеческого сына Евгения Павлова Свешникова, причем брак их с соблюдением всех законом установленных формальностей был записан в метрическую книгу пристава 2-го участка Рогожской части, лит. Б, в 1888 году за № 18»¹³.

Последние документы весьма серьезны и информативны. В них Евгений Павлович назван уже правильно – московским купеческим сыном, а должность его – помощник управляющего фабрикой (вернее, фабриками). Управляющим был известный в Богородске Федор Андреевич Детинин. В ведении помощника, видимо, состояло и строительное отделение. С 1888 г. он женат на Елизавете Андреевне Жебелевой (1866 или 1867 г. рождения), у них уже двое, по крайней мере, детей, рожденных, скорее всего, в конце 1880-х – 1890-е гг. Можно с уверенностью предположить, что на Глуховской мануфактуре он начал служить раньше ее, значит – раньше 1886 г.

Еще о родственниках

Из этих же источников узнаем и о том, что у Свешникова была младшая, видимо, сестра помимо Агнии, по мужу Рахмановой. Об этой сестре, Анне Павловне, до замужества жившей в семье брата, доносчики сообщают: «Директор бумагопрядильни г-н Ратклиф, англичанин, женился на раскольнице г-же Свешниковой, пред совершением законного брака оба они сначала перешли в православную церковь и венчались в Константинополе в православной церкви. По приезде из Константинополя на фабрику к раскольнику хозяину Арсению Морозову перешли в раскол г-н и г-жа Ратклиф»¹⁴. На что губернатор разъясняет: «Великобританский подданный Джемс Ратклиф англиканского вероисповедания, состоит на фабрике в Глухове директором прядильного отделения, женат на купеческой дочери Анне Павловой Свешниковой вторым браком; Свешникова – раскольница поповщинского толка. Поводом к заявлению о том, что Ратклиф и Свешникова сошлись в раскол из православия, принятого ими в Константинополе, вероятно, послужило следующее обстоятельство. В 1894 году Ратклиф и Свешникова отправились в заграничное путешествие; до отъезда за границу Свешникова проживала у своего брата Евгения Свешникова.

По возвращении из-за границы, когда Свешникова поселилась на жительство в квартире Ратклифа, на фабрике начали распространяться слухи, что Ратклиф и Свешникова приняли в Константинополе православие и вступили в законный брак; в интимных беседах со своими знакомыми как Ратклиф, так и Свешникова не только не опровергали этих слухов, а, напротив, утверждали, что они действительно вступили в брак, будто бы приняв православие в Константинополе; но большинство лиц относилось к этим заявлениям с полным недоверием, так как многие хорошо знали, что Ратклиф женат на англичанке и вступить во 2-ой брак без формального развода не мог, что впоследствии, а именно в апреле 1896 года, при рождении у Свешниковой ребенка, вполне подтвердилось, так как на обращенное к ней требование о предъявлении документов она должна была сознаться, что состоит в незаконном сожителе с Ратклифом и что она как была старообрядкою, так таковой и осталась. От незаконной связи с Ратклифом Свешникова имеет двух дочерей: Марию и Анну, просвещенных Св. Крещением по обряду православной церкви. Свое желание воспитывать дочерей в православной вере Свешникова мотивировала тем, что хотя она и не видит особого различия между православием и старообрядчеством, но, тем не менее, должна признать, что общество во многом ограничивает права женщин-раскольниц, почему если бы она решилась воспитывать своих дочерей в расколе, то тем самым она только усугубила бы несчастное положение своих дочерей, как незаконнорожденных. В законный брак Ратклиф и Свешникова вступили только в 1898 году в мае месяце, причем брак совершен в Московской англиканской св. Андрея церкви»¹⁵.

Яков Иванович Ратклиф – большой специалист по прядению, наладил производство ниток на Глуховке, проработал здесь 17 лет, умер в 1905 г. Между прочим, именно он познакомил глуховских обитателей с английской игрой – футболом. Но у нас разговор не о нем, а о его шурине. Вот ведь как – стали родственниками русский старвер и английский протестант! В связи с родственниками Евгения Павловича до сих пор остается невыясненным вопрос о том, является ли его родней (или только однофамильцем) выдающийся советский хормейстер Александр Васильевич Свешников (1890–1980). Он с 1911 г. преподавал пение в фабричном училище, позже руководил хором Богородско-Глуховской мануфактуры. Когда он приезжал в 1958 г. в Глухово на 50-летие 10-й средней школы, никто не догадался или не посмел спросить его об этом.

Не полностью прояснена пока и ситуация с другими Свешниковыми – свойственниками Морозовых. Двоюродная сестра

Арсения Ивановича Морозова Елизавета Васильевна (родилась в 1850-е гг.) была замужем за Свешниковым Николаем Евдокимовичем (1846 – около 1917), московским 2-й гильдии купцом, торговавшим мануфактурой¹⁶. По нашим соображениям, он – двоюродный брат отца и, значит, двоюродный дядя самого Евгения Павловича. Таким образом, «наш» Свешников совсем не прост, ибо состоял, скорее всего, в свойстве с Морозовыми. И тогда тем более понятно, что его появление в Глухове на фабриках БГМ в качестве одного из высших служащих, а потом фактического распорядителя явно не было случайным.

И пожарная охрана, и книжная торговля, и благотворительность...

Итак, Свешников Евгений Павлович, приблизительно 1864 г. рождения, по крайней мере с 1886 г. работает на БГМ, занимает важные посты, а по кончине Детинова в 1913 г. он становится на его место в табели о рангах Глуховской мануфактуры. Ранее, как уже говорилось, кроме всего прочего, Свешников отвечал за пожарную охрану Глуховки, в связи с чем им была даже написана специальная книжка о противопожарной организации¹⁷. А вот начальником Богородского пожарного общества он был как бы по совместительству. В очерке истории Богородского пожарного общества читаем о Свешникове: «Образованный, инициативный, болеющий душой за дело, он приложил много усилий для приобретения пожарного инвентаря, лично принимал участие в обучении пожарных, разрабатывал инструкции и правила по тушению пожаров и должностные обязанности для чинов городской пожарной части»¹⁸. Пожарное дело – важное и отважное. На смотрах пожарных команд (у каждой свой номер и свое знамя!) начальник ехал верхом во главе команды, за ним на линейке – брандмейстер, за тем – трубный ход, багровый ход, бочки с водой. Именно при Свешникове в 1902 г. была введена должность брандмейстера городской пожарной части и в городе появился первый профессиональный пожарный – знаменитый в Богородске С.В. Сальников.

В отличие от предшественника на посту управляющего фабриками Ф.А. Детинова образование у Свешникова было явно «повышенное», на что может указывать, например, следующий факт: еще при Детинове он являлся лично ответственным за такой очаг культуры, как библиотека при фабриках БГМ¹⁹. Показательно и то, что Евгений Павлович владел в Богородске не каким-то, а имен-

но книжным магазином. Местная газета сообщала, что «в магазине Е.П. Свешникова к 1-му августа заготовлены учебники для всех учебных заведений г. Богородска, а также и все письменные принадлежности для учащихся. Магазин открыт от 8 час. утра до 8 час. вечера»²⁰. Интересно, что книжный магазин на этом месте существовал много десятилетий и закрылся сравнительно недавно.

Оставил Евгений Павлович свой след в истории Богородска и по части благотворительности. 8 октября 1893 г. под председательством тогдашнего городского старосты Ф.Ф. Подшивалова прошло учредительное собрание, и в уезде начало свою многолетнюю и плодотворную деятельность Елизаветинское благотворительное общество. Один из его основателей, член Комитета Общества и член-жертвовател, Свешников в декабре 1898 г. на свои пожертвования открывает в центре Богородска детские ясли. Попечительницей их многие годы была его сестра – Анна Павловна Ратклиф²¹.

Являясь видным общественным деятелем города, Свешников играл значительную роль и в создании и деятельности упоминавшейся в начале нашей статьи Богородской старообрядческой общины (1906 г.), одной из самых известных в России, организации отчасти и благотворительной. Он был среди ее учредителей, а затем состоял членом ее Совета, т. е. шел по стопам «двоюродного деда» Федора Яковлевича Свешникова, только в несколько меньших масштабах. Е.П. Свешников достаточно часто упоминается в дневниках служащего Глуховки В.И. Виноградова за 1898–1904 гг.²² Именуется он там, что любопытно, просто «Евгением Павловичем», без фамилии, как и Арсений Иванович, а вообще – крайне немногие из начальства. И важная деталь в рассматриваемом аспекте: в пасхальную ночь крестный ход из старообрядческого храма обязательно шел «к Евгению Павловичу»!

Покровитель спорта

В Компании Богородско-Глуховской мануфактуры на Свешникове лежали не только фабричные заботы, но и, в частности, развитие спорта и вообще «внефабричная» деятельность населения Глухова. И если зачинателем футбольной игры на Глуховке был Ратклиф, то возрождением и развитием после некоторого периода упадка (и даже запрещения) местный футбол обязан ему. В современной публикации это описывается так: «Только в 1910 году с позволения Московского генерал-губернатора на Глуховке была официально создана футбольная команда. Увлечшемуся футболом

сыну управляющего фабриками Богородско-Глуховской мануфактуры Е.П. Свешникова Павлу удалось убедить своего отца, с легкой руки которого возникло общество любителей футбола, созданное исключительно из конторских служащих»²³. А вот некоторые документы по этому поводу. 1 марта 1911 г. Евгений Павлович получает от футболистов-любителей письмо: «Милостивый Государь Евгений Павлович! В прошлом 1910 году уже поздней осенью у нас в Кучине и при фабрике Компании в местности Кавказ собралась группа футболистов свыше 20-ти человек, но дальнейшей разработке и обеспечению нужд для игры в футбол воспрепятствовала наступившая зима и по этому делу пришлось молчать до сих пор. А теперь вот наступившая весна возбудила вопрос поднять с большей энергией. Средства для покупки мяча и других necessities есть – они собраны у нас с членов, входящих в состав этой футбольной команды; но теперь самое главное – это место для игры в футбол. Мы просим Вас, Евгений Павлович, разрешить нам играть на небольшой лужайке при местечке называемом “Бароновский поселок”. Лужайка эта отстоит на очень близком расстоянии как от Кучина, так и от Кавказа и совершенно свободная. Мы, новосоставленная команда – футболисты под именем “Кучинцы-кавказцы”, были бы очень благодарны, если бы Вы удовлетворили покорнейшую нашу просьбу. Остаемся с почтением в ожидании от Вас скорого ответа футболисты “Кучинцы-Кавказцы”»²⁴. Подписали Горяинов Михаил, Свешников Павел, Сумароков Михаил и другие, всего 23 человека. Упомянутые «Кавказ» и «Кучино» – местности, прилегающие к поселку Глухово.

На прошение Свешников ответил положительно, поспособствовал молодым спортсменам (и не только конторским). Это отразилось в документах Глуховского спортивного кружка, в которых речь уже шла не только о футболе, но и о гимнастике, легкой атлетике и «свободном плавании»²⁵. В 1914 г. энтузиасты с помощью уполномоченного кружка коллежского асессора Н.Н. Поплавко и не без участия, конечно, Свешникова уже занимались официальной регистрацией Устава своего кружка-общества. Евгений Павлович был хорошо известен спортивной общественности не только Глухова и Богородска, но и Москвы. Первое Русское Гимнастическое общество «Сокол» в Москве приглашало его, например, «принять участие в качестве судьи при розыгрыше конькобежных состязаний в 1911/12 году». Ему также был вручен Почетный билет, «дающий право бесплатного пользования катком во всякое время»²⁶.

Как помощник (заместитель), а потом и главный администратор Глуховки, Евгений Павлович являлся и устройтелем различ-

ных культурно-спортивных мероприятий. С 1893 г. он – член Богородского клуба велосипедистов²⁷. А это, кроме всего прочего, значит, что ответственность за велотрек в Глухове, один из лучших и вообще немногих в России, тоже лежала на Свешникове. Да что там велосипедный спорт! Он один из первых в губернии перешел на автомобильный! Судя по имеющимся данным, он был страстным автомобилистом, по крайней мере, очень любил автодело. Интересные сведения имеются в связи с этим в Центральном государственном архиве города Москвы (далее – ЦГА Москвы)²⁸. В 1914 г. в огромном Богородском уезде было всего 14 автомобилей, в том числе у Свешникова – «легковой, открытый». Заметим, что у предводителя дворянства Кисель-Загорянского имелось три автомобиля, но это – предводитель дворянства, камергер Высочайшего Двора, действительный статский советник, а потом и рязанский губернатор! А Свешников проделывал в этом смысле трудный путь от коллежского регистратора к титулярному советнику, на чем его карьера на госслужбе и закончилась.

Рядом с Второвым

Необходимо сказать несколько слов о состоянии Свешникова и о недвижимости, которой он владел. Судя по телефонному справочнику Богородско-Глуховской мануфактуры 1905 г., за ним значатся служебный кабинет, квартира и дача. Про дачу в Глухове у нас сведений нет, а про квартиру, т. е. его дом (принадлежал, видимо, мануфактуре, потому и назывался квартирой), скажем, что он был из всех самым близким к конторе предприятия, к кабинету Арсения Ивановича Морозова. Указанная недвижимость, вероятно, Свешникову не принадлежала. Но позднее ситуация стала меняться, он становится значимым собственником. И это обстоятельство оказалось поворотным моментом для семьи.

По-видимому, в 1910-е гг. материальное положение Евгения Павловича укрепилось до такой степени, что он начал приобретать земли и леса в округе Богородска. Во всяком случае, мы знаем, что ему стали принадлежать «дачи» (лесные дачи, т. е. участки леса) в местности, называемой Затишье. Эти участки в довольно скором времени были проданы крупнейшему московскому предпринимателю Николаю Александровичу Второву под постройку новых заводов. Павловопосадский краевед В.Ф. Ситнов со слов своих предков красочно рассказывал о приезде Свешникова на автомобиле в Степурино для покупки лесов в районе нынешней Электростали

(местность там когда-то принадлежала рогожским ямщикам, а потом их потомкам, в том числе степуринским).

Когда началась Первая мировая война и фронту понадобились миллионы снарядов, энергичный Н.А. Второв один за другим возводит снаряжательные заводы, в том числе вблизи Богородска у полустанка Затишье. В огромной промышленной империи Второва руководить этими заводами стал его сын Борис. В том же местечке Затишье Второв начинает строить электрометаллургический завод²⁹. Именно для строительства этих заводов Свешников и продал Н.А. Второву принадлежащие ему («какому-то интендантскому чиновнику», как написано совершенно неграмотно в одной из книжек по истории Электростали) здесь земли. Более того, он способствовал приобретению потом еще дополнительных участков под будущее производство. Кстати, у Второва был заключен договор с Глуховской мануфактурой о поставке металлической стружки и вообще железного лома на завод «Электросталь». Стоит отметить, что отношения Второвых и Морозовых были непростыми: отец Н.А. Второва не всегда отличался купеческой чистоплотностью, а племянник Арсения Ивановича Николай Давыдович Морозов вел суровую борьбу против всяких злоупотреблений в торгово-промышленном мире³⁰. И в том, что во время войны происходит сближение двух мощных купеческих кланов, «виноват» Свешников. И взаимные, конечно, экономические интересы.

Свешников стал настолько тесно работать с Второвым, что в некоторых делах представляет его. Основополагающие документы подписывает сам Н.А. Второв, а некоторые, менее важные, Е.П. Свешников! Так, под «Договором Богородской уездной земской управы с Н.А. Второвым об обеспечении медицинской помощью рабочих, занятых на строительных работах завода “Электросталь”, от 16 июня 1916 г. стоят следующие подписи: «По доверенности контрагента ГАУ Потомственного почетного гражданина Н.А. Второва титулярный советник Евгений Павлович Свешников. Председатель управы И.Н. Лего. Члены: И.В. Леонов и И.И. Брюквин»³¹.

Именно в этот период весьма близкого сотрудничества с Н.А. Второвым, скорее всего, и случилось важное событие в семье Свешниковых. Его дочь Елизавета Евгеньевна выходит замуж за сына Второва Бориса! Елизавета воспитана была, конечно, в старой вере, что, однако, не помешало браку с представителем церкви главенствующей, впрочем, наверняка на тот период от церковной жизни весьма далеким.

Смутное время. В эмиграции

В 1917 г. в прессе и в документах БГМ, хранящихся в ЦГА Москвы, фамилия Евгения Павловича еще встречается. В «Списке лиц, имеющих право участия в Собрании избирателей гласных в Богородскую Городскую Думу на 4-летие с 1917 по 1921 гг.» находим, что в то время Е.П. Свешников владеет в Богородске домом со строениями, стоимость владения 8616 руб.³²

После 1918 г. имя Свешникова исчезает из документов. Мы не знали, что с ним произошло. И вот когда несколько лет назад появилось в интернете первое описание заграничного архива Бориса Второва, мы снова увидели имя Евгения Павловича. Примерно в то же время из «Воспоминаний» знаменитого русского философа Н.О. Лосского становится известно, что в 1920-х гг. в Чехословакии, в городе Збраславе (ныне район Праги), его семья проживала в одном доме с семьей «московского промышленника» Е.П. Свешникова. Вот что пишет философ: «С весны 1924 г. до осени 1925 г. мы жили в Збраславе; затем с весны 1926 г. до весны 1928 г. опять поселились в Збраславе. <...> В Збраславе мы жили на набережной Влтавы в доме, принадлежавшем Ф. Прохазке. Часть нижнего этажа была отдана под ресторан, а остальные комнаты сдавались внаем, так что дом этот был подобием отеля и назывался “Velka Hospoda”. В “Velka Hospoda” комнаты сдавались по цене сравнительно дешевой, и многие русские эмигранты перебивали в нем: кроме нас, там в различные периоды жили инженер-путеец Николай Николаевич Ипатьев (в доме которого в Екатеринбурге был убит Государь Николай II и его семья) с женою, московский промышленник Евгений Павлович Свешников с семьей, проф. Ефим Лукьянович Зубашев с женою, В.В. Водозов с женою Ольгою Александровною (дочерью профессора Введенского), проф. А.В. Флоровский с женою, генерал С.А. Щепихин с женою и сыном»³³. Далее Лосский кратко говорит о так называемых Збраславских «пятницах»: «В Збраславе во время квартирного кризиса жило много русских эмигрантов. Потребность в общении привела к тому, что установился обычай собираться еженедельно по пятницам в 5 вечера в “Velka Hospoda”. В хорошую погоду собрания эти происходили в саду под высокими развесистыми деревьями. <...> В дурную погоду собрания переносились в зал ресторана. Збраславские «пятницы» приобрели большую популярность. На них приезжали русские также из Праги, так что число участников доходило иногда до ста человек...»³⁴. Уже в другом источнике также находим фамилию Е.П. Свешникова среди участников этого сообщества – В.Ф. Булгакова, М.В. Васнецо-

ва, Н.Н. Ипатьева, Н.О. Лосского, П.П. Потемкина, Н.С. Тимашева, В.В. Стратонова и других.³⁵

Мы пока не знаем, где и когда нашел последний приют Евгений Павлович. На Сент-Женевьев его нет. В некрополе русской части Ольшанского кладбища в Праге значатся Свешниковы Мария (1871–1927) и инженер Андрей Евгеньевич (1898–1975)³⁶. Про Марию можно только гадать, а Андрей – явно сын, место рождения у него обозначено Москва, в реальности же, скорее всего, это Глухово.

Во французском архиве зятя Евгения Павловича Бориса Второва хранятся письма и некоторые документы Свешникова³⁷. В частности, одно из дел 1922–1933 гг. на 50 листах содержит переписку Б.Н. Второва с семьей Свешниковых, письма Бориса Елизавете Евгеньевне Свешниковой-Второвой, письма Е.П. Свешникову, письма Софье Свешниковой (трудно сказать, кто это, возможно, дочка) и С.И. Второвой. В другом деле хранятся письма Е.П. Свешникова Б.Н. Второву (1919–1933 гг., 63 листа). Они еще ждут своего исследователя и обещают много открытий. Но уже из описи архива можно понять, что переписка двух деятелей и родственников закончилась в 1933 г. Скорее всего, переписка шла между Прагой, где, по-видимому, продолжал жить Свешников, и Парижем, где жил Второв. Роковой 1933 год, наверное, означает кончину пражского адресата, т. е. Евгения Павловича.

Так, далеко от Москвы и Богородска-Ногинска закончилась жизнь представителя старообрядческой купеческой династии Свешниковых, человека больших способностей, широкой души и разнообразных устремлений.

Примечания

¹ См.: *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005; *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История, культура, святыни. М., 2011.

² ЦГА Москвы. Ф. 54. Оп. 104. Д. 22. Л. 1 об.

³ История [Электронный ресурс] // Московское Областное отделение ВДПО. URL: <http://www.movdpo.ru/history.html> (дата обращения: 25.01.2014).

⁴ Московский некрополь. Т. 3 (Р–Я). Издание Великого Князя Николая Михайловича. СПб., 1908.

⁵ *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр... С. 93, 106.

⁶ *Юхименко Е.М.* Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М., 2013.

- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 61.
- ⁹ Там же. С. 65.
- ¹⁰ *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. С. 24.
- ¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 89. Д. 29. Л. 12–16. Цит. по: Богородский край. 1996. № 3. С. 18.
- ¹² Там же. С. 21.
- ¹³ Там же. С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ Там же. С. 22.
- ¹⁶ *Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 21.
- ¹⁷ Противопожарная организация при фабрике Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. Богородск, 1906.
- ¹⁸ *Егорова Д.* Реферат о пожарной безопасности и пожарной охране [Электронный ресурс] URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-195562.html> (дата обращения: 25.01.2014).
- ¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 375.
- ²⁰ Богородская речь. 1911. 31 июля.
- ²¹ Отчет Богородского комитета Елизаветинского благотворительного общества за 1900 г. Богородск, 1901.
- ²² Дневник Василия Ивлиева Виноградова. 1-е марта 1897 года – 29-е января 1910 года / Сост. С.А. Виноградов. М., 2012.
- ²³ *Петрова Е.В.* 100 лет богородского футбола [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФК «Спартак» Тамбов. URL: <http://www.spartak-tmb.com.ru/books/petrova-ev/neozhidanno-radost-moya> (дата обращения: 25.01.2014).
- ²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 711. Оп. 9. Д. 40. Л. 1–2.
- ²⁵ Там же. Л. 1–19.
- ²⁶ Там же. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 126. Д. 134. Л. 2.
- ²⁸ Там же. Ф. 487. Оп. 2. Д. 11. Л. 156–156 об. Список открытых и закрытых легковых автомобилей: Торпедо, Дубль-фаэтонов, лимузинов, Ландоле и грузовиков, находящихся в Богородском уезде.
- ²⁹ *Дроздов М.С.* Некоторые сюжеты из истории семьи Н.А. Второва и его самого // Первая научно-практическая конференция «Второвские чтения». Доклады. Электросталь, 2009. С. 22.
- ³⁰ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 693, 720.
- ³¹ ЦГА Москвы. Ф. 12. Оп. 2. Д. 299. Л. 23.
- ³² Московские губернские ведомости. 1917. 21 янв. № 6.
- ³³ *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / Предисл. и примеч. Б.Н. Лосского. М., 2008.

³⁴ Там же.

³⁵ Русские литературные кружки и объединения в Чехословакии (1922–1940) [Электронный ресурс] // Russia Abroad / Русская Эмиграция. URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/ruslitorg_cz.htm (дата обращения: 25.01.2014).

³⁶ Список захоронений на православном участке Ольшанского кладбища: С [Электронный ресурс] // Сайт Русской диаспоры в Чешской Республике. URL: <http://www.ruslo.cz/olsany/s> (дата обращения: 25.01.2014).

³⁷ Recueil. Archives de Boris Vtoroff [Электронный ресурс] // Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine. URL: http://www.bdic.fr/pdf/Vtoroff_Boris.pdf (дата обращения: 25.01.2014).

Э.Г. Истомина

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ОХРАНЫ

Статья посвящена лесному фонду, игравшему значительную роль в социоэкономической и культурной жизни России в XIX – начале XX в. В этот период государственные и частные леса полностью превратились в «доходное имущество», потребление которого (без учета каких-либо этико-правовых норм) нарастало стремительными темпами. Проанализирован процесс формирования законодательной базы в сфере разработки основ управления лесным хозяйством и государственной экологической политики. Особое внимание уделено знаменательному событию в истории лесного хозяйства России – обнародованию в 1888 г. Положения «О сбережении лесов» – знаменитого Лесоохранительного закона.

Ключевые слова: лесной департамент, корпус лесничих, лесные ресурсы, лесистость, лес как «доходное имущество», Лесоохранительный закон.

Лес в России всегда являлся природным ресурсом, располагавшим огромными потенциальными возможностями и заключающим в себе значительные социоэкономические и социокультурные функции. Во многих регионах уровень лесного хозяйства выступал своеобразным критерием состояния различных сторон общественной жизни, т. е. был фактором, определяющим не только качество и степень жизнеобеспечения, но и мировоззренческую шкалу ценностей, специфические интересы отдельных слоев и групп общества. В.О. Ключевский писал: «Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Лес был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины. <...> Лес оказывал русскому народу разнообразные услуги – хозяйственные, политические, даже нравственные...»¹. Тем не менее, лесное хозяйство как одна из важнейших составляющих экономики и природополь-

зования в России XIX – начала XX в. – сложная и слабоизученная проблема с множеством «белых пятен».

Конкретная история лесного хозяйства, ее экологические стороны, влияние леса на общество нашли отражение главным образом не в трудах историков, а у дореволюционных специалистов лесного дела – экономистов, юристов, практиков-лесоводов, ученых-естествоиспытателей, чьи работы были подчинены решению многих острых моментов современного им «лесного вопроса»².

В советской историографии основное внимание историков акцентировалось на изучении леса как промышленной отрасли (лесоразработка, лесоторговля и т. п.)³. Тема леса как феномена российской действительности в той или иной мере затрагивалась в общих работах о сельском хозяйстве, поземельных отношениях, об аграрной политике⁴. Особняком стоит работа экономгеографа и картографа М.А. Цветкова, собравшего многочисленные свидетельства о площади лесов в России и ее эволюции⁵.

Накопление научно-практических знаний о лесах началось в первой трети XVIII в. Оно связано прежде всего с именем Петра I и имело отношение в основном к заповедным лесам, необходимым для строительства флота. Статистика лесного хозяйства стала приобретать свое истинное значение лишь после выхода в свет в 1798 г. первого сводного труда – «Краткой российской дендрологии, или Общих правил о российских лесах, в пользу любителей лесоводства изданных». Но лишь к 50-м гг. XIX столетия известному экономисту Л.В. Тенгоборскому удалось представить довольно широкую характеристику лесов России, обобщить сведения о лесистости, рассмотреть лесной фонд в качестве природного ресурса, занимавшего особое место в российской экономике⁶. По данным Тенгоборского, Россия являлась самой лесистой страной в Европе, за исключением небольших государственных образований (герцогство Нассауское, Великое герцогство Баденское и Гессен-Дармштадское). Однако нельзя было назвать ни одной европейской страны, кроме России, где имелись огромные, в том числе и населенные, пространства, совершенно лишенные лесов. В Европейско-Уральской зоне, где проживало три четверти населения, находилось всего около четверти лесного фонда. Громадные степные площади были также лишены лесной растительности. По состоянию на 1796 г. из общей площади губерний Европейской России в 485 465 тыс. га лес занимал 217 322 тыс. га (44,76 %), пашня – 81 359 тыс. га (16,76 %). Остальная территория находилась под сенокосами, пастбищами, неудобьями и пр.⁷

В начале XIX в. в Архангельской, Вятской, Олонецкой, Костромской, Пермской и Новгородской губерниях лес занимал

более половины территории, а в Вологодской – более $9/10^8$. Если бы лесные ресурсы имели равномерное пространственное распределение, то исходя из средних цифр – 3 дес. леса на человека Россия действительно могла бы считаться самой лесистой страной. Однако в Пермской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях на одного человека приходилось от 12 до 110 дес., а во многих губерниях эта цифра не дотягивала и до одной десятины. В Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях имелось 42 млн дес. леса, не тронутого человеком. Значительными массивами лесов были известны Минская, Виленская, Гродненская и Волынская губернии. Крупные лесные ареалы располагались по отдельным уездам Санкт-Петербургской, Белорусской, Нижегородской, Рязанской, Пензенской и ряда других губерний.

К безлесным губерниям относились Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии и Бессарабская область, а также губернии Ставропольская, Воронежская, Саратовская, Астраханская и Область Войска Донского. Однако в строгом смысле назвать эти территории не имеющими лесного покрова нельзя – в ряде уездов площадь лесов достигала 6 %. Чаще всего незначительные массивы этих лесов располагались по берегам рек Волги, Дона, Днепра, Буга, Днестра и их притоков, по Южному берегу Крыма, хотя остальная часть пространства была совершенно безлесной. Подобные территории (безлесные) составляли $1/5$ площади всей Европейской России⁹. Сравнение российских лесных площадей с площадями других государств свидетельствовало о том, что Россия действительно более всех была наделена лесами: в ней они занимали 36 % всего пространства, в Австрии – 35, Пруссии – 21, Франции – 16, Англии – 5. В одной лишь Вологодской губернии лесов в шесть, а в Архангельской – в пять раз было более, чем в Пруссии.

Однако в XIX столетии на территории Русской равнины началось стремительное обезлесевание, происходившее по ряду причин и разными темпами. Прежде всего, сокращение площади лесов было непосредственно связано с изменением состава земель других категорий и особенно ростом пашни. Она на рубеже XVIII–XIX вв. в Европейской России составляла всего 8 % всей площади, прочие сельскохозяйственные угодья, включавшие луга, выгоны, огороды и усадьбы, – около 17, неудобья – более одной четвертой части, леса – 50 % от всей площади¹⁰. Расчистка леса под пашню являлась логическим следствием роста населения. При неизменном уровне сельскохозяйственного производства, чтобы существовать, нужно было переселяться или освобождать землю под пашню.

Сложный процесс освоения лесных земель зависел от комплекса природных и социоэкономических факторов. В XVIII в. наступление на лесные земли уже заметно обозначилось в Санкт-Петербургской, Псковской, Калужской, Рязанской и особенно в Тверской губерниях. В первой половине XIX в. сведение лесов продолжилось еще более быстрыми темпами, захватив также губернии Смоленскую, Тульскую и Ярославскую¹¹. Известный статистик К.И. Арсеньев в 1848 г. писал о систематическом обращении лесных районов в сельскохозяйственные (пашню, сенные покосы и пастбища)¹².

При плотности населения в центральных губерниях не выше 25–30 человек на 1 кв. км, которая была достигнута к середине второй половины XIX в., увеличение пахотного клина являлось необходимостью. И если пашня в ряде мест и сокращалась по причине отвлечения части рабочей силы из деревни в город, то увеличивалась в значительных размерах площадь кормовых угодий (сенокосов, выгонов), что также отражалось на сокращении уровня лесистости¹³. Тысячи десятин леса «съедала» горнозаводская промышленность Урала, стремительными темпами росло использование леса при строительстве городов, огромное его количество шло на топливо, на военное и гражданское судостроение, наконец, на экспорт. Почти не поддавались подсчету ежегодные потери леса от самовольных порубок и пожаров.

К концу 80-х гг. XIX в. леса в 60 губерниях Европейской России (включая Привислинский край) занимали площадь в 154 041 000 дес. (при населении в 90 млн чел.). Лесистость определялась в 35 %. На одного жителя приходилось 1,7 дес. леса. Через 20 лет, к 1907 г., население выросло до 122 млн чел., а лесная площадь уменьшилась до 143 427 000 дес. (т. е. было потеряно около 11 млн дес.). Статистики считали, что лесистость на этот период составляла 32 % (1,17 дес. леса на одного жителя)¹⁴. Однако подобные цифры не отражали действительной картины обеспечения лесом¹⁵. Первое впечатление, что Россия являлась страной с хорошо облесенной территорией, исчезало при сравнении условий произрастания русских лесов с зарубежными. Так, основной лесной пояс России располагался севернее лесов США и осваиваемых лесов Канады и, находясь в более континентальных и экстремальных природных условиях, значительно уступал им по продуктивности. Более половины лесов Сибири и Дальнего Востока произрастали на почвах с вечной мерзлотой, с древостоями низкой продуктивности, не представляющей коммерческой ценности для лесной промышленности. Вегетационный период произрастания русских лесов был короче, чем в Западной Европе; для получения известного количества лес-

ных материалов в России нужны были более обширные площади и требовались более длительные сроки для созревания лесов, чем это наблюдалось во Франции или Германии. Кроме того, сохранение за лесами способности возобновления нуждалось в приложении таких значительных усилий по лесоустройству, о каких не знали за границей.

Вопрос о лесистости не был праздным или сугубо научным. Процентное соотношение лесов и земельной площади, пашни и прочих угодий имело особое практическое значение. Основные принципы правильного лесоустройства упирались также в проблемы лесной собственности и ее охраны. Указ Екатерины II от 22 сентября 1782 г. разделил весь лесной фонд на две четко различимые категории: леса государственные и леса частные¹⁶. Обширность казенных лесов и особая значимость их для важнейших отраслей производства потребовали и создания особого аппарата управления ими. Если петровские указы заложили нормативно-ценностный комплекс понятий о том, что лес прежде всего служит удовлетворению государственных нужд, чем полностью уничтожался тезис о финансовом значении лесных ресурсов для лесовладельца, то правительство Екатерины II способствовало распространению нового взгляда на лес как на «доходное имущество». Окончательное представление о лесе как об источнике дохода утвердилось с момента, когда Лесной департамент, созданный в 1798 г. в составе Адмиралтейств-Коллегии и распространявший власть на все государственные леса, в 1802 г. был передан в ведение Министерства финансов. Тогда же произошло и другое важное событие – издание Устава о лесах, вводом которого правительство собиралось решить три проблемы: упорядочить управление лесными ресурсами; определить возможности получения максимальной прибыли в тех местах, где отмечалось еще их изобилие, и наметить систему мер для предотвращения сокращения лесных площадей. На практике вышло все по-иному: Лесной департамент шаг за шагом терял власть над многими лесами, которые в силу разных факторов постепенно переходили в пользование и управление различных ведомств (Департамента уделов, Экспедиции Кремлиевского строения, Адмиралтейства, Горного департамента и др.). Государственные леса подлежали хозяйственному устройству, эксплуатации и охране как имущество казны. Над частновладельческим лесным фондом не устанавливалось никакого государственного контроля, что «открывало шлюзы» для полного произвола хозяев в этом виде собственности. Постепенно в силу различных причин и условий появились леса общего владения с государством и леса, в которых

казна имела какой-либо «сервитут» (право, обязательство), а также леса различных юридических лиц, которые получали лесные площади в качестве «имущества» для использования в определенных целях. К последним право государственного вмешательства нередко оспаривалось.

В 1826 г. было утверждено Положение «о новом устройстве лесной части», действия которого распространялись на территорию всей страны, за исключением Курляндии, Белостокской и Бессарабской областей, Грузии и Сибири. Основу лесной политики составила идея раздробления лесного управления на ведомства, эксплуатирующие государственные леса. Наиболее последовательный выразитель «финансово-фискального» отношения к лесному фонду министр финансов Е.Ф. Канкрин считал, что лучшее сохранение и эксплуатация государственных лесов могут осуществляться «через представление их в непосредственный присмотр тех ведомств и заведений, для продовольствия и пользования коих они предназначены, в убеждении, что собственные выгоды побудят их пецись о сбережении сих лесов, составляющих их условную собственность»¹⁷.

Стремление получать максимальную прибыль от использования лесов заставляло государство предпринимать попытки усовершенствования управления ими. Актуальность этого объяснялась и тем, что количество различных видов лесов (в связи с множеством категорий постоянных и временных владельцев) имело тенденцию к увеличению. Так, уже к концу 30-х гг. XIX в. в юридической практике бытовали следующие виды лесов: леса государственные, леса корабельные, леса государственных крестьян, леса, приписанные к заводам, фабрикам, различным промыслам, леса городские, леса частные, колонистов, военных поселений, леса удельного, духовного ведомств, арендные и старостинские, поизуитские и ленные леса, а также общие, въезжие и спорные леса¹⁸.

Управление лесным хозяйством у каждого владельца имело свою специфику. Так, крестьянские леса как особый объект обозначились в период Генерального межевания – это были лесные площади на землях, отмежеванных к дачам селений государственных крестьян. Постепенное наделение государственных крестьян землей, а следовательно, и лесными угодьями, осуществлявшееся на основе ряда постановлений (19 января 1804 г., 24 мая 1805 г., 12 октября 1811 г. и 19 июня 1826 г.), привело к необходимости создания основ управления крестьянскими лесами¹⁹. Об обеспечении государственных крестьян лесом на местах заботились казенные палаты, при которых были созданы особые лесные отделения под

попечительством губернского или старшего лесничего. При Архангельской казенной палате с 1830 г. находилась еще и особая контора для управления казенными Онежскими лесопильными заводами. С учреждением Министерства госимуществ в 1837 г. все крестьянские леса на одинаковом основании с прочими государственными были переданы в его ведение. Радикальные перемены в крестьянском лесном хозяйстве наступили после 1861 г. Указ от 24 ноября 1866 г., определивший основные принципы поземельного устройства бывших государственных крестьян и Правила о владенных записях от 31 марта 1867 г., изменили ситуацию. Крестьянам, получившим земельные наделы, куда вошли и лесные площади, были предоставлены права собственников. За этим последовали передача наделных лесов в распоряжение крестьян, снятие надзора государственного лесного управления и прекращение всякого участия казны в удовлетворении лесными материалами бывших государственных крестьян, получивших лесные наделы²⁰.

Удельные крестьяне пользовались лесами из удельных дач до 1835 г. бесплатно, а затем вплоть до своего освобождения по Положению 1863 г., определившего устройство удельных крестьян, леса из состава их земельных наделов исключались²¹.

Помещичьи крестьяне пользовались лесами своих владельцев на разных условиях. В имениях на оброке для крестьян не существовало никаких механизмов эксплуатации лесных угодий. Во владениях, где процветала барщина, помещики нередко выступали в роли лесопромышленников. Однако в целом до реформы 1861 г. помещичьи крестьяне бесплатно пользовались лесами своих хозяев. По положению 1861 г. из крестьянских наделов леса исключались. Лишь в наиболее лесистых уездах нечерноземных губерний с наивысшими нормативными пределами крестьянских наделов (от 4,5 до 7 дес. на душу) они оставались в постоянном пользовании помещичьих крестьян (в счет и до размеров начисленного им надела). Однако и в этом случае были определенные ограничения – если лес находился не слишком близко к городу, к железной дороге, речному пути и т. п.²²

В целях эффективности контроля за использованием лесных ресурсов казенные леса в губерниях с 1826 г. разделялись на округа (во главе с окружным лесничим и его помощниками), лесничества, лесные участки, объезды и обходы. Округ, смотря по количеству лесов и по мере ежегодного отпуска на продажу, мог охватывать один-два или несколько уездов и делился на лесничества (форсты) и лесные участки (унтер-форсты). Под началом этих формируемых учреждалась лесная стража, состоявшая из лесных объездчи-

ков, сторожей, семейств постоянной лесной стражи, которые обычно назначались на наиболее значимые казенные дачи и заказные рощи. Самую низкую ступень лесной стражи в казенных лесах занимали полесовщики и пожарные старосты, которых набирали из государственных крестьян. Для освидетельствования проплываемых по рекам судов с древесиной и лесных плотов были учреждены лесные заставы в Архангельске, Шлиссельбурге, Рыбинске и Сермаксе (при впадении реки Долгой Свирицы в Свирь). В 1852 г. в качестве отделения Архангельской лесной заставы была открыта еще одна застава при селении Усть-Пинега.

Корабельные леса после издания проекта «Устава о корабельных лесах» в 1817 г. стали подчиняться правлениям специальных округов: Низового (с центром в Казани), Северного (в Архангельске) и Западного, впоследствии Балтийского (в Вытегре), находившихся в ведении Морского министерства. 3 декабря 1828 г. последовало в морском ведомстве учреждение департамента корабельных лесов, который и стал главным распорядителем лесных ресурсов (лесоустройство, заготовка древесины и мачтовых деревьев, идущих к портам). Под его началом находились и правления округов²³. В 1853 г. все корабельные леса передали в Лесное управление Министерства государственных имуществ. Корабельные леса разделялись на дикорастущие и корабельные рощи, управление которыми ряд лет ориентировалось на положения «Инструкции для устройства корабельных рощ», принятой в 1860 г. Однако с 1876 г. в Лесном уставе в разряде государственных лесов корабельные леса уже не выделялись. Строительство морского флота, следуя техническому прогрессу, в этот период нуждалось прежде всего в металле. Тем не менее в различных законодательных документах до начала XX в. к корабельным продолжали относить деревья, произраставшие в казенных лесах и имевшие особое предназначение (необходимые для военных нужд, в оборудовании заводов и т. д.).

Управление всеми иными видами лесов (приписанными к заводам, духовного ведомства, въезжими и проч.) также имело свои особенности.

Однако центром управления всеми лесными ресурсами, так или иначе связанными с казной, долгие годы оставался Лесной департамент Министерства финансов. И лишь в 1837 г. все «государственные имущества», в том числе и леса, принадлежащие казне, перешли во вновь образованное (на основании сенатского указа от 26 декабря) Министерство государственных имуществ.

Управление лесными ресурсами было распределено по ряду департаментов. Так, «великороссийские, малороссийские и ново-

российские губернии» были отнесены в ведомство Первого департамента. Леса западных и прибалтийских губерний подчинялись Второму департаменту, в котором лесная часть сосредоточивалась лишь в одном 4-м отделении. Кадровые вопросы, касающиеся «лесных чинов», были поручены Третьему департаменту.

В 30-е гг. XIX в. особую специфику приобрела система охраны казенных лесов (военизация лесной стражи), что существенно отразилось и на управлении государственным лесным фондом в целом. По примеру прусской и саксонской лесных структур был создан корпус лесничих. 12 ноября 1838 г. совет министра государственных имуществ постановил «поставить корпус лесничих на военное положение и для формирования оног... определить при министре государственных имуществ начальника корпусного штаба с дежурным штаб-офицером, двумя старшими адъютантами и нужным числом чиновников для письменных дел»²⁴. Лесная стража – егеря – была снабжена стрелковым оружием. Окончательно Положение о корпусе лесничих было утверждено Николаем I в январе 1839 г. Для заведывания инспекторской частью учредили особое дежурство на правах штаба корпуса (его возглавил генерал-майор Мочульский).

Разделенные по ряду департаментов дела по лесной части в феврале 1843 г. были объединены и составили Лесной департамент, который возглавил флигель-адъютант граф Н.М. Ламздорф. Лесной департамент состоял из шести отделений, чертежной, Лесного аудиториата и специального по лесной части комитета. Особое значение имело 1-е отделение – инспекторское, к ведению которого относились: определение на службу и увольнение офицеров корпуса лесничих; назначение на должности, награды, отпуска; снабжение лесной стражи амуницией, оружием, боевыми припасами, лошадьми; инспекторские смотры. Огромная работа была возложена на кадровый состав 4-го отделения, которое распоряжалось межевыми средствами лесного управления, составляло описания лесов, проводило их таксацию, заботилось о лесоразведении, об отпуске леса из таксированных дач, ведало учебными заведениями по лесной части. При департаменте был создан Специальный лесной комитет для разрешения всех технических вопросов по лесоустройству и лесоразведению, а также для рассмотрения проектов лесных обществ, лесопромышленных товариществ, съездов и пр.

Состав Лесного департамента и в последующие годы вновь подвергался некоторым изменениям: в 1867 г. был упразднен Лесной аудиториат, а корпус лесничих был переведен из военного в гражданское ведомство. В период 1880–1884 гг. в Лесной департамент

передали дела о лесах и прочих госимуществах Польши. Наконец, для проведения в жизнь Положения «О сбережении лесов» от 4 апреля 1888 г. в Лесном департаменте появилось Лесоохранительное управление, в ведении которого находились и губернские лесоохранительные комитеты²⁵.

С начала XX в. число отделений Лесного департамента продолжало увеличиваться. Так, в 1911 г. появилось Лесоустроительное отделение (по исследованию, устройству и надзору за лесами, заложенными в Государственный Дворянский земельный банк), в 1915 г. – Судебно-межевое отделение, Отделение по культурным участкам на Кавказе, Отделение по лесной торговле и статистике и др.

Следует отметить, что на протяжении XIX в. расширялась и деятельность управления лесным хозяйством на местах, повлекшая за собой увеличение корпуса лесничих. Если по состоянию на 1843 г. на службе по корпусу лесничих состоял 771 офицер, то в 1855 г. – 872, в 1867 г. – 959, а к 1880 г. (уже после передачи корпуса в гражданское ведомство) – 1138 «классных чинов» (из них имели специальное лесное образование 864 человека). На местах в 1845 г. были ликвидированы должности окружных лесничих, а для общего надзора за лесничествами определены по губерниям окружные лесные ревизоры, имевшие чины от капитана до подполковника включительно. Все местные лесничие получили одно наименование – лесничие, в помощь которым назначали обученных лесным наукам кондукторов, выпускаемых из егерских училищ, дав им название подлесничих²⁶.

Количество лесничеств по губерниям было различным, оно диктовалось размерами лесных площадей и плотностью населения. При этом резкие несоответствия между этими показателями встречались весьма часто. Не менее чем в 25 губерниях можно было назвать примеры, когда в одних уездах на одного жителя приходилось леса в 10 раз больше, чем в других²⁷.

Следует отметить, что значительное количество видов лесов, образовавшихся на протяжении XVIII–XIX вв., практически принадлежало государству. К началу 1881 г. лесов, которыми располагала казна, числилось 123 млн 315 тыс. дес.²⁸ К ним помимо лесов государственных крестьян относились леса общего владения с казной, леса юридических лиц, которым выделялись лесные площади для определенных целей (например, леса посессионные, приписанные к различным заводам и фабрикам или отданные монастырям для пользования, но с сохранением их общей массы и пр.). Управление, охрана, устройство всех вышеназванных лесов имели в каждом отдельном случае свою специфику, которая, в первую

очередь, зависела от фактического, а не юридического владельца. При этом общая государственная система управления и контроля за использованием лесными ресурсами, а также порядок распоряжения различными категориями лесных массивов, материальная, административная и уголовная ответственность за нарушение пользования лесами продолжали изменяться и корректироваться на протяжении всего XIX столетия.

Однако несмотря на все усовершенствования лесного управления как в центре, так и на местах масштабы лесоистребления нарастали быстрыми темпами. После реформы 1861 г. неконтролируемые вырубki лесов несколько затормозились – для этого трудоемкого процесса не стало дарового труда крепостных крестьян, и одновременно у помещиков появились деньги в виде выкупных платежей. Но прошло несколько лет, и нарастание темпов промышленного переворота – строительство железных дорог, внедрение парохозяйства, рост промышленности и городского населения, усиленная распродажа помещичьих лесов – многократно увеличило лесоистребление. Сокращение лесных площадей, особенно в частных лесах, достигло невиданных размеров. Дополняли эту безрадостную картину ежегодные пожары на тысячах десятин лесных площадей. Казенные, удельные, помещичьи и крестьянские леса горели в центральных, северо-западных, северных уездах и в Сибири, о чем постоянно сообщала пресса. Проблема сохранения лесного фонда постепенно переросла ведомственные рамки и превратилась в общегосударственную. В 1864 г. Александр II предложил министру госимуществ А.А. Зеленому обсудить вопрос о сбережении владельческих лесов и наметить радикальные меры по их охране. С этого времени начался отсчет разработки лесоохранительного законодательства, затянувшегося на долгие годы.

Лишь спустя почти десять лет, в 1875 г., министр госимуществ П.А. Валуев представил в Комитет министров проект «Положения о сбережении лесов», имевших государственное значение. Одним из сложнейших вопросов оказалась разработка форм и норм охраны общинных и помещичьих лесов. В итоге дискуссии, связанные с различными определениями законодательства, не позволили окончательно утвердить документ. В результате «Положение о сбережении лесов» (Лесоохранительный закон) было опубликовано лишь 4 апреля 1888 г. с последующими к нему дополнениями (26 декабря 1888 г., 30 ноября 1890 г., 1 мая 1892 г., 12 марта и 22 апреля 1893 г. и 18 марта 1894 г.)²⁹. Положения закона охватывали леса всей Европейской части России (включая Кавказ), кому бы они ни принадлежали – казне, частным лицам, обществам и пр. Его содер-

жание сводилось к следующему: запрещение опустошительных рубок, превращающих леса в пустыри; запрещение расчисток лесной почвы без достаточных на то оснований; полное подчинение лесохозяйственным правилам дач, признанных особо важными для государства и общества (защитные и водоохранные леса). Вне закона оставались лишь территории, богатые лесными ресурсами, и леса, переданные крестьянам для увеличения их сельскохозяйственных угодий.

В каждой губернии создавались лесоохранные комитеты из 9–11 членов – представителей губернской администрации, деятельность которых была в первую очередь связана с контролем, нацеленным на осуществление закона 1888 г. При этом для исполнения всех законодательных требований Лесной департамент Министерства земледелия и госимуществ выработал ряд мер содействия лесовладельцам: 1) освобождение от государственных и земских земельных налогов всех защитных лесов и лесных площадей, занятых искусственно разведенными лесонасаждениями в течение 30 лет со времени посадки леса (если взамен этих площадей не были произведены расчистки); 2) устройство защитных лесов за счет государства; 3) установление почетных наград по лесному хозяйству для лесных техников, корпуса лесничих, заведующих частными лесами и для лесных сторожей в частных имениях; 4) содействие частному лесному хозяйству предоставлением права пользования казенными лесными техниками для осмотра лесов, советов, руководства и исполнения хозяйственных работ по устройству лесов и лесонасаждений с льготным отпуском для последующего культурного материала из казенных питомников; 5) содействие лесоразведению предоставлением на льготных условиях большей части необходимых для того средств из капитала выдачи ссуд на сельскохозяйственные улучшения. Но по закону 1888 г. Лесной департамент имел право отчуждения защитных лесов, находившихся в частном владении, в том случае если владелец отказывался проинвестировать в этих лесах работы, необходимые для сохранения или восстановления защитности³⁰.

Лесоохранительный закон ориентировал лесное хозяйство на прогрессивный путь развития, ставя главной целью сохранение леса на малолесных территориях и всячески способствуя его возобновлению. Закон вступил в силу на площади свыше 33 млн дес. Площадь защитных лесов составляла 376,7 тыс. дес., из которых 78 % приходилось на частновладельческие леса. К водоохранным было отнесено 369 133 дес. государственных лесов и 2,9 млн дес. частновладельческих, крестьянских, различных обществ и т. п.³¹

На практике воплощение Лесоохранительного закона в жизнь столкнулось со множеством трудностей. Основной принцип закона – сбережение лесов от истощения и истребления – требовал правильного лесоустройства и жесткого нормирования в эксплуатации частных лесов, контроля над ними, что вызывало протесты и сопротивление лесовладельцев. Преодолевать эти препятствия у лесных чиновников не было ни времени, ни средств. На местах же земские начальники и становые приставы, так или иначе причастные к «лесному вопросу», ни имея никаких стимулов, были совершенно глухи к тому, что творилось в лесах. Препятствовало проведению закона в жизнь и отсутствие сведений о многих лесах. Так, на Севере Европейской России оставались неизученными 66 % лесной площади, на Кавказе – 92 % и даже в центральных губерниях – свыше 20 %. Известный лесовод Д.С. Шилкин подчеркивал: «У нас, в России, при ее обширном пространстве, разнообразии физических условий, при отсутствии целостности в этнографическом составе населения, при громадной разности в условиях его быта, материальных и духовных ценностях менее, чем где-либо, возможно применять к жизни нормы, созданные кабинетным путем или рассчитанные сообразно условиям ограниченного района. Лесоохранительный закон может представляться идеальным с точки зрения Екатеринославской губернии, где каждое срубленное дерево необходимо лелеять. <...> Между тем закон этот распространен не только на Екатеринославскую и сходные с ней по условиям произрастания леса губернии, но и на все другие, в том числе на Костромскую, где лес растет без всякого ухода...»³². Во многих губерниях неустройство лесов было вопиющим. Сказывался и тот факт, что действия лесного ведомства многие десятилетия были направлены на осуществление политики, в основном нацеленной на получение высокого дохода с государственных лесов без затраты особых средств на их устройство и рациональную эксплуатацию. Так, чистый доход от казенных лесов в 1886 г. составлял 8,3 млн руб.; в последующие годы он продолжал быстро расти, и к 1906 г. эта цифра уже выразилась в более чем 47 млн руб., т. е. за 20 лет чистый доход увеличился в пять раз и стал заметной величиной в двухмиллиардном бюджете страны. Доход повысился на 401 %, а расходы были минимальными³³.

Неудачи с осуществлением на практике Лесоохранительного закона потребовали его постоянной доработки. Тем не менее он явился одной из радикальных мер, направленных на рационализацию управления лесным хозяйством. Самые существенные моменты его влияния на природопользование в России были связаны с внедрением лесоохранительных и в целом экологических воззрений

в общественное сознание. На рубеже XIX–XX вв. закон послужил импульсом для развития научно-теоретических основ лесоведения (создание Г.Ф. Морозовым «Учения о лесе», работы Ф.К. Арнольда, Г.Н. Высоцкого, М.М. Орлова и др.). Достоянием широкой общественности стали труды В.В. Докучаева, много сделавшего для пропаганды экологических идей, заложивших методику исследований в сфере природопользования. В научный и практический опыт было введено понятие «памятники природы». Ввиду сложных и значительно расширившихся задач, стоявших перед государственным лесным хозяйством, особенно остро встала проблема собственности лесов, которая была тесно связана с их охраной и эксплуатацией. Она со всей очевидностью обозначилась уже в начале 1900-х гг., когда в аграрной сфере наметилось нарушение прежнего равновесия (революция 1905 г., последствия Столыпинской реформы). Проблемы лесосохранения и лесоустройства оказались оторванными от житейской практики, от конкретного лесопользования. Несмотря на то что около двух третей лесной площади являлись собственностью казны, по своей действительной стоимости они уступали частновладельческому, удельному и крестьянскому, так как значительная часть их территории приходилась на труднодоступные места, на заболоченные участки тундры и эксплуатация их была практически невозможна. Более двух третей казенного леса находилось в северных губерниях, где частные лесовладения составляли всего 4 %. Осложняло развитие правильного лесоустройства и лесоохранных мероприятий и наличие мелкой собственности на лес. Дебатировались предложения о скупке казной частных лесов, что широко практиковалось в западноевропейских странах. Но острый финансовый дефицит препятствовал этому. В преддверии назревавших революционных событий на страницах прессы, в лесоводческой литературе, в выступлениях представителей общественных организаций, на съездах лесоводов разгорались бурные дискуссии и шли лавиной различные предложения о том, как распорядиться судьбой русского леса. Законодательное и социальное разрешение этой важнейшей российской проблемы обозначилось лишь в 1918 г.

Примечания

¹ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 83.

² См.: *Врангель В.В.* Лесные законы Российской империи с присоединением истории корабельных лесов. СПб., 1841; *Шелгунов Н.В.* История русского законодательства. СПб., 1857; *Ведров С.* О лесосохранении по русскому праву. СПб.,

- 1878; *Арнольд Ф.К.* История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895; *Он же.* Русский лес. Т. 1–3. СПб., 1890–1891; *Энгельгардт А.П.* О лесном хозяйстве в Европейской России. СПб., 1904; *Гершман И.* Очерк истории лесовладения, лесной собственности и лесной политики в России // *Лесной журнал.* 1911. Вып. 3, 4; *Денисов В.И.* Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911; *Соболев А.Н.* Основы лесоохранения в России. СПб., 1911, и др.
- ³ См.: *Цейтлин М.А.* Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М., 1968, и др.
- ⁴ См. работы Н.М. Дружинина, А.М. Анфимова, П.А. Колесникова, Е.И. Индовой, В.А. Федорова, Л.В. Милова, статьи и тезисы докладов и сообщений в трудах Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории Восточной Европы.
- ⁵ *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.
- ⁶ *Тенгоборский Л.В.* О производительных силах России. Ч. 1. М., 1854. С. 191–194.
- ⁷ *Цветков М.А.* Указ. соч. С. 114.
- ⁸ *Жебенко Ю.* О лесах и лесном хозяйстве России. СПб., 1862. С. 4.
- ⁹ Там же. С. 3–4.
- ¹⁰ *Цветков М.А.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ *Осипов В.В., Гаврилова Н.К.* Аграрное освоение и динамика лесистости Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1983. С. 30–31.
- ¹² *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.
- ¹³ *Михайлов И.С.* Исторические аспекты использования земель некоторых районов Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1977. С. 62–71.
- ¹⁴ *Орлов М.М.* Основы лесоохранения в России. Доклад Всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев для обсуждения Лесоохранительного закона. СПб., 1911. С. 5.
- ¹⁵ В этот период большинство европейских стран, за исключением Финляндии и Швеции, не отличались высокой лесистостью: в Австрии – 31,7 %, Германии – 28,8 %, Франции – 17,9 %, Италии – 14 %. См.: *Энгельгардт А.П.* О лесном хозяйстве в Европейской России. СПб., 1904. С. 6.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. С. 676. № 15518.
- ¹⁷ Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб., 1898. С. 69–70.
- ¹⁸ *Шелгунов Н.* Указ. соч. С. 360.
- ¹⁹ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 14.
- ²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLVIII. Отд. 1. СПб., 1876. С. 834. № 52379.
- ²¹ *Гершман И.* Указ. соч. С. 509–510.
- ²² Там же.
- ²³ *Арнольд Ф.К.* История лесоводства в России, Франции... С. 254–255.

- ²⁴ Там же. С. 267.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 275–276.
- ²⁷ *Генко Н.К.* К статистике лесов Европейской России. СПб., 1888. С. 12–14.
- ²⁸ *Собичевский В.Т.* Лесное дело в царствование императора Александра III // *Лесной журнал*. 1891. Вып. 6. С. 546–547.
- ²⁹ *Соболев А.Н.* Указ соч. С. 156.
- ³⁰ *Орлов М.М.* Указ. соч. С. 33–35.
- ³¹ *Собичевский В.Т.* Указ. соч. С. 26.
- ³² Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Лесное хозяйство / Сост. Д.С. Шилкин. СПб., 1904. С. 85.
- ³³ *Зайцев Д.М.* Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 11–18.

Т.В. Бабанин

УКРУПНЕНИЕ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В 1940–1960-е гг. И ПРОБЛЕМЫ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области)

Статья посвящена теме «укрупнения» воинских захоронений в 1940–1960-е гг. Рассматриваются причины и последствия этого явления. Показаны особенности учетных карточек укрупненных захоронений и их потенциал как исторического источника. На материалах сравнения списков безвозвратных потерь, составленных во время боевых действий, с учетными карточками сделан вывод, что в 1940–1960-е гг. благоустройство братских могил и перезахоронение часто происходило фиктивно, а фактически останки погибших оставались на первоначальных местах. Поставлен вопрос о необходимости восстановления воинских захоронений, подвергшихся уничтожению при укрупнении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Пустошкинский район, Псковская область, безвозвратные потери, погибшие, укрупнение захоронений, поисковый отряд, статистика.

Тема Великой Отечественной войны в региональных исторических исследованиях последних нескольких десятилетий является одной из самых актуальных. Особую значимость как с научной, так и с нравственной точки зрения имеют подсчет людских потерь и увековечение памяти погибших. Уже ставший общепризнанным тезис о том, что «война не закончена, пока не похоронен последний солдат», предполагает в идеале необходимость определения места гибели и погребения каждого погибшего.

Данная работа первоначально задумывалась как прикладное исследование в рамках деятельности поискового отряда «Единогор», который существует при Отделении краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ. Целью этого исследования

было определение масштаба людских потерь Красной Армии и мест захоронения погибших на территории сельского поселения «Пригородная волость» Пустошкинского района Псковской области (поисковый отряд «Единорог» ведет работу по поиску и захоронению останков погибших на местах боев Великой Отечественной войны в Пустошкинском районе с 2008 г.).

В качестве основного метода исследования был выбран сравнительный анализ документов о потерях, которые были составлены непосредственно в период боев на рассматриваемой территории (в ноябре 1943 – июле 1944 г.), и учетных документов воинских захоронений, составленных в послевоенные годы в Пустошкинском военном комиссариате¹. В процессе работы выяснилось, что между сведениями из этих двух типов источников существуют настолько значительные разночтения, что без детального рассмотрения причин этих различий анализ потерь и поиск мест захоронения невозможен. Было выявлено, что документация военного комиссариата в основном была составлена в процессе и после «укрупнения»² воинских захоронений, проведенного в 1950–1960-е гг., и ошибки в ней обусловлены самим процессом укрупнения.

Каждый исследователь, занимающийся проблемами людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне и мемориализацией мест боев, так или иначе сталкивается в своей практике с последствиями послевоенного укрупнения захоронений, однако и этот процесс до сих пор не стал объектом отдельного исследования³. Поэтому кратко рассмотрим его причины и ход.

В ходе боев Великой Отечественной войны захоронение погибших проводилось в соответствии с различными нормативными актами Народного комиссариата обороны и гражданских властей. Так, плановые захоронения проводились согласно «Положению о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время» от 15.03.1941 г. и более поздним уточняющим положениям. При плановых захоронениях, которыми занимались похоронные команды, выделенные войсковыми частями, данные о погребении заносились в «Донесения о безвозвратных потерях» и в «Книги погребения» с насколько возможным точным указанием места захоронения. Подобные же документы составлялись и в медицинских учреждениях – медико-санитарных батальонах, госпиталях, эвакуопунктах. После боев плановые захоронения сдавались по актам представителям местных органов власти или военным комиссариатам с указанием демографических данных погребенных. Места расположения могил обозначались на топографических картах. Однако по различным причинам эти правила со-

блюдались не всегда, особенно в период тяжелых оборонительных боев. Согласно «Инструкции по уборке бывших полей сражений» от 04.04.1942 г., сбор, документирование и захоронение погибших воинов Красной Армии возлагались на местные Советы. Все данные при этом должны были быть занесены в «Именной список трупов командиров и бойцов Красной Армии и гражданского населения, обнаруженных на полях сражений». В книге должны были быть указаны точное место и время проведения работ, номер могилы, количество и установленные данные захороненных. При перезахоронении в книгу заносили точное расположение места бывшей могилы, число перезахороненных, место новой могилы. Книга должна была храниться в местных органах власти, которым вменялось в обязанность обеспечение заботливого отношения к могилам воинов, установка на них опознавательных знаков с номерами могил.

Кроме плановых захоронений существовали боевые захоронения, которые проводились однополчанами в боевой обстановке или в перерывах между боями. Места под такие захоронения не отводились специально, погибших хоронили прямо на месте гибели, обычно без составления схем захоронений и оформления установленной документации. Те из погибших, личности которых не были установлены, хоронились безымянными и в дальнейшем по документам числились без вести пропавшими. Помимо плановых и боевых была распространена и практика санитарных захоронений, которые делались местными жителями в целях предотвращения эпидемий от гниющих трупов. Информация о таких захоронениях не документировалась, и списки погибших не составлялись. Погребенные в них бойцы числились без вести пропавшими или погибшими «без указания точного места захоронения».

В силу этого после окончания войны в районах активных боевых действий остались братские и одиночные могилы, о которых в сельсоветах и военкоматах имелась информация очень разной степени полноты.

После войны на территориях, где шли военные действия, воинские захоронения стали местом увековечения памяти погибших защитников Родины. 18 февраля 1946 г. СНК СССР принял постановление № 405-1650 «О взятии на учет воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны», в котором военным отделам комитетов партии и местным Советам предписывалось до 1 июня 1946 г. взять на учет, а к 1 августа 1947 г. благоустроить все имеющиеся на подведомственной территории воинские захоронения⁴.

Но число могил, подлежащих благоустройству, в некоторых районах было таково, что учет и поддержание их в должном состоянии оказались не под силу местным органам власти. В только что освобожденных районах уцелевшее население было занято в основном восстановлением хозяйства или даже просто выживанием, в частности, во время голода 1946–1947 гг. Намного более актуальными, чем уход за могилами, на местах прошедших боев были разминирование местности и сбор металлолома, которые активно велись вплоть до конца 1950-х гг. К тому же многие захоронения оказались вдали от дорог и населенных пунктов, часто на еще не разминированной местности. Вышесказанное вполне справедливо и для большинства районов Великолукской области⁵, в том числе Пустошкинского района.

Весной 1946 г. во всех районах Великолукской области приступили к учету воинских захоронений. Великолукский обком ВКП (б) направил в районы постановление от 29.08.1946 г., в котором предлагалось рассмотреть различные варианты благоустройства воинских захоронений, в том числе их объединение, что, в свою очередь, предполагало перезахоронение. Наиболее логичным в данной ситуации для районных властей и для непосредственных исполнителей из местного населения было действовать по самому простому варианту: объединить существующие воинские захоронения для удобства ухода за ними.

Работы по благоустройству в Великолукской области велись низкими темпами, и в январе 1947 г. в райкомы ВКП (б) были направлены дополнительные директивы. Требовалось разъяснить населению, что участие в работе по благоустройству могил есть «прямое выражение заботы о могилах их мужей, братьев, сестер, героически погибших за честь, свободу и независимость нашей Родины». Останки солдат из разрозненных могил в мелких населенных пунктах или вне населенных мест должны были быть перезахоронены в более крупные братские могилы, находящиеся чаще всего в районных центрах или центрах сельсоветов. В каждом сельсовете создавались комиссии по благоустройству и переносу могил. В состав комиссий входили представители райкомов, райисполкомов, военкоматов, здравотделов. В ходе работы комиссий фактически заново создавались книги учета захоронений.

К настоящему моменту опубликованы статистические данные по изменению числа воинских захоронений для Опочецкого района – соседнего с Пустошкинским⁶. На 1946 г. на территории Опочецкого района по отчетам военного отдела райкома ВКП (б) насчитывалось 735 воинских захоронений: 130 братских и 605 ин-

дивидуальных могил. После проведения «благоустройства» захоронений на учете в районе, по данным райкома, осталось 280 воинских захоронений: 4 воинских кладбища, 136 братских и 140 индивидуальных могил. При этом в отчетных материалах Великолукского обкома ВКП (б) значилось 333 захоронения: 4 воинских кладбища, 148 братских и 181 индивидуальная могила. Какие цифры соответствовали действительности, неизвестно.

Новый этап укрупнения захоронений начался в 1950-х гг. в связи с укрупнением колхозов и уничтожением «неперспективных» деревень. Можно сказать, что этот процесс стал одним из аспектов трагедии послевоенной советской деревни. В несколько меньших масштабах перенесение воинских захоронений из прекращающих свое существование населенных пунктов продолжался и в 1960-е гг.

Результаты анализа документов и поисковых работ на местности позволяют с уверенностью утверждать, что в Пустошкинском районе ход укрупнения и его результаты были подобными. Для укрупнения захоронений были определены очень малые сроки, да и сама организация работ оставляла желать лучшего. Многие захоронения были просто срыты, распаханы или перенесены не полностью, но в отчетах числились перенесенными. Очень часто перезахоронения проводили лишь «на бумаге», для отчета. Обычно фамилии из старого захоронения просто переносились на новое, «назначенное» к укрупнению. Останки погибших при этом оставались на старом месте. В большинстве случаев и фамилии переносились не все, при передаче в новый орган власти старые списки утрачивались. Среди заброшенных и разрушенных в конце 1940-х гг. захоронений были и плановые (в том числе дивизионные, корпусные и армейские и госпитальные кладбища, сведения о большинстве которых сохранились в Центральном архиве Министерства обороны (далее – ЦАМО)). Именно в это время начинается путаница в сведениях о персональном составе погибших, сохраняющаяся в документах районных военкоматов до настоящего времени.

Рассмотрим некоторые особенности укрупнения воинских захоронений в Пустошкинском районе на примере братского кладбища д. Сергейцево⁷, принимая во внимание то, что многое из нижеизложенного, видимо, является типичным не только для Псковской области, но и для других территорий.

Окрестности д. Сергейцево являлись местом ожесточенных боев в период с 11 ноября 1943 по 12 июля 1944 г. Красная Армия вела здесь наступательные бои с целью овладеть городами Пустошкой, Идрицей, Себежем, чтобы в дальнейшем наступать в сторону Риги. Рижское направление являлось стратегически очень важным, так

как в случае успеха позволило бы окружить и уничтожить большую часть прибалтийской группировки противника. Советским войскам здесь приходилось преодолевать заблаговременно подготовленную глубоко эшелонированную линию обороны противника, основанную на очень благоприятной (сильно пересеченной, холмистой и болотистой) местности. Наиболее кровопролитные бои происходили здесь во второй половине ноября 1943 г., в первой половине января и марте 1944 г. Первое наступление было предпринято в ноябре 1943 г. (после освобождения г. Невеля) силами 18 гв. сд, 115 и 146 сд, 78 тбр 3 Уд. А⁸. Неудачное наступление закончилось контр наступлением немецких войск в период 17–24 ноября 1943 г. и практически полным уничтожением вышеупомянутых советских соединений. Второе наступление 3 Уд. А состоялось 12–16 января 1944 г. и вновь не увенчалось успехом. При этом понесли большие потери 21 гв. сд, 28, 146, 150 сд и другие соединения. Третье и самое масштабное наступление на рассматриваемом участке продолжалось с 28 февраля по 17 марта 1944 г. (с небольшим перерывом). В нем были задействованы практически все силы двух армий: 10 гв. и 11 гв. Важной особенностью описываемого района является его близкое расположение к разграничительной линии между двумя фронтами: 1-м и 2-м Прибалтийскими. Границы между фронтами часто менялись, и столь же часто менялись наступавшие здесь войска. За полгода на рассматриваемом участке (шириной около 15 км по фронту) побывали более двадцати (!) стрелковых дивизий, а также немало отдельных частей, танковых и артиллерийских соединений. В частности, в боях на этом участке принимали участие специализированные части и соединения, предназначенные для штурма укреплений: например, 5-я, 10-я и 19-я штурмовые инженерно-саперные бригады, 20-я и 21-я артиллерийские дивизии РГК. Советское командование не смогло во время этих трех наступлений решить свои задачи даже ценой больших жертв, линия обороны противника прорвана не была. Рассматриваемая территория была освобождена в ходе Идрицкой наступательной операции в июле 1944 г., причем на этом участке немецкие войска смогли совершить планомерный отход и оторваться от преследования⁹.

До войны окрестности д. Сергейцево были довольно густо населены. Промежутки между деревнями составляли не более 1–1,5 км, а между ними почти на каждом холме располагались поселения хуторского типа. В настоящее же время жилыми осталось лишь несколько деревень, значительно увеличилась площадь лесов, земледелие находится в упадке. Особенно хорошо различия населенности рассматриваемой территории в прошлом и настоя-

щем заметны при сопоставлении топографических карт 1930-х и 1980-х гг.

Братское кладбище д. Сергейцево является единственным на территории около 100 км² официально зарегистрированным захоронением советских воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Основным документом захоронения является учетная карточка (в последние годы ставшая легкодоступной благодаря созданию Обобщенного банка данных (ОБД) погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны, www.obd-memorial.ru), которая содержит список похороненных бойцов и командиров Красной Армии. Учетная карточка была составлена в 1992 г., подписана районным военкомом и главой районной администрации¹⁰.

Согласно учетной карточке, здесь были произведены перезахоронения из окрестных деревень (Стайки, Шилово, Юрово, Луни, Булохи, Шамолово, Волчково, Голудово, Куликово, Поддача и др.) в 1956–1965 гг. Памятник-пирамида установлен в 1960 г., а в 1981 г. установлены металлические стелы с именами погибших. Прилагающийся к учетной карточке список имен содержит 4789 номеров (4733 военнослужащих и 56 партизан). Список содержит следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, воинское звание, дата гибели и населенный пункт, откуда произведено перезахоронение. Данные в списке совсем не полные (например, в значительном числе записей отсутствуют годы рождения и звания). Длина захоронения 10 м, ширина 13,5 м (кстати, если просто задуматься о том, можно ли физически положить 4789 человек на участке 10 × 13,5 м, то возникнут серьезные сомнения в реальности списка).

Постараемся же рассмотреть этот список как исторический источник, проанализировав ту информацию, которую он предоставляет исследователю. Для исследования список был переведен в табличный формат с использованием программы Microsoft Excel. Такая таблица позволяет удобно работать с массивом данных и группировать их по разным графам в зависимости от конкретной необходимости: по имени, дате гибели, месту первоначального захоронения и т. п.

Список имен в учетной карточке, естественно, является вторичным документом, так как основывается на более ранних списках. Это документ достаточно сложный по составу. Большинство имен располагается по алфавиту, но в конце списка по каждой букве добавлено некоторое число имен не по порядку. Сведения о военнослужащих имеют разную степень полноты: у одних они подробные, у других – одна фамилия. Год рождения указан только у 20 %

включенных в список. Многие военнослужащие включены в список без указания первоначального места захоронения. Были выявлены повторы имен, пропущенные или, наоборот, продублированные номера. Такие ошибки составляют более 5 % номеров. После исправления этих ошибок список составил 4715 имен. Имеются многочисленные механические ошибки и опечатки в именах людей и названиях населенных пунктов (например, часто не различаются деревни Луни, Луги и Лужки, находящиеся достаточно далеко друг от друга).

Но это не главные пороки списка: наиболее интересные факты выявились при сопоставлении списка захороненных в Сергейцево со списками безвозвратных потерь, которые были составлены в 1943–1944 гг.

В настоящее время нами по материалам ЦАМО и ОБД создана база данных погибших в районе д. Сергейцево и окрестных населенных пунктов (в границы района включены те населенные пункты, которые упоминаются в учетной карточке Сергейцевского кладбища как места, откуда производились перезахоронения). База данных основана на документах, сохранившихся в ЦАМО в фондах Главного управления кадров НКО СССР и Управления по персональному учету потерь рядового и сержантского состава Красной Армии¹¹. В базу данных на настоящий момент включено 10 687 имен бойцов и командиров. Из них только 4715 значатся перезахороненными в Сергейцево и еще 114 – на других братских кладбищах (итого около 45 %).

Один из самых важных фактов, выявленных при сравнении списков, – то, что сведения о многих людях (в частности, фамилия, имя и отчество) в значительной части учетных карточек искажены до неузнаваемости. Особенно это явление характерно для имен представителей среднеазиатских и кавказских республик СССР. Искажения иногда настолько сильны, что выявить тождественность двух вариантов имени оказывается возможно только по полному совпадению даты рождения, даты и места гибели. Ниже приводится несколько примеров написания имени одного и того же человека (слева – правильное имя, справа – вариант из учетной карточки):

Абдулин Карам Зайдулович – Габдуллин Карам Зайдулович;
Аветисян Тигран Амбарзумович – Абитисов Тикран;
Агажинов Сейткулла – Агананов Сайткулы;
Агуреев Степан Константинович – Агурсев Степан Константинович;
Ведяков Михаил Андреевич – Воляков Михаил Иванович;

Заприсса Кондратий Федорович – Заприса Конрад (sic! – Т. Б.) Федорович.

При сравнении числа людей, включенных и не включенных в список «укрупненного» захоронения, по разным войсковым частям и населенным пунктам, по отдельным спискам потерь выявляются совершенно разные пропорции – от 0 до 100 % (в среднем от 28 до 63 %). Вот несколько примеров.

Из дивизионного кладбища 119 гв. сд, которое в 1944 г. располагалось в 900 м западнее д. Ломоносово и насчитывало 94 человека похороненных, 16 человек значатся перезахороненными в д. Сергейцево, а 30 – на братском кладбище на хуторе Линец (12 км от Сергейцево). Из дивизионного кладбища 171 сд (300 м западнее д. Мельница), где в марте 1944 г. были похоронены 195 человек, значатся перезахороненными в д. Сергейцево 98 человек (при этом один из 98 перезахороненных в Сергейцево также значится в списке братского кладбища в д. Алушково, которая находится более чем в 15 км от деревень Сергейцево и Мельница).

Вообще более 200 имен из списка перезахороненных в д. Сергейцево продублированы в списках других окрестных братских кладбищ (г. Пустошка, д. Алушково, д. Шалахово, д. Сутоки, хут. Линец). Выяснилось также, что ни один из просмотренных списков потерь 1943–1944 гг. не вошел в список «укрупненного» захоронения полностью. При этом совершенно обычна ситуация, когда из бойцов, отмеченных в соседних строках списка безвозвратных потерь 1944 г. как погибшие и похороненные в одном месте, один включен в список укрупненного захоронения, а другой – нет. Например, из могилы дивизионного кладбища 171 сд, расположенной в 300 м западнее д. Мельница, боец, значащийся «в нижнем ряду 1-й с востока», якобы был перезахоронен, а «в нижнем ряду 2-й с востока» якобы остался на месте¹².

Также в список Сергейцевского братского кладбища попали в 1944 г. учтенные как без вести пропавшие или оставшиеся непохороненными на нейтральной полосе. Много таких, например, среди бойцов 31 гв. сд, которых не удалось вынести с нейтральной полосы в районе д. Турлаково 15–17 марта 1944 г.

Есть в списке и убитые прямым попаданием снаряда. Так, майор Евдокименко Леонид Степанович из 91-го стрелкового полка 37 сд, убитый 29 февраля 1944 г. прямым попаданием снаряда (в списке безвозвратных потерь дивизии место погребения не указано, так как, очевидно, хоронить было нечего)¹³, значится в списке Сергейцевского захоронения под № 1232 как перезахороненный из д. Поддача.

В связи с вышесказанным оказывается совершенно неясно, на основании чего при заполнении в послевоенное время учетной карточки братского кладбища составлялись списки и какова логика включения или невключения в них имен людей, фактически лежащих рядом в одной братской могиле. Как произошло, что погибшие в один день бойцы, похороненные в одной могиле (судя по спискам безвозвратных потерь), включены в список лишь частично? Это можно было бы еще понять, если бы фамилии в списке безвозвратных потерь помещались на разных листах, но во многих случаях они стоят на одной странице.

Неполнота списка может быть связана с тем, что он создан в 1992 г., когда шла работа над Книгами Памяти и составлялись перечни погибших на территории каждой области и района. Ущербность списка могла бы объясняться незаконченностью на тот момент этой работы, и в учетную карточку вошел некий «полуфабрикат» списка. Но имена на стелах памятника были выбиты согласно списку еще в 1981 г., когда работа над Книгами Памяти еще не начиналась, и этот список примерно в таком виде, судя по всему, существовал еще с 1950–1960-х гг.

Отсутствие части имен в списке можно объяснить следующим: на памятниках до «укрупнения» захоронений были написаны имена, часть которых за 10–15 лет стерлась и оказалась нечитаема. Однако составители списка явно пользовались не только (и не столько) местными источниками. Например, д. Плешково, находящаяся недалеко от Сергейцево, часто фигурирует в учетной карточке в качестве места первоначального захоронения у тех солдат, которые фактически погибли в районе д. Прашково, т. е. в 20–25 км от этого места, даже на территории другой области.

По приблизительным подсчетам до 500 имен погибших, которые значатся перезахороненными в Сергейцево, фактически (по документам 1943–1944 гг.) погибли на расстоянии не менее 20–25 км от этого населенного пункта. Они никак не могли быть здесь. Такая массовая ошибка объясняется созвучием названий некоторых деревень в Пустошкинском и соседних районах, например д. Стайки недалеко от д. Сергейцево и д. Стайки на севере Пустошкинского р-на; д. Мельница и д. Старая и Новая Мельница Невельского р-на.

В списке Сергейцевского захоронения встречаются и совсем непонятные ошибки. Например, Немчунов (в списке – Немчугов) Владимир Александрович, капитан, командир авиационной эскадрильи 13-й специальной авиабригады (перегонщиков самолетов), значится здесь погибшим 16 января 1944 г. и перезахороненным в Сергейцево из д. Выползово Пустошкинского района. Согласно

документам авиабригады, он погиб в этот день при перелете из запасного авиаполка в место назначения на фронт и был похоронен в д. Выползово Бологовского (!) района¹⁴. Объединяет две деревни Выползово, разделенные расстоянием более чем в 300 км, лишь название и тот факт, что обе в январе 1944 г. находились в составе Калининской области¹⁵. Пример В.А. Немчунова показывает, что, вероятно, при составлении списка укрупненного захоронения в д. Сергейцево его авторы использовали некие списки, ранее находившиеся в областном военкомате Калининской области, и, вероятно, отдавали им предпочтение перед районными.

Вообще в списке «укрупненного» захоронения какая-либо логика, обусловленная структурой первоначальных списков потерь 1943–1944 гг., не прослеживается. Видимо, его составители руководствовались иной логикой. Так, при сравнении списков потерь со списком в учетной карточке Сергейцевского захоронения довольно случайно удалось заметить, что в них процент имен уроженцев Средней Азии и Кавказа несколько выше, чем в учетной карточке. После этого пришлось составить отдельную статистику по «азиатским» и «русским» именам, что привело к довольно удивительному результату. Оказалось, что в список «укрупненного» захоронения внесены в среднем каждый второй погибший с «понятными русскими» именем и фамилией и только каждый пятый (sic! – Т. Б.) человек с «непроизносимым» азиатским именем. Такая статистика может быть объяснена только нерадением сотрудников военного комиссариата, которые составляли учетную карточку, и больше ничем.

В целом проблема точного соотношения источников списков имен в «укрупненных» захоронениях требует дополнительного исследования. Особенно актуальными обстоятельства укрупнения захоронений в 1940–1960-х гг. являются при работе поисковых отрядов в процессе поиска неучтенных воинских захоронений и идентификации найденных останков погибших. Достаточно часто возникают ситуации, когда удается найти место уничтоженного захоронения, которое перенесено только «на бумаге».

Так, в 2008 г. в центре д. Пыжово¹⁶ поисковым отрядом «Единорог» было найдено место кладбища 1, 11 и 31 гв. сд, сформированного в марте 1944 г. Судя по спискам безвозвратных потерь, здесь похоронено не менее 150 человек (а скорее всего, значительно больше, принимая во внимание тот факт, что в списки не включены погибшие, собранные после таяния снега местными жителями). Участок, на котором располагалось это кладбище, представляет собой пустую площадку размером примерно 10×20 м, спускающуюся

к протекающей вдоль деревни речке Неведрянке. С одной стороны он ограничен построенной в 1960-х гг. баней (под ней, возможно, тоже есть останки солдат). В начале 1950-х гг., по словам местных жителей, в соответствии с указанием из райцентра стоявшие на этом месте деревянные памятники-пирамидки скинули бульдозером в речку. Выкопали небольшую яму, из нее достали некоторое количество костей, положили в три гроба и отвезли в д. Сергейцево. В 2008 г. поисковым отрядом «Единорог» было сделано два контрольных шурфа с целью подтвердить или опровергнуть наличие перенесенных останков. В шурфах были найдены *in situ* останки четырех бойцов Красной Армии.

В настоящее время на основе сообщения местных жителей¹⁷ также удалось выявить место братской могилы в центре д. Сергейцево, уничтоженной в начале 1950-х гг. при строительстве мастерских по ремонту сельскохозяйственной техники.

В 2011 г. в 300 м к западу от бывшей д. Мельница были найдены две братские могилы, предположительно отождествленные с дивизионным кладбищем 171 сд, которое согласно учетной карточке частично значитя перенесенным в д. Сергейцево. Из могил были извлечены останки 102 человек.

В 2013 г. в 1 км западнее д. Ломоносово было найдено госпитальное кладбище, которое, возможно¹⁸, является кладбищем 87-го гвардейского медико-санитарного батальона 84 гв. сд¹⁹ и тоже значитя перенесенным.

Достаточно частыми при поисковой работе на местности являются также находки останков погибших солдат, которые после боев фактически не были похоронены и остались на месте гибели (в воронках, траншеях или просто на поверхности земли), но значатся в списке «укрупненного» захоронения в центре сельсовета. В практике поисковых работ отряда «Единорог» было два таких случая:

- Красильников Василий Федорович, рядовой 243-го гвардейского стрелкового полка 84 гв. сд, погиб 17 марта в районе д. Овсянки²⁰, значился перезахороненным в д. Сергейцево, найден поисковым отрядом в 2010 г. в районе д. Овсянки, опознан по медальону;
- Кондратенко Степан Никифорович, рядовой 144-го стрелкового полка 28 сд, погиб 12 января 1944 г. в районе д. Поддача²¹, значился перезахороненным в д. Шалахово (на расстоянии около 15 км от места гибели), найден поисковым отрядом в 2012 г. в районе д. Поддача, опознан по номеру медали «За Отвагу».

Несмотря на ущербность списков имен «укрупненных» захоронений, в некоторых случаях они могут принести пользу исследо-

вателю, особенно при знакомстве с новым районом поиска. Такие списки имеет смысл рассматривать как своего рода репрезентативную выборку, по которой можно судить об относительном числе погибших у каждого конкретного населенного пункта, в каждый конкретный день и т. п. Также по имени в списке легче выйти на первичный (и полный) документ.

Однако анализ учетных карточек «укрупненных» в 1940–1960-х гг. воинских захоронений, проведенный на примере братского захоронения в д. Сергейцево Пустошкинского района, показывает, что их списки имеют очень мало общего с первичными списками безвозвратных потерь, составленных в годы Великой Отечественной войны. Послевоенные списки погибших, существующие в настоящее время в военных комиссариатах, во многом противоречат документам военного времени. К сожалению, скорее всего значительная часть обустроенных и посещаемых братских могил, которые были созданы в период со второй половины 1940-х по 1960-е гг., частично являются фиктивными захоронениями. Фактически родственникам погибших, которые приезжают поклониться таким братским могилам, нельзя дать гарантии, что их предок лежит под тем камнем, где указано его имя.

Представленное в настоящей работе краткое описание некоторых особенностей «укрупненных» захоронений не имеет задачи поднимать глобальные проблемы восстановления всех разрушенных в 1940–1960-е гг. братских и одиночных могил, что в настоящее время, видимо, уже невозможно. Но в некоторых случаях (как, например, с вышеописанным братским кладбищем в д. Пыжово) их восстановление вполне осуществимо. При этом необходима установка в таких местах памятных знаков с указанием имен погибших согласно первоначальным спискам безвозвратных потерь, с обязательным переучетом погибших в картотеках Центрального архива Министерства обороны.

Примечания

- ¹ Сейчас, после объединения военкоматов нескольких смежных районов, военный комиссариат располагается в г. Себеж.
- ² В документах, современных этому процессу, встречаются разные термины, его описывающие: «укрупнение», «благоустройство», «упорядочение» и т. п.
- ³ Существует достаточно много работ в местной прессе, затрагивающих проблему последствий укрупнения захоронений на конкретных территориях. По

материалам Псковской области, например, см. обстоятельную статью: *Сафронова М.Н.* Великая память и отечественное беспамятство. Из истории воинских захоронений в Псковской области // Псковская губерния. 2011. № 43–45 (565–567) (интернет-версия: http://gubernia.pskovregion.org/pumber_565/03.php). Здесь и далее общие обстоятельства укрупнения захоронений на территории Псковской области излагаются в соответствии с этой работой.

⁴ Там же.

⁵ Великолукская область в составе РСФСР с 1944 по 1957 г. Сейчас большая часть ее территории, в том числе Пустошкинский район, входит в состав Псковской области.

⁶ *Сафронова М.Н.* Указ. соч.

⁷ Расположено примерно в 20 км юго-западнее г. Пустошка. Лист карты О-35-143-Б.

⁸ Общепринятые в военной литературе сокращения: гв. – гвардейская, сд – стрелковая дивизия, Уд. – ударная, А – армия, тбр – танковая бригада, тк – танковый корпус, шисбр – штурмовая инженерно-саперная бригада, ад – артиллерийская дивизия, ап – артиллерийский полк, РГК – резерв главного командования.

⁹ Краткое описание боев составлено по материалам фондов 3 Уд. А, 10 гв. А, 11 гв. А, 1, 5, 11, 21, 31, 84, 119 гв. сд, 28, 146, 150, 171, 219, 370 сд, 1 тк, 41, 78 тбр, 19 шисбр, 20, 21 ад РГК, 537 ап.

¹⁰ Номер захоронения в Военно-мемориальном центре – 60-414. Номер записи в ОБД – 261162452.

¹¹ Документы доступны в Интернете на сайте: ОБД Мемориал [Электронный ресурс]. URL: <http://obd-memorial.ru/html/index.html>.

¹² ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 195. Л. 171. Номер записи в ОБД – 553291284.

¹³ Там же. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 470. Л. 177. Номер записи в ОБД – 5075560.

¹⁴ Там же. Д. 829. Л. 21. Номер записи в ОБД – 55609650.

¹⁵ В 1944 г. Пустошкинский р-н вошел в состав Великолукской области.

¹⁶ Деревня в настоящий момент существует, в 1950–1960-х гг. «укрупнена» не была.

¹⁷ Устное сообщение В.С. Бурова, жителя д. Сергейцево.

¹⁸ Раскопки этого объекта были продолжены в 2014 г.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 2069. Л. 93–97. Номер записи в ОБД – 58909766.

²⁰ Там же. Оп. 18002. Д. 195. Л. 271. Номер записи в ОБД – 53291977.

²¹ Там же. Д. 169. Л. 138. Номер записи в ОБД – 53233467.

Историографическое наследие

К.А. Смирнова

МОСКОВСКАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ОБЩИНА В 1918–1919 гг. (документальное наследие из фондов Центрального государственного архива Московской области)

Публикация посвящена истории московской Преображенской старообрядческой общины, одного из старейших центров старообрядчества. Документы характеризуют изменения, которые происходили в жизни общины в первые годы советской власти, в 1918–1919 гг. Все эти материалы входят в состав отдельного архивного дела, которое хранится в фонде Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов (№ 66) в Центральном государственном архиве Московской области. Благодаря этим документам мы можем реконструировать различные стороны жизни общины и охарактеризовать отношение государства к старообрядцам.

Ключевые слова: московская Федосеевская Преображенская старообрядческая община, Совет общины, святыни, Преображенское кладбище, старопоморцы Москвы, Преображенский богаделенный дом.

История московского старообрядчества в последние годы активно разрабатывается как светскими, так и церковными исследователями. Подтверждение тому – вышедшая в 2011 г. книга В.Ф. Козлова «Москва старообрядческая»¹, в которой автор впервые комплексно рассмотрел историю московского старообрядчества, опираясь на архивные источники. Истории и судьбе Преображенской старообрядческой беспоповской общины посвящено сравнительно мало серьезных научных трудов, хотя в архивах Москвы хранятся уникальные документы по этой теме.

Старообрядчество в с. Преображенском ведет свою историю еще с 1771 г., когда там появилось кладбище, ставшее позже общероссийским центром беспоповцев. Его возникновение было вызвано свирепствовавшей в это время в Москве эпидемией чумы. Основа-

нию кладбища немало способствовала личность Ильи Алексеевича Ковылина (1731–1809). Одновременно упрочилось и положение федосеевской беспоповской общины, чья история с этого времени тесно связана с Преображенским кладбищем.

В целом архитектурный ансамбль кладбища складывался в течение 27 лет (с 1784 по 1811 г.). За это время в Преображенском возвели несколько моленных, построили каменные стены с башнями, увенчанными шатрами, украшенные резьбой по камню ворота, кельи и служебные здания. Именно тогда появилась каменная Крестовоздвиженская часовня.

На тот момент община была богатым и одновременно крупнейшим благотворительным заведением Москвы. Но, несмотря на быстрый рост и благоустройство, положение Преображенского кладбища было непростым из-за отсутствия его юридического оформления. В сложившейся ситуации было решено узаконить существование Преображенского кладбища с его заведениями, определив его статус как «Богаделенного дома на Преображенском кладбище». 15 мая 1809 г. состоялся именной указ императора Александра I московскому генерал-губернатору, где предписывалось называть впредь кладбище «Преображенским богаделенным домом» с предоставлением ему прав частного благотворительного заведения. Был утвержден «Устав Богаделенного дома на Преображенском кладбище»². Окончательно же Устав был доработан лишь в 1877 г.

К началу Отечественной войны 1812 года Преображенский богаделенный дом представлял собой громадное заведение, выполнявшее функции и духовного центра, и богадельни с сотнями призреваемых, и детского приюта, в котором жили и обучались многие сироты.

С 1820-х и до 1880-х гг. кладбище, как и в целом старообрядчество, переживало нелегкие времена. Сначала права Богаделенного дома были урезаны, а в 1853 г. его передали в ведение Императорского Человеколюбивого общества, что означало потерю самостоятельности кладбища. В марте 1854 г. власти отобрали у беспоповцев их первую и главную Успенскую соборную часовню и передали ее единоверцам, а в декабре – Крестовоздвиженскую надвратную.

В 1860–1880-е гг. старообрядцы-беспоповцы прилагали всевозможные усилия к тому, чтобы укрепить Преображенский богаделенный дом. Однако, как это ни странно, даже к началу XX в. правовое положение старообрядцев в России было гораздо хуже положения католиков и протестантов.

Обретение старообрядцами религиозных свобод в 1905–1906 гг. изменило устройство и жизнь Преображенского клад-

бища. Федосеевцы, как и другие старообрядческие согласия, наконец получили возможность юридически организовать свою религиозную общину. Это время можно назвать новым периодом в истории Преображенского кладбища. На общем собрании 16 ноября 1906 г. федосеевцы заявили о создании общины, а уже в 1907 г. она была зарегистрирована под наименованием «Московская община христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия». В 1908 г. был утвержден новый Устав Преображенского богаделенного дома, который состоял в ведении общины. В 1917 год старообрядцы Преображенского кладбища вступили с большими надеждами. Преображенский богаделенный дом и окружавшие его старообрядческие благотворительные и учебно-просветительные учреждения стали играть все большую роль в социокультурной жизни восточных окраин Москвы.

Однако октябрьский переворот 1917 г., приведший к власти в стране атеистов, перевернул привычный уклад старообрядчества. В 1917–1918 гг. Преображенский богаделенный дом, как социально-жилищное заведение, богадельня, был закрыт. Власти потребовали от старообрядцев заключения договоров на пользование каждой из семи моленных, находившихся в жилых корпусах.

С 1918 г. всем имуществом, находящимся на Преображенском кладбище и в других местах города, стал весть юридический отдел Московского совета рабочих и красноармейских депутатов³. Осенью власти приступили к экспроприации нажитого старообрядцами имущества. Вообще жизнь общины в этот период была очень неспокойной.

В начале 1919 г. общине стало известно, что отдел социального обеспечения районного Благущее-Лефортовского Совета депутатов принял решение реквизировать три богаделенных корпуса и занять под свои нужды Богоявленскую, Ильинскую и Преображенскую моленные⁴. 26 января (8 февраля) возмущенные старообрядцы провели чрезвычайное собрание прихожан всех семи моленных кладбища. Непростая ситуация складывалась у общины и с детским распределителем, располагавшимся в помещении Спасо-Преображенской моленной.

Таким образом, первые годы революции стали настоящим испытанием для старообрядцев. Их надежды на то, что советская власть не будет преследовать гонимых при царизме старообрядцев, не оправдались. Постепенно была прекращена деятельность многочисленных старообрядческих обществ и учреждений.

Из-за специфики старообрядчества его моленные, находившиеся под одной крышей с богаделенными корпусами, пострадали более, чем храмы других религиозных конфессий. Это коснулось и исторических беспоповских моленных на Преображенском кладбище.

Следует отметить, что история старообрядчества в первые годы советской власти и особенно в трагические 1920–1930-е гг. очень бедно обеспечена письменными и печатными источниками. Архивы старообрядческих центров-кладбищ и храмов за эти годы или вообще не уцелели, или сохранились фрагментарно. В начале 1918 г. были закрыты все старообрядческие печатные органы. Поэтому особый интерес для нас представляют материалы дела № 13 «Договор с группой верующих о передаче им Старообрядческих храмов Преображенского кладбища с актами и описями церковного имущества»⁵ за 1918–1923 гг., хранящегося в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО).

Скажем несколько слов об этих документах, о содержании архивного дела, в составе которого они хранятся, и о фонде в целом. Фонд 66 Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов объединяет достаточно большой комплекс документов по истории передачи и закрытия старообрядческих моленных в бывшем селе Преображенском в послереволюционные годы⁶. Данные документы представляют собой группу объемных дел. В одни дела вошли материалы как по московским, так и по подмосковным храмам одновременно. В других делах собраны документы только по одному храму. В основном это договоры с группой верующих о передаче им храмов, переписка по этим вопросам, акты передач с описями имущества, распоряжения и пр. По своему содержанию документы очень информативны, мы можем встретить здесь сведения о численности и персональном составе общины, о прихожанах, о передаваемом церковном имуществе, территории, о повседневной жизни общины и т. д.

Дело № 13 состоит из 211 листов и содержит документы достаточно разностороннего характера, с помощью которых мы можем комплексно рассмотреть не только судьбу самих храмов, но и повседневную, социальную и культурную жизнь общины. Материалы дела имеют три основных тематических составляющих: сведения по истории старообрядческой Преображенской общины, сведения повседневного характера и, наконец, информация о судьбах общины, моленных в первые годы советской власти и о последующей их ликвидации.

Самой важной и одновременно трагической страницей в истории общины являются первые годы советской власти. Выбранные нами документы проливают свет на истоки великой трагедии старообрядчества, а их публикация поможет узнать о положении общины в 1918–1919 гг. и оценить масштаб трагедии. Аргументируя свои заявления, жалобы и прошения, старообрядцы подробно описывали имущество общины, что крайне важно для истории московского староверия. В свое время В.Ф. Козловым были использованы некоторые сведения из этих дел, а также была предпринята попытка публикации части хранящихся в ГАРФ документов о судьбе общины в 1920–1923 гг.⁷

Все публикуемые ниже документы ЦГАМО по теме – это в основном машинописные копии, однако встречаются и рукописные копии и подлинники (есть несколько документов, написанных карандашом). Практически все они заверены печатями, встречаются документы на специальных бланках, с рукописными резолюциями и подлинными автографами. Вызывает некоторые трудности их прочтение из-за особенностей почерков, нередко трудночитаемых, часто текст плохо пропечатан или же выцвел.

При публикации текст документов был приведен в соответствие с современными нормами правописания. Сами документы расположены в хронологическом порядке. Сделанные публикатором вставки пропущенных букв и частей слов, а также развернутые сокращения даны в квадратных скобках.

Примечания

- ¹ *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святыни. М., 2011. 480 с.
- ² ЦИАМ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 49. 18 л.
- ³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 83.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 1–211.
- ⁶ Там же. Оп. 18.
- ⁷ *Козлов В.Ф.* Письма в юридический отдел Московского совета рабочих и крестьянских депутатов // Древлеправославный вестник. 1999. № 2. С. 76–84.

№ 1

Отношение Совета Московской общины христиан
древле-православно-кафолического вероисповедания
и благочестия старопоморского согласия
в юридический отдел Московского совета рабочих
и красноармейских депутатов*

№ 139 9 октября 1918 г.

На отношение Отдела от 20-го сентября с. г. за № 1602, полученное 25-го сентября, Совет настоящей старообрядческой Общины уведомляет, что в ведении Общины имеется лишь одно церковное здание, а именно каменный храм¹ (длиною 16 саж., шириною 6 саж.).

В храме этом имеются иконы, церковные книги и прочее богослужбное имущество.

Описи при сем представляются (№ 1).

Кроме описанного храма в ведении Общины имеется имущество религиозного характера в виде кладбища для старообрядцев данного согласия. При кладбище имеются две часовни², из коих одна для отпевания умерших. В часовнях этих находятся иконы и разное богослужбное имущество. Описи их также при сем представляются (№№ 2 и 3).

Остальное имущество, находящееся в ведении Общины, не является имуществом церковно-религиозным, а имеет своим назначением трудовое призрение беднейших одноверцев.

Имущество это заключается в шести каменных двухэтажных строениях, в которых помещается свыше 250 призреваемых обою пола. В зданиях этих, кроме помещений для призреваемых, с соответствующей обстановкой для их жилья, имеются также отделения для молитвы с иконами, богослужбными книгами и церковной утварью.

Помимо того, Община имеет пять одноэтажных деревянных домиков для призреваемых-пансионеров, дома для служащих и одно трехэтажное каменное здание, оборудованное для больницы и амбулатории, которые действуют уже несколько лет.

Имеется также ряд служебных помещений, как то: здание для конторы, прачечная, баня, скотный двор и т. д.

* Текст документа на бланке.

Все указанное имущество, кроме храма и кладбища с часовней, являясь имуществом церковно-религиозным, а имея назначением общественное призрение, относится к ведению Комиссар[иата] Социального Обеспечения (Заведующим Отделом Социального Обеспечения Московского Совета имущество это уже было осмотрено. Советом Общины ему представлены отчеты за последние года).

Ввиду гражданского, а не церковного характера этого имущества Совет Общины ограничивается пока перечислением его, не представляя подробной описи всего инвентаря, имея вместе с тем в виду представить такую опись в Отдел Социального Обеспечения Московского Совета. Если же Юридический Отдел признает необходимым иметь и эти описи, то Совет Общины их представит в непродолжительном времени.

Все описанное выше имущество, как церковно-религиозное и гражданское, находится на земле Общины, причем в числе земельных владений, числящихся по крепостным актам за Общиной, находится и Никольский Единоверческий монастырь, с которым у Общины ведется не разрешенная еще окончательно судебная тяжба о праве на землю и монастырские здания.

К настоящему заявлению и описям Совет Общины, согласно отношения Юридического Отдела, представляет также денежный отчет за 1917 год и денежный отчет и состояние кассы на 1-е Октября 1918 года.

Сопредседатель А. Кудряшов
Заведующий канцелярией И.*

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 85–85 об. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

* Подпись неразборчива.

№ 2

Опись «живого» инвентаря, принадлежащего Московской общине христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия*

№ 139 9 октября 1918 г.

На скотном дворе Общины помещаются девятнадцать (19) коров и один (1) бык.

Молоко, получаемое от эксплуатации скотного двора, поступает в пользование служащих, рабочих Общины и беднейших нетрудоспособных прихожан и прихожанок, живущих во владении Общины.

Лошадей для различных работ по хозяйству имеется три (3).

Верно.
Член Совета **

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 84. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

№3

Опись № 1. Опись икон, книг и церковной утвари, находящихся в храме³

9 октября н. ст. 1918 г.

В главном иконостасе икон в ризах – 63; На правой стороне икон – 93, из них без оклада – 53; На левой стороне – 105 икон, из них без окладов – 48; На задней стене икон – 45, все без окладов; Сзади праваго клироса – 12 икон, все в ризах; Сзади леваго клироса – 12 икон, все в ризах; 2 хоругви, 2 иконы на аналоях, в ризах; 1 крест в ризе за аналоем, 2 креста в ризах над клиросами, 7 подсвечников на кронштейнах, 14 лампад висячих, 5 подсвечников; Во второй задней половине храма икон – 65, из них в ризах – 33; Пра-

* В документе есть резолюция: 12/XI [неразб.]. Приобщить к общ[ей] описи.

** Подпись неразборчива.

вая сторона – 4 иконы, из них в ризах – 2; Левая сторона – 4 иконы без риз; Задняя стена – 5 икон без риз.

Кроме того в разных местах храма отдельно размещены:

2 иконы в ризах и 5 медных крестов; Книг богослужебных – 192, Покровов – 15, Икон – 16, Риз без икон – 7; 2 паникадила, 15 подсвечников, 2 чаши медные для кутьи и 1 оловянная; 1 медный крест, 1 свечной ящик, 1 кафельница, 4 диванчика жестких, 4 кресла, 8 скамеек, 2 ящика для подручников, 38 дорожек ковров, 5 комодов, 4 лестницы.

За председателя А. Кудряшов
Заведующий канцелярией И. Крестьянинов

С подлинным верно:
Товарищ председателя*

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 9–9 об. Копия. Машинопись.

№4

Опись № 2. Опись икон, книг и церковной утвари,
находящихся в часовне для отпевания умерших
на кладбище**

9 октября н. ст. 1918 г.

Иконостас: 2 креста в окладе; 1-й ряд: 9 икон без окладов; 2-й ряд: 6 икон, из них 3 иконы в окладах. Правая сторона: 4 иконы в киотах без окладов; Левая сторона: 4 иконы в киотах без окладов. Над дверями внутри: 1 икона внутри часовни в ките без оклада; Над дверями снаружи: 1 крест медный и 1 икона медная.

Богослужебные книги: 1 Евангелие в уборе с чеканными Евангелистами; 1 канонник в переплете.

Подсвечники: 1 большой на 13 свечей; 5 средних на 9 свечей каждый; 3 малых на 1 свечу каждый; Паникадил 1 в 20 свечей; Лампады: 1 большая с подсвечником, 9 больших висячих с цепями; 1 аналой; 1 ящик свечной; 1 скамейка; 3 тумбочки маленькия; 1 ко-

* Подпись неразборчива.

** Текст документа на бланке.

вер; 1 кружка внутри часовни для пожертвований; 2 кружки снаружи; 5 пелен парчевых; 2 пелены шелковые; 1 аналойка шелковая; 5 подушек для подкладки под книги.

Председатель А. Кудряшов

Заведующий канцелярией И. Крестьянинов

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 10. Копия. Машинопись.

№5

Опись № 3. Опись церковно-религиозного имущества, находящегося в часовне на кладбище*

9 октября н. ст. 1918 г.

1 крест резной в окладе – Распятие. Высотой 4 ½ аршина; 1 лампада с цепями; 1 кружка для сбора пожертвований на деревянное масло к кресту; 4 скамейки; 2 бархатных коврика, 1 ковер веревочный.

За председателя А. Кудряшов

Заведующий канцелярией И. Крестьянинов

С подлинным верно:
Товарищ председателя**

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 11. Копия. Машинопись.

* Текст документа на бланке.

** Подпись неразборчива.

№6

Дополнение к заявлению и описям Совета Московской
общины христиан древле-православно-кафолического
вероисповедания и благочестия старопоморского согласия
в юридический отдел Московского совета рабочих
и красноармейских депутатов

№ 15* 4 ноября 1918 г.

В дополнение к заявлению и описям, поданным 9-го октября с/г. за № 139, Совет Общины представляет при сем описи и всего прочего имущества своего прихода-общины, о каковом имуществе уже было упомянуто в означенном заявлении. Совет Общины, в согласии с мнением прихожан, считает более соответственным, чтоб и это имущество было принято Юридическим Отделом как имущество не только гражданского, но и религиозного характера, ибо моленные, при которых существуют палаты богадельни, не только служат комнатами для молитв живущих при них призреваемых, но и имеют каждая особый круг своих прихожан. Кроме имущества, о котором уже было упомянуто в заявлении от 9-го октября с/г., в ведении Общины находится еще богадельня имени Г.К. Горбунова⁴ с моленною-храмом, имеющею также особый круг прихожан, и типографией для печатания богослужебных книг. Подробные описи этого имущества, а равно и его денежная отчетность также при сем представляется. Помимо описей основного имущества представляются и описи имущества, носящего служебный характер.

Приложения: 12 номеров описей на 90 страницах.

Товарищ председателя:**
Заведывающий канцелярией И.**

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 86. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

* Номер неразборчив.

** Подписи неразборчивы.

№7

Сведения об остатках книг
по бывшей типографии Г.К. Горбунова

Название книг	Оставалось на 1-ое октября 1918 г.	Выбыло по 31 декабря 1918 г.	Остаток на 1 января 1919 г.
Больших книг	795	158	637
Средних толстых книг	671	274	397
Средних тонких книг	400 2000	28 255	372 1745
Мелких	3866	715	3151

По поручению Г.К. Горбунова Н. Суворов

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 25. Подлинник. Рукопись.

№8

Списки имущества Преображенского Богаделенного дома,
представленные в организационно-учетное отделение
юридического отдела Московского Совдепа

Входящий № 266 Записано 5-го ноября 1918 г.

Список Богадельни Г.К. Горбунова при Преображенском Богаделенном доме.

Имеется:

15 икон без окладов, 7* в окладах, 4 креста, 3 иконы в киотах.
Итого 29 икон; 35 столов, 43 кровати, 30 матрацов, 5 шкапов,
8 стульев, 47 табуретов, 20 скамеек.

Типография Г.К. Горбунова при Преображенском
Богаделенном доме
Находится на 1-е октября 1918 г. на складе и лавке

* Так в документах обозначены повторы.

Книг в переплете

Большого размера 795; Толст[ых] средняго размера 671;
тонких “ ” 400; Маленького размера 2000.

Итого 3866 экземпляров.

Книги без переплета

Большого размера 22 658, толст[ых] средн[его] размера 17 575,
тонких средн[его] размера 14 561, маленького размера 150 674;
Шрифта 370 пудов, 3 пе[ч]атные машины, 2 пресса, 1 машина ре-
зальная, 1 рубильник, 1 пресс тискальный.

Итого 205 468 экземпляров.

Список вещей, находящихся в типографии Горбунова при
Преображенском Богаделенном Доме, но принадлежащих
посторонним лицам.

Г) Два ящика – 1 с подсвечниками, а другой с паникадилами
приняты

на хранение в 1915 г. от беженца Ковенской губ[ернии]
Новоалександровского уезда Видзской Старообрядческой об-
щины Мефодия Ивановича Лебедева.

1 сундук и 2 ящика с домашними вещами, принятые на
хранение от Болоткина, беженца Витебской губ[ернии]

Полоцкого уезда дер[евни] Ольховки.

Член Совета*

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 26. Копия. Машинопись.

№9

Записка организационно-учетного отделения
юридического отдела Московского Совдепа в хозяйственное
распорядительное отделение юридического отдела
Московского Совдепа

№ 360 12 ноября 1918 [г.]

Организационно-Учетное Отделение просит принять от Мо-
сковской Общины древле-православно-кафолического вероиспо-
ведения и благочестия старопоморского согласия (Преображен-

* Подпись неразборчива.

ское кладбище) 1 шубу, 1 кафтан (кучерский), 1 попону, 2 полка, сбрую для лошадей [()по обнаружении), сена 50 пудов.

Справка: Указанное имущество в силу декрета об отделении церкви от государства считается народным достоя[н]ием, на основании постановления Московского Совдепа, находится в ведении Юридического Отдела.

Заведывающий организационно-учетным отделением:^{*}
Делопроизводитель: А. Трубачев

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 89. Копия. Машинопись, рукописные вставки.

№10

Просьба Совета Московской общины христиан
древле-православно-кафолического вероисповедания
и благочестия старопоморского согласия
в юридический отдел Московского совета рабочих
и красноармейских депутатов

№ 156 27 ноября 1918 г.

Община получила предложение Организационно-Учетного Отделения Юридического Отдела о представлении списка прихожан, коим Отделом имеет быть передано богослужбное имущество Общины, причем представителям общины было указано, что на каждый храм общины должен быть представлен отдельный список прихожан, хотя эти религиозные святыни до сего времени в течение времени свыше 150 лет и принадлежали единому приходу-общине. Представляя ныне список прихожан, изъявивших желание принять в пользование нашу святыню церковную, мы просим передать означенным в сем списке лицам, подлежащее имущество во всем его целом, считая по 20 человек на 9 частей нашего церковного имущества. Мы считаем нужным объяснить, что все храмы, расположенные в ограде нашей Общины, представляют по существу одно цельное религиозное учреждение, один цельный приход, и поэтому мы считаем правильным, о чем и просим, передать все храмы одной общей группе прихожан, тем более, что запрещения тому не име-

^{*} Подпись неразборчива.

ется ни в декрете, ни в инструкции. Мы очень настаиваем на этой мысли, ибо в противном случае (при создании нескольких групп, а, следовательно, и приходов) создалось бы положение, резко противоречащее искони сложившемуся укладу нашей церковно-общественной жизни и вызвало бы может быть ненужное угнетенное настроение и обострение в среде верующей Общины.

Члены Совета:*
Члены комитета:**

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 94. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

№11

Разъяснение отношения Совета Московской общины христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия в организационно-учетное отделение юридического отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов**

№ 157 27 ноября 1918 г.

В разъяснение отношения Совета Общины от 4-го сего ноября за № 151 Совет считает нужным указать следующее: вследствие общественных исторических условий старообрядчество, в особенности не имеющее священства, каковым именно и является наше согласие, представляло перед властями свои религиозные учреждения не в качестве религиозных, а исключительно в качестве благотворительных, и только как таковые, правительственная власть допускала существование наших учреждений. Фактически мы сохраняли свою религиозную святыню и это, конечно, не было тайной для власти, но удавалось нам ее сохранить только потому, что она внешне облакалась формой, вернее, даже только названием, благотворительности разных видов. Именно этим объясняется, что наши учреждения всегда имели название учреждений благо-

* Подпись неразборчива.

** Подпись неразборчива.

*** В документе есть входящий № 454 и резолюция: «12/ХІІ Условиться о времени сдачи имущества и заключении договора» [неразб.].

творительного характера (Преображенский Богаделенный Дом), оставаясь в действительности учреждениями духовно[-]религиозными. Прибавим к этому, что для сохранения нашей религиозной святыни нам приходилось даже внешнему виду церковных зданий придавать характер обычных гражданских построек (в противном случае нам угрожало обвинение в оказательстве раскола, как гласили акты прошлого).

Члены Совета:*
Члены комитета:*

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 95. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

№12

Акт осмотра храмов общины Преображенского кладбища комиссией по приемке церковного имущества коллегии по охране памятников искусства и старины комиссариата по просвещению

24 февраля 1919 года Комиссией по приемке Церковного имущества Коллегии по охране памятников искусства и старины Комиссариата по Просвещению по произведенному осмотру храмов общины Преображенского кладбища в целях выяснения вопроса о занятии и приспособлении помещения для нужд Комиссариата Социального обеспечения, было постановлено:

Изолировать Храм Успения (мужской), отделив внизу коридор от церкви перегородкой, заперев дверь с правой стороны храма и отделив во втором этаже сплоченными, но с раскрывающимися дверьми перегородками коридор по аркам.

Ведение церковным ходом [неразб.] поручается Комитету Общины.

В богоявленском Храме сохранить алтарь, отгородив от жилого помещения тесовой перегородкой с дверью, как внизу, так и вверху, забив железом. Иконы изъять и перенести в надвратную церковь.

Ильинский Храм отделить по стеклянные двери тесовой перегородкой с дверью, обив железом.

Надвратный Преображенский корпус оставить в неприкосновенном виде ввиду исключительной ценности и художественно-

* Подписи неразборчивы.

исторического назначения, сосредоточив в нем наиболее ценные из закрываемых храмов предметы и древне-рукописный материал библиотеки.

Приступить к немедленной расчистке икон, для чего передать их в реставрационную мастерскую Коллегии.

Печать Коллегии наложить на надвратную церковь, а ключи всех церквей и охрану алтарей поручить Комитету Общины.

Заместитель председателя Мих[аил] Сергеев

Н. Померанцев

Художник-реставратор Г. Чириков

Ф. Мишуков

Ключи приняли, акт заслушали и охрану алтарей взяли на себя

Представители Комитета общины:

Ф. Сазонов

И. Горячев

С подлинным верно делопроизводитель Н. Киселев

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 42. Копия. Рукопись.

№13

Отношение Комитета прихожан старообрядческого Преображенского кладбища в Москве в организационно-учетное отделение юридического отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов

№ 123 12 марта 1919 г.

На основании декрета Народных Комиссаров от 30 Августа 1918 г. об отделении Церкви от Государства Старообрядческие Общины состоят на учете Юридического Отдела Мос[ковского] Совет[а] Рабоч[их] и Красн[оармейских] депут[атов].

Согласно предписания Юридического Отдела от 20 Сентября 1918 за № 1602 коим предлагалось Совету Общины представить в распоряжение отдела точную опись имущества церковной утвари и т. д. принадлежащего и находящегося в распоряжении Общины, последней были составлены требуемая описи, как на церковное имущество, так и на весь остальной инвентарь, на 6 храмов, нахо-

дящихся внутри ограды, 2 часовни-храма, находящихся на кладбище, и на храм, находящийся вне ограды во владении Г. Горбунова, и были представлены в Юридический Отдел.

На предмет приема храмов от Юридического Отдела, согласно разъяснений к декрету, что храмы и церковное имущество передаются лишь группе верующих прихода. На общем собрании прихожан Преображенского Кладбища 24 Ноября 1918 г. был избран комитет в составе 16 лиц, которому собранием прихожан и было поручено принять храмы и церковное имущество.

Означенная передача Юридическим Отделом была назначена на 12 Января 1919 г., но [не] состоялась и до настоящего времени по причинам, Комитету неизвестным.

С конца Ноября 1918 г. на Преображенское кладбище начали являться представители как от Местного Совета Благоуше-Лефорт[овского] Района, так и других, а также от воинских частей, расположенных в данном районе, с целью выяснения свободных помещений для размещения солдат, лошадей и ар[тил]лерии.

В начале Декабря [неразб.] 1918 явилась на кладбище смешанная Комиссия от Местного Совета и описала все движимое имущес[тво] конторы, скотного двора и пр., не касаясь храмов и неск[ольких] строений кои находятся внутри ограды, и сделала распоряжение об очищении помещения, занятого конторой, таким образом распорядителями по скотному двору, конторе и пр. с находящимся при них инвентарем явился Местный Совет в лице члена исполнительного комитета Скоробогатова и представительницы от От[дела] Соц[иального] Обез[печения] Местного Района тов. Громовой, причем часть помещения Конторы в настоящее время занята Канцелярией 34-го артиллерийского Дивизиона.

Одновременно с произведенным осм[от]ром и описью инвентаря перечисленных помещений членом Испол[нительного] Комитета Скоробогатовым был составлен Комитет по Управлению участком Кладбища, где проводятся похороны умерших, исключительно старообрядцев; в состав Комитета были приглашены 3 члена Комитета прих[ожан], 2 представителя от рабочих и 3 представителя от местного Совета.

Дальнейшая деятельность представит[еля] Местного Совета, в лице Громовой, как пр[ед]ставительницы Отдела Социального обеспечения, коснулась зданий храмов, при которых размещался клир и призреваемые, причем ею были составлены списки призреваемых и занимаемая полезная площадь.

Ввиду того, что Комитету прихода храмы и имущество не были сданы Юридическим отделом и имея в виду, что Местный Совет

части описанного имущества берет в свое ведение, Комитет, озабочиваясь сохранением как церковного имущества, так и остального, обратился в Юридический Отдел с личной просьбой или же снят[ь] с ответственности Комитета хранение последнего или выдат[ь] охранительное удостоверение о нахождении означенного всего имущества Преображенского Кладбища в ведение Юридического Отдела.

Означенное удостоверение было получено от Юридического Отдела за № 168 от 15/1 1919 г.

30 Января 1919 г. Отделом Социального Обеспечения Благуше-Лефортовского Районного Совета было предложено освободить 3 корпуса с храмами и не чинить никаких препятствий тов. Стратьевой и Громовой в их действиях по уплотнению старух и выселению трудоспособного элемента из богадельни, означенные распоряжения были Комитетом произведены в исполнение, во избежание ареста и прочее, так как просьба Комитета к Совету о том, что в этих Корпусах размещены старообрядческие храмы, успеха не имела, при этом Комитет доводит до сведения Юридического Отдела, что из 3-х освобожденных Корпусов-храмов один из них надвратный во имя Преображения, представляет особо исторический как по наружным частям, так и по собранным в нем художественно ценностных икон, иконостасе и пр., о чем был составлен акт Комиссией по охране памятников старины и искусства.

С 1 февраля с/г всеми живущими призреваемыми при храмах ведает Районный Совет Социального Обеспечения, под управлением живущими на Преображенском Кладбище тов. Стратьевой и Громовой.

Доводя о всем вышеизложенном до сведения Юридического Отдела, Комитет прихода убедительно просит ускорить передачу храмов и церковного имущества, так как настоящее неопределенное положение Комитета невольно ставит в затруднительное и нежелательное столкновение с Местным Советом.

Председатель Комитета Ф. Сазонов*
Секретарь*

* Подписи неразборчивы.

№14

Протокол чрезвычайного общего собрания семи храмов
Преображенского старообрядческого кладбища

26 го Января с.с. – 8 февраля н. с. 1919 г. на Собрании присутствовало свыше 350 прихожан Преображенского, Черкизовского и Семеновского районов, с других районов в виду будняго времени и плохого сообщения прихожан присутствует мало. Председателем Собрания избран Т.И. Илларионов, а секретарем И.М. Плетнев. Собрание открыто в 5 ч вечера по новому времени. Комитет прихожан в экстренном порядке вносит свой доклад о создавшемся положении на Преображенском Кладбище в связи с реквизицией 3-х корпусов социальным обеспечением отдела Благуше-Лефортовского Совдепа и о приеме в свое ведение призреваемых, живущих при храмах кладбища. Заслушав доклад Комитета и обсудив его всесторонне общее Собрание, принимая всю тяжесть обстановки, созданной вследствие заявления представителями отдела социального обеспечения об очищении храмов Преображенского, Богоявленского и Ильинского, т. е. об выносе из них Икон и Церковной утвари, разборки иконостасов, клиросов, нашло, что заявление это совершенно невыполнимо, как [неразб.] явно нарушающее священные каноны в Церкви о неприкосновенности алтарей, которыми являются моленные храмов и противоречащее свободе веротерпимости. Почему вынесена следующая резолюция. Принимая во внимание 1) что старообрядцы на протяжении веков, со времени царя Алексея Михайловича, подвергались всяким гонениям и притеснениям со стороны царской власти за их религиозные верования и убеждения тысячами клали свои головы за веру своих отцов, тысячами гноились в тюрьмах, целые тысячи мирян принуждены были скитаться из угла в угол по России, разыскиваемые и преследуемые приспешниками царской власти и только со времени первой русской революции получили, после злополучной японской войны, получили возможность свободно исповедовать свою религию и отобранные ранее права граждан российских, а потому теперь в дни полнейшей свободы старообрядцы как и евреи не только не должны подвергаться лишениям и притеснениям со стороны представителей советской власти, но и имеют право рассчитывать и на наибольшее к себе уважение и снисхождение, как люди пострадавшие, кровь и пот которых лежат в основе русской революции, как в начале, так и теперь, когда в рядах советских властей служат тысячи старообрядцев, дети и родные собравшихся и отсутствующих прихожан храмов Преображенского Кладбища и, что они должны подумать, когда [неразб.] и 2/. Что Преображенское Кладбище существует полтора года, представляет из

себя центр верующих старообрядцев не только Москвы, Центральной России, Поволжья, но также Польши, Австрии и далекой Сибири, захватывающей станицы всего Казачества; здесь собирались и собираются все Соборы Церковные, отсюда исходят Церковные управления и распоряжения для всех церквей указанных территорий, потому оно является историческим, святым местом старообрядчества, что будучи угнетаемы со стороны царской власти в течение всего своего существования, оно даже в царствование злейшего врага старообрядцев царя Николая I-го и его сподвlastника Аракчеева, хотя и подвергалось некоторому разгрому и управлению его Преображенского Кладбища и видные прихожане были сотнями отправлены в ссылку, где и скончались, но Храмы, все они были пощажены; их запечатали и оставили не прикосновенными. Потому теперь, в дни свободы, Социальное Обеспечение совершенно несправедливо и незаслуженно требует нарушения наших храмов, и мы нижеподписавшиеся ни в коем случае добровольно не можем соглашаться на упразднение Храмов Преображенского, Богоявленского и Ильинского и ходатайствуем как пред местным, так и центральным Социальным обеспечением о сохранении их в полной неприкосновенности. Факт голосования резолюции отвергнут, и таковая принята всеми присутствующими единодушно. Комитету поручено о постановлении прихожан осведомить Социальное Обеспечение, как местное, так и центральное, и категорически запрещено принимать какие-либо меры к очищению Храмов, и вместе с тем Комитету представляются самые широкие полномочия.

Затем Комитет предложил собранию сделать обычный добровольный сбор между собой, кто сколько может, на отопление, освещение и ремонт храмов и содержание духовных лиц и клира и другие нужды.

Духовные лица О*

Председатель Т. Илларионов

Секретарь И. Плетнев

Члены, присутствовавшие в количестве двести человек.

С подлинным верно.

Председатель

Секретарь

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 60–61 об. Подлинник. Рукопись карандашом.

* Подпись неразборчива.

№15

Заявление председателя Комитета прихода храмов
Преображенского кладбища в юридический отдел
Московского совета рабочих и красноармейских депутатов*

5 июня 1919 г.

Настоящим доводим до сведения Юридического отдела, что в занятом помещении детским распределителем в Преображенском храме с завешанных икон брезентом и холстами последние сорваны, и где таковые находятся, Комитету неизвестно.

Заведующая означенным распределителем Розалия Самуиловна Полисова заявила, что она не может уследить за детьми и тем самым за все могущие быть последствия с иконами она не отвечает.

Комитет просит оградить святыню от такого произвола.

Сазонов**

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 121. Подлинник. Рукопись.

№16

Ответ юридического отдела Московского совета рабочих
и красноармейских депутатов на заявление Комитета
прихода Преображенского кладбища***

№ 1841 7 июня [19]19 г.

В ответ на Ваше заявление от 5-го Июня с. г. предлагает Вам изолировать Преображенский Храм от Детского Распределителя посредством устройства деревянной перегородки, отступив от стеклянных дверей храма на 7 аршин.

Заведывающий отделом:
Заведыв[ающий] орг[анизационно]-учетным отделением:
Заведывающая канцелярией: Гусева

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 122. Копия. Машинопись.

* В документе есть резолюция: «Произвести расследование [неразб.] 5/VI-19».

** Подпись неразборчива.

*** В документе есть пометка: «Подлинник получил 7/VI [неразб.] Сазонов».

№17

Акт об исполнении предписания юридического отдела
Московского совета рабочих и красноармейских депутатов
об изолировании Преображенского храма
от детского распределителя

1919 года Июня 12-го дня мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что исполнение предписания Юридического Отдела Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов от 7 сего Июня за № 1841, подписанного заведующим Отделом тов. А. Глузман, об изолировании Преображенского храма от детского распределителя посредством устройства временной деревянной перегородки, отступив от стеклянных дверей храма на 7 аршин, поставили в известность заведующего детским распределителем, что сего же числа будет [неразб.] приступлено к назначенным работам для изолирования храма, на означенное заявление заведующая распределителем тов. [Волкова⁵] сказала, чтобы щиты были поставлены лишь прямо к иконам, во избежание могущих быть недоразумений и репрессий со стороны Социального Обеспечения, и разговора о том, что это есть храм, не может быть и речи, а тем более, что он в настоящее время занят детским распределителем. Во время исполнения указанных работ явившиеся милиционеры предложили работу прекратить по распоряжению административного отдела Благуше-Лефортовского Совдепа. Работы прекращены в 4 часа дня.

Председатель Комитета Сазонов*

Комитета А. Ефимов*

Присутствовал Н. Михайлов

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д.13. Л. 124. Подлинник. Рукопись.

* Подписи неразборчивы.

№18

Постановление президиума совета рабочих депутатов
Благуше-Лефортовского района в Комитет
Преображенского кладбища*

№ 5734 30-го июня 1919 г.

Заслушав заявление Комитета Преображенского Кладбища, Президиум постановил уведомить Комитет, что устройство перегородки в Детском Доме «Вперед» разрешено быть не может, так как перегородка уменьшила бы размер комнаты и загрозила бы окна, что недопустимо. На стеклянную часть дверей можно разрешить сделать глухие щиты, иконы же, находящиеся вне молельни, в зале, убрать за двери молельни. Всё же меры эти лишь временные, так как при первой возможности помещение, занятое молельней, должно быть совершенно очищено.

Член президиума: Петров**
Секретарь:**

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 130. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

№19

Отношение Совета Московской общины христиан
древле-православно-кафолического вероисповедания
и благочестия старопоморского согласия в юридический
отдел Московского совета рабочих и красноармейских
депутатов***

№ 114 4 июля 1919 г.

Представляя при сем акт от 12 Июня с/г. Комитет Прихода Храмов Преображенского Кладбища настоящим доводит до сведения Юридический Отдел, что предписание Отдела от 7 Июня с/г. за № 1841 привести в исполнение Комитет не мог по указанным в

* В документе есть пометка: «Отв. 4/VII 1919 г. Секр[етарь] Д. Максимов».

** Подписи неразборчивы.

*** Текст документа на бланке.

акте причинам. Кроме сего, на действия Комитета в лице его Председателя Благуше-Лефортовским Комиссариатом по распоряжению Административного Отдела составлен протокол.

При об[ъ]яснении с секретарем Президиума последний затребовал мотивированное заявление по возбужденному делу, которое и было представлено в Президиум вместе с предписанием Юридического Отдела от 7 Июня за № 1841.

30-го Июня Комитет на поданное заявление получил постановление Президиума Благуше-Лефортовского Совета за № 5734, коим отменяя постановление Юридического Отдела, запрещает устройство перегородки, а разрешает сделать глухие щиты на стеклянные двери храма, находящиеся же иконы во второй части храма предлагает убрать.

При этом подчеркивает свои распоряжения, что они лишь временные и при первой же возможности помещение, занятое храмом, должно быть совершенно очищено.

Принимая во внимание, что Старообрядческое Преображенское Кладбище, основанное около 200-х сот лет тому назад, является центром старообрядчества России и что уже Общим Собранием всех прихожан г. Москвы и ее окрестностей определенно вынесено постановление, каковое известно Благуше-Лефортовскому Совдепу, что разрушение храмов старообрядцы не допустят, и произойти это может лишь путем насильственных мер, Комитет Прихода Преображенского Кладбища, являясь представителем выражения мнений всех старообрядцев, заявляет Юридическому Отделу, как стоящему на страже проведения в жизнь декретов об отделении церкви от государства, что означенное распоряжение Комитет также не может исполнить по чисто религиозному характеру и кроме того просит не отказать поставить в известность Комитет, чьи же распоряжения он должен исполнять, так как такое положение приносит лишь ущерб и излишние нежелательные отношения к старообрядцам Преображенского Кладбища со стороны Благуше-Лефортовского Совета.

Председатель Комитета В. Сазонов
Товарищ председателя*
Секретарь Д. Максимов
Член Комитета*

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 13. Л. 131–131об. Подлинник. Машинопись, рукописные вставки.

* Подписи неразборчивы.

-
- ¹ Крестовоздвиженский храм.
 - ² Никольская часовня (1805 г.) и часовня Креста Господня (1860–1870-е гг.). Сохранились, ныне действующие.
 - ³ Крестовоздвиженский храм (1811 г.). Сохранился, является действующим.
 - ⁴ Григорий Клементьевич Горбунов (1836–1920) – известный старообрядец, мануфактур-советник. С 1907 по 1917 г. был председателем совета общины. В 1907 г. открыл старообрядческую типографию. На улице Девятая Рота стоит дом из красного кирпича с чугунными воротами и красным фонарем над калиткой, у него есть и два брата-близнеца: один находится также на Девятой Роте, а второй – в Ковылинском переулке. Во дворе располагается еще один серый двухэтажный дом с одноэтажной пристройкой. Мало кто сейчас знает, что когда-то все это вместе в самом начале XX в. было городской усадьбой почетного потомственного гражданина Г.К. Горбунова. Еще 22 октября 1910 г. общее собрание единогласным постановлением приняло в ведение и управление общины жертвуемую Г.К. Горбуновым богадельню. Из ее Устава следовало, что богадельня состоит в ведении Московской общины, а ее управление принадлежало самому Г.К. Горбунову, его зятю – личному почетному гражданину Н.И. Лосеву и дочерям: К.Г. и Е.Г. Горбуновым.
 - ⁵ Возможное прочтение – Волосова.

А.Г. Смирнова

«ОПЫТЫ ПОСТРОЕНИЯ П/ОТДЕЛА* ГОРОДА»
(из документального наследия И.М. Гревса)

Публикуемый документ представляет собой тезисы лекций историка-городоведа И.М. Гревса (1860–1941) для III Музейных курсов, организованных Наркомпросом в Москве в 1926 г. 1920-е гг. стали одним из важнейших периодов развития отечественного краеведения и городоведения. Продолжая дореволюционные традиции, представители университетской и академической науки заложили теоретические и методологические основы этих двух научных направлений. В публикуемых тезисах рассматриваются основные принципы создания отдела города в музее на основе комплексного краеведческого изучения города и отражения в экспозиции его образа. В связи с этим анализируются основные концепции изучения городов, их типология и характерные черты формирования и развития.

Ключевые слова: краеведение, городоведение, город, мировой город, музей города, ядро города, план города, ландшафт, культура.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ) сохранился большой комплекс документов Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР¹, представляющих немалый интерес в плане изучения истории отечественного краеведения, городоведения, экскурсионного, музейного дела в 1920-е гг. Среди многочисленных и разнообразных по характеру и содержанию документов наше внимание привлекло дело 596 «Программа III Музейных курсов при Музейном отделе» (1926 г.), где помимо прочих материалов есть тезисы цикла лекций по методике построения в музее подотдела города, подготовленные Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941).

© Смирнова А.Г., 2014

* Подотдела.

Имя И.М. Гревса, ученого, профессора Петербургского университета, историка-медиевиста, стоит одним из первых в ряду тех, кто закладывал основы отечественного историко-культурного краеведения, городоведения, экскурсиеведения в 1920-е гг., развивая опыт, накопленный еще в предреволюционный период. Будучи одним из основоположников петербургской школы медиевистов, занимаясь проблемами средневековой европейской истории, И.М. Гревс одновременно уделял внимание изучению города как особого историко-культурного явления. В личных и научных поездках в Европу его в первую очередь привлекали города. Так, готовя в 1912 г. вторую научную экскурсию со студентами в Италию (первая состоялась в 1907 г.), Гревс намечал в качестве «центрального объекта изучения» «итальянский город средних веков и эпохи Возрождения в его топографии (росте), монументальной истории, социальном и духовном развитии»². В 1925 г. И.М. Гревс писал: «Меня всё сильнее привлекает в кругу краеведческих работ то, что может быть названо градоведением, познание происхождения, роста и современного состояния городов как крупнейших носителей и факторов культуры. Значительную часть своей научной жизни я посвятил исследовательской работе над городами запада, больше всего Италии. Когда же изменившиеся условия существования обратили меня к русским городам, я скоро почувствовал, что обычный эпитет – «деревенская Россия» должно понимать лишь в условном и сравнительном смысле. В ней развивалось немало городов с замечательными физиономиями и выдающеюся культурною ролью»³.

И.М. Гревсом и его учениками (в первую очередь Н.П. Анциферовым) не только разработаны общие концептуальные и методологические основы городоведения, но и создана оригинальная методика, основанная на применении экскурсионного метода в постижении «образа города», которую Гревс применял в преподавании и в Петербургском университете, и на Высших Бестужевских женских курсах, и в целом ряде средних учебных заведений. Может быть, наиболее глубоко городоведческая тематика разрабатывалась И.М. Гревсом именно в 1920-е гг., в «золотое десятилетие» отечественного краеведения, когда им был создан целый ряд работ, посвященных проблемам изучения города, являющихся ныне классикой отечественного городоведения: «Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры)»⁴, «Город как предмет краеведения»⁵, «Город как предмет школьного краеведения»⁶, «История в краеведении»⁷ и др.

В этот же период И.М. Гревс возглавлял гуманитарный отдел Петроградского (Ленинградского) экскурсионного института (1921–1924 гг.), созданного при его активнейшем участии, с 1923 г. работал в Центральном бюро краеведения (далее ЦБК) – это годы изучения города «как живого организма», годы путешествий «по краям и весям родной страны»⁸ (краеведческие исследования Петрограда и его окрестностей, знакомство с городами Поволжья, Черноземья, Центральной России, русского Севера), участие в краеведческих конференциях и съездах, местных музейных съездах. Н.П. Анциферов, вспоминая об И.М. Гревсе, пишет, насколько живо, увлеченно и глубоко «постигал» он город: «Как в своих научных работах, так и в дни путешествия Иван Михайлович стремился постичь индивидуальное лицо города, его своеобразие. Малейшая деталь могла оказаться интересной и ценной для выяснения характерных черт города: какое-либо крылечко или наклон крыши, полевые цветы на городской площади, изгиб переулка, скат у реки, название улицы (например, в Курске – Веселая) – все это могло помочь понять особенность городского ландшафта. Нас интересовало нахождение ядра, вокруг которого разросся город, выяснение постепенных наслоений на этом ядре и, наконец, изменения, которые вносила новая эпоха, в те годы еще мало отраженные в ландшафте города. <...> Новый город воспринимался им как живое существо, с которым он входил в живое общение»⁹.

В своих трудах И.М. Гревс подчеркивал, что «важным, обширным сюжетом для работ исторического краеведения является изучение развития городов и населенных мест вообще. Рост города – это, в самом деле, коренной вопрос культурной истории, ибо город самый сильный носитель и показатель культуры; на его судьбах всего сильнее отпечатываются процессы, ее творившие; в его пределах богаче всего происходит концентрация результатов ее развития»¹⁰. Понимание города, по Гревсу, не должно сводиться только к знакомству «с внешней физиономией его», «надобно изучать его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность, – и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа»¹¹, «...жизнь города должна познаваться в ее экономической, вещественно-бытовой и социальной, политической, умственной, художественной и религиозной природе и правде. Только совокупность всех этих процессов, понятых в отдельности в единстве, составит картину культуры, развития ее в данном носителе» (1921 г.)¹². В работе «Город как предмет краеведения» (1924 г.) И.М. Гревс вновь подчеркивает: «...город – каждый индивидуально и многие группами – представ-

ляет для настоящего времени “синтез” в жизни людей и их союзов. Города – это гнезда и приемники, лаборатории и хранители благ и их распространители кругом, вершины достигнутых уровней цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов и насыщение их плодами. Это – крупнейшая форма сращения в одном конкретном общежитии элементов цивилизации, слияния и взаимодействия ее стихий и течений. Города – выразительнейшие показатели развития культуры и ее настоящего; изучение их в истории и современности – прекрасный путеводитель при исследовании ее судеб»¹³.

Именно такое понимание роли и значения города в истории культуры и истории края, обоснованное И.М. Гревсом в работах первой половины – середины 1920-х гг., легло в основу его городоведческого подхода и получило развитие в работах его учеников¹⁴.

Занятий городоведением И.М. Гревс не оставлял на протяжении всей своей профессиональной деятельности, буквально до последних дней жизни. Этому посвящены уже упомянутые опубликованные работы, а также сохранившиеся в его личном фонде¹⁵ конспекты, наброски и очерки (в том числе «Вопрос о средневековых городах в европейской историографии», «Возникновение городских общежитий в Галии», «Город и его жизнь. Краеведческие очерки из истории культуры», История и жизнь города. Этюды по культурному краеведению» и др.). Оказавшись с 1923 по 1934 г. отлученным от любимого дела преподавания, от занятий историей в университете, переживая трудные времена, связанные с общим изменением жизни и окружающей атмосферы, с нездоровьем дочери, с тяжелым материальным положением семьи, с неустроенностью быта, необходимостью искать заработки, И.М. Гревс находит душевное отдохновение в занятиях краеведением, соединяя их со своим неизменным интересом к городам. Свидетельства тому есть в переписке И.М. Гревса (упоминания в письмах к Е.Я. Рудинской о поездке в Полтаву летом 1924 г., где читал лекции по «культурному краеведению»¹⁶, признание в марте 1928 г., что «близкая сердцу» тема «о городах в их топографическом и монументальном росте и об их духовной культуре – не остается без движения ... и моя книга по этому предмету также все растет...»¹⁷, и в декабре того же года – «Занимаюсь я все прежними вопросами – городами и Тургеневым»¹⁸ и пр.). После разгрома историко-культурного краеведения на рубеже 1920–1930-х гг., потеряв и эту отдушину, И.М. Гревс в 1934 г. вновь получает возможность вернуться к преподаванию,

правда, уже совсем в иных условиях, когда многое из его богатейшего научного и педагогического опыта остается не востребуемым. Но и здесь по-прежнему сохраняется верность теме города. В составленных им в октябре 1936 г. «Общественных обязательствах» в разделе «Педагогическая работа» указаны школьные уроки «о древнем и средневековом городе»¹⁹. К этой же теме возвращается И.М. Гревс в 1940 г. в статье «Памятники культуры в советской Прибалтике (Рига)»²⁰, где вновь подчеркивает, что «к городу следует подходить как к специфическому собирательному существу, развивающемуся по подобию живого организма с собственной природой, выявляющему каждый раз неповторимые черты и элементы. Жизнь его изучается в процессе становления, от начала через возрастание к апогею до расцвета его существа, затем, возможно, к упадку и концу (рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть или увядание)»²¹. На 19 мая 1941 г. было назначено выступление И.М. Гревса в студенческом кружке с докладом об изучении города, но 81-летний профессор так и не получил приготовленных студентами цветов. Он умер тремя днями раньше, 16 мая (не дожив одного дня до 81 года).

Публикуемые тезисы лекций И.М. Гревса базируются на изложенных выше взглядах ученого на город, они отражают все основные положения его городоведческой концепции и интересны для исследователя не только тем, что это еще одна авторская работа ученого в этом направлении, но и тем, что здесь представлен синтез общих задач краеведения, основных направлений изучения города и методики создания музейной экспозиции по истории города.

Отметим также, что сам документ – интересное и важное свидетельство взаимоотношений и взаимосвязей ленинградского и московского краеведения, о которых Н.П. Анциферов, так же как и И.М. Гревс, представитель петроградской (ленинградской) группы краеведов, экскурсионистов, применительно к началу 1920-х гг. писал: «Москвичи посещали нас, мы – москвичей, обменивались опытом нашей работы. Мне кажется, что ни в одной области москвичи и ленинградцы (тогда еще петроградцы) не работали так дружно, как работала московская и наша группа экскурсионистов. И я могу сказать с уверенностью, что этому в значительной мере содействовал Иван Михайлович – тем моральным авторитетом, которым он пользовался как у нас, так и у москвичей»²². (Это сотрудничество Н.П. Анциферов упоминает и в конспекте очерка «Культурная революция 1920-х гг.»²³) И.М. Гревс по экскурсионно-краеведческим

делам неоднократно бывал в Москве в начале 1920-х гг., в том числе и в связи с сотрудничеством Петроградского экскурсионного института с Московским Центральным музейно-экскурсионным институтом. В декабре 1924 г. Гревс участвовал в работе II Всесоюзной конференции по краеведению в Москве. Характерно, что, направляясь по поручению ЦБК осенью 1925 г. в поездку по городам Верхнего и Среднего Поволжья для знакомства с постановкой краеведческой работы, Гревс составил круговой маршрут, началом и окончанием которого была именно Москва. Здесь на обратном пути он непосредственно познакомился с недавно созданным Областным краеведческим музеем, с такими краеведческими организациями, как только что учрежденное «Общество изучения Московской губернии», «Старая Москва», «Общество изучения русской усадьбы», Губернское краеведческое бюро²⁴. Можно утверждать, опираясь на публикуемый документ, что сотрудничество продолжалось и во второй половине 1920-х гг., в том числе и по линии Музейных курсов Наркомпроса.

Охарактеризуем сам документ и скажем несколько слов о содержании архивного дела, в составе которого он хранится. В дело 596 включено 6 документов, «Программа III Музейных курсов» (таблица с пометками карандашом и красной ручкой с указанием разделов программы, тем и часов лекций и фамилий лекторов) и тезисы и тексты лекций 5 авторов. Помимо И.М. Гревса это С.И. Руденко (об этнографических подотделах музеев), проф. В.А. Городцов (о методах определения археологических памятников), проф. А.В. Филиппов (о методах определения керамики) и неизвестный автор (об историко-литературных музеях). Все документы представляют собой машинописные копии.

Текст тезисов И.М. Гревса напечатан с двух сторон на большеформатных (сдвоенных и одинарных) листах в 3 экземплярах. В целом текст читается без затруднений, хотя он неяркий. Встречаются непропечатанные или плохо распечатанные буквы, есть отдельные опечатки. В тексте есть подчеркивания, исправления (машинописные), а также пропуски, заключенные в косые скобки.

Текст разделен на 4 части – 4 лекции, не имеющие названий. Ни в описи к фонду, ни в деле не обозначено, что это тезисы лекций. Однако это становится очевидным из самого текста документа по стилю изложения и по объему материала.

Отметим интересный факт. В упомянутой «Программе III Музейных курсов» фамилия И.М. Гревса отсутствует, а в Историко-бытовой подцикл включена лекция С.Д. Ширяева «Методы

построения подразделов истории города». Заметим, что и само название лекции хоть и непринципиально, но все же несколько отличается от названия публикуемого документа («Опыты построения п/отдела города»). Объяснением этому может служить рукописная пометка на первом листе «Программы»: «К делу III курсов. Одна из первых наметок». По всей видимости, в окончательный вариант программы Музейных курсов 1926 г. были включены именно лекции И.М. Гревса (еще одно косвенное подтверждение тому – наличие именно этих тезисов в архивном деле). О том, что И.М. Гревс читал лекции в Москве в 1926 г., свидетельствует также и упоминание им в том же 1926 г. на заседании ЦБК 23 октября в своем отчете о поездке на Музейный съезд в Казань о роли III Музейных курсов в музейном строительстве в провинции. Говоря о постановке музейного дела в Среднем Поволжье и отмечая здесь наличие опытных музейных работников, желающих пополнить свои знания, Гревс указывает, что этому «очень помогли организованные в Москве музейные курсы»²⁵.

При публикации текст документа был приведен в соответствие с современными нормами правописания. В целях единообразия нумерация лекций дается римскими цифрами (в оригинале стиль нумерации варьируется), обозначения дат также даны римскими цифрами. Пропуски, обозначенные в оригинале косыми скобками, даны в круглых скобках и обозначены многоточием. Подчеркивания текста сохранены, поскольку позволяют видеть смысловые акценты, выделенные автором. Развернутые публикатором сокращения даны в квадратных скобках.

Примечания

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54.

² *Гревс И.М.* Экскурсия в Италию 1912 года // Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 282.

³ Цит. по: Отчет о поездке Ивана Михайловича Гревса в Поволжье в 1925 г. // Мир экскурсий. 2010. Декабрь. С. 13.

⁴ См.: *Гревс И.М.* Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. СПб., 1921. С. 21–34; Иван Михайлович Гревс и Петербургское краеведение: Сб. к 150-летию со дня рождения. СПб., 2010. С. 19–44.

- ⁵ См.: *Гревс И.М.* Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258; Иван Михайлович Гревс и Петербургское краеведение. С. 56–72.
- ⁶ *Гревс И.М.* Город как предмет школьного краеведения // Вопросы краеведения в школе. Л., 1926. С. 64–87.
- ⁷ *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. № 4. С. 487–508.
- ⁸ Там же. С. 494.
- ⁹ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М., 1992. С. 402–403.
- ¹⁰ *Гревс И.М.* История в краеведении. С. 497.
- ¹¹ *Гревс И.М.* Монументальный город... // Иван Михайлович Гревс и Петербургское краеведение. С. 22.
- ¹² Там же. С. 32–33.
- ¹³ *Гревс И.М.* Город как предмет краеведения // Иван Михайлович Гревс и Петербургское краеведение. С. 59.
- ¹⁴ См., например: *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л., 1926; *Он же.* Город как объект экскурсионного изучения // Краеведение. 1926. № 2. С. 167–182; *Анциферовы Н. и Т.* Книга о городе. Ч. 1: Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики. Л., 1926; Ч. 2: Современные города. Л., 1926.
- ¹⁵ Петербургский филиал архива РАН. Ф. 726.
- ¹⁶ См.: Человек с открытым сердцем. С. 310–312.
- ¹⁷ Там же. С. 321.
- ¹⁸ Там же. С. 322.
- ¹⁹ Там же. С. 339.
- ²⁰ Там же. С. 325–331.
- ²¹ Там же. С. 326.
- ²² *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. С. 400.
- ²³ Там же. С. 407–408.
- ²⁴ Отчет о поездке Ивана Михайловича Гревса в Поволжье... С. 12.
- ²⁵ Деятельность Центрального бюро краеведения (Из журналов заседаний) // Известия ЦБК. № 10. 1926. С. 334.

И.М. Гревс

Опыты построения п/отдела города

I лекция

Основные принципы построения:

Краеведение по методу работы является конкретным синтезом, оно стремится создать полную картину края.

Никакое одностороннее краеведение не будет удовлетворительным.

Нужно стремиться создать полный ландшафт местности, включая природу и культуру.

Культура заключается не только в материальных памятниках, но и в духовном накоплении человечества, что обуславливает мирозерцание человечества и его идеалы.

Культура создается путем постепенного изменения, с этой точки зрения и нужно изучать ее. Корни настоящей культуры нужно искать в прошлом, без знания прошлого непонятно настоящее.

Объекты изучения культуры.

Город – сильнейший показатель культуры и самый сильный носитель ее высшего уровня развития.

Каждый тип культуры связан с определенным городом, который является главным ее выразителем, напр[имер], Вавилон, Рим.

Музей должен отражать город.

В зале нужно построить биографический портрет города, когда это сделано, должно вестись дальнейшее изучение города, которое будет питать музей.

Только могущий хорошо изучить город может хорошо поставить музей.

Что такое город и причины возникновения городов.

Город есть значительное поселение, которое для своего процветания нуждается в плодах чужого сельского труда.

Город есть такое поселение, где жители приготавливают ремесленные и фабричные изделия и ведут обмен с сельским населением.

Город – не первоначальная форма поселения.

Первоначальным мотивом образования города являлась потребность к защите, во многих городах мы находим кремль – укрепление. Крепость притягивала производство и обмен, под стенами образуются посады.

Города создаются из укрепленных поместий государей.

Города создаются по политическим причинам, по распоряжению административной власти, по религиозным побуждениям, по экономическим причинам.

Музей города есть закрепление его истории и дальнейшее ее изучение. В музее должна быть представлена полная биография города, причины его возникновения, окружающая его природа и рост города со стороны его анатомии и физиологии¹.

В анатомию города входят: 1) топография, 2) план, 3) застройка.

В физиологию входят: 1) хозяйство; 2) социальный строй.

Литература: Анциферов «Пути изучения города»².

II лекция

Значение географического плана в образовании города чрезвычайно велико. Еще Ключевский замечательно обрисовал это на примере возвышения Москвы. В дальнейшем тяга к морю вызвала основание Петербурга, но он занимал слишком эксцентричное положение с географической точки зрения, и вполне естественно, что столица снова вернулась в Москву.

Любопытны типы городских образований, связанные с природными богатствами (города у минеральных источников; горнозаводские города), нередко такие города бывают неудобно расположены в силу специфических условий их возникновения (города узлового железнодорожного значения).

Значение местонахождения города в развитии его исторических судеб громадно. Нельзя, однако, преувеличивать это значение, так как оно является пассивным субстратом и часто действует лишь в сочетании с целым рядом других условий. (Константинополь, несмотря на идеальное географическое местоположение, в силу неблагоприятных исторических условий не развил всего, что мог.)

Интересный опыт морфологии культурного ландшафта дан в книге (...) 1924 года, где дана богатая библиограф[ия] по изучению города и основные категории географических седалищ городов. Отчасти подобную схему категорий находим у Анциферова³.

Определив значение географического фундамента, мы определим и необходимый материал в Музее. Отдел города должен быть снабжен точными картами города и окрестностей.

Следующей стадией в изучении города является вопрос о сложении городских планов – изучение скелета города в его постепенном развитии, анатомии города в ее динамике – топография горо-

да. История плана города отражает историю его роста. (Изучение Римского городского плана начало целый период в деле изучения городов. Интересно изучение Помпеи по ее топографии.)

Города можно разделить на: стихийно развивавшиеся и целесообразно возникшие. Наиболее типичны из первой группы – города, в силу благоприятных условий образовавшиеся из деревень. Большинство городов возникало как результат сознательного акта основателя – лица или группы. Это основанные города или «умышленные», по меткому выражению Достоевского. Нередко замысел основателя встречается перебой от влияния стихийных факторов, и создаются города смешанного типа.

Большинство «умышленных» городов сложились около основного ядра.

1) В Зап[адной] Европе ядром могла быть старая Римская колония (квадратный Римский лагерь) – это колониальные или лагерные (...) города. В планах многих городов легко можно найти этот основной квадрат.

2) Другой вид ядра – королевский или княжеский замок (...) в Запад[ной] Европе и кремль в России.

3) Ядром служил и монастырь с рынком, – образовавшиеся в узле путей с торговой площадью посередине (...). Иногда сливалось два ядра – замок и монастырь, монастырь и рынок. (Любопытен план Флоренции, развивавшийся из Римского ядра с концентриками. Такие концентры находим и в плане Москвы и Парижа.)

Многие из основанных городов возникали без кристаллизующего ядра. План их бывает ребровидным, лестничным, крестом и т. п.

Первоначальные планы ярко видны в городах малоразросшихся.

В больших городах (особенно мировых) первоначальные планы очень меняются, тем более что в таких городах вносятся преднамеренные изменения в план.

План может возникать и в правильных формах, особенно в новых городах, основанных на нетронутой почве. (Сибирь, фабричные города в Германии.)

Иногда такие симметричные города устраиваются рядом со старыми (Русская Рига, новый Рим). В Америке и Австралии возникают новые города или типа шахматной доски (Чикаго, Нью-Йорк), или веером по радиусам, пересекаемым проспектами (Н. Орлеан).

Русские города более однообразны по типу планировки. 1) Наиболее распространена форма – город, разросшийся вокруг кремля. Обычно кремль бывает в центре (Москва). Иногда кремль выдвигается как клюв в остром конце, а город растягивается расширенным сектором (этот тип бывает часто при слиянии двух рек – Псков,

Рязань, Ярославль; видоизмененный тип – в Н. Новгороде и Костроме).

2) В более новых городах кремль заменяется крепостью или острогом, с которых и начинается разрастание города.

Монастыри, как ядро города, играли меньшую роль, чем на Западе, так как были главным образом землевладельцами (г. Тихвин – из монастырского ядра. Москва имеет лапчатый план, она росла кучкованием, объединяясь концентриками. Петербург – тип основанного города, и в плане его всегда сказывается преднамеренная идея).

С ростом города[ов] в России росла и потребность в их благоустройстве. Первые проекты о переустройстве всех городов возникли еще при Екатерине II (эти любопытные материалы имеются при Своде Законов⁴).

Пользуясь этими проектами, писцовыми книгами, строительными архивами, надо изучать план города и создавать коллекцию его планов, собирая и воссоздавая их путем изучения. Это дело историков города, и собрание планов города должно являться необходимым материалом для Музея города.

III лекция

Историческая реконструкция из века в век – это задача градооведа.

Проводиться и отображаться историческая реконструкция должна следующим образом: в музее должно[ы] быть собрано[ы] изображение[я] как старые, так и новые, тут можно помещать и реконструкцию. Нужно вести соби́рание источников в виде хроник, летописей, мемуаров и т. п. Желательно иметь в отделе города весь материал, относящийся к городу, или же хорошую историческую библиотеку.

В вопросах его внутренней жизни нужно изучать население и условия его жизни, племена и социальные условия, классовые отношения. Нужно изучать улицы, в особенности его главную улицу, гостиные двory, площади, гостиницы, станции, парки, жилые дома и их типы, храмы, кладбища.

В музее должна найти место и экономика города. Если в музее будут отражены все экономические стороны города в его п/отделе, то нужно реальные предметы помещать в экономическом отделе музея и исторический материал и диаграммы – в п/отделе города, между п/отделами должна быть увязка и согласованность.

Художественный облик города должен быть отображен в виде церквей, замков, площадей. Нужно изучать и частные дома худо-

жественного творчества, а также триумфальные арки, фонтаны, гауптвахты, отдельные памятники и их комплекты. Памятники архитектуры должны занимать первое место, и нужно изучать и следить за ними в процессе их появления. Все памятники должны быть укреплены в музее в виде снимков, планов, альбомов.

Окрестности города и формы ее оседлости поясняют жизнь города. Пути сообщения, фабричные поселения, промыслы, огороды, дачи, все это поясняет город.

Город как гнездо духовной культуры. Литература, школьная и религиозная жизнь, революционное движение, все это должно найти отображение в отделе города.

При изучении города не нужно забывать окончательного синтеза. Ввиду сживания в однородной обстановке должен сложиться более или менее ясный духовный образ города.

Каждый город – неповторимое существо.

Отражение души города есть заключительная работа градоведа.

IV лекция

Для историка города важно знать собственный город и изучать какой-нибудь большой город, так как в настоящее время особенно сказывается рост влияния крупных городов на культуру целой страны. Мы остановимся на изучении мирового города.

Большой город (...) «мировой» является плодом высокоразвитой культуры, знаком апогея культуры, возникшим в результате действий целого ряда условий (удобное положение, хороший климат, укрепленность, обширность притягиваемой экономически территории, энергия и трудолюбие жителей и т. п.). По Шпенглеру, культурная история – история городов, и высокая культура требует развития города как ее гнезда.

Понятие большого города относительно. В XIX в. в Европе большим городом считался город в 100 тыс. жителей. В древности же города были менее населенными.

Темп городского строительства усиливается с развитием капитализма, образуется многочисленная интеллигенция, обслуживающая технику, производство. Теперь в Западной Европе большая половина населения – горожане (в Германии в 1801 г. только в Берлине было около 100 тыс., а в 1900 г. таких городов было уже 33). Рост городского населения совершается приселением из сельских мест, благодаря переходу от земледелия к обрабатывающей промышленности. В России рост городов шел медленнее, чем на Запа-

де; после смуты многие города захирели, но уже в XVIII в. в Москве было около 200 тыс. жителей. Темп роста города сильно повысился в XIX в. и интенсивно продолжался в XX в., когда Россия вошла в общее течение урбанизации.

Могущественное воздействие мировых городов все увеличивается. Концентрация населения в немногих пунктах служит тенденцией нового времени. Теперь мировым городом считается город с населением в миллион. (Таких насчитывалось в XX в. 7 в Европе.) Характерно, что высокая городская культура успешнее всего развивается в умеренном поясе Северного полушария, где сосредоточены крупные города. Интересно движение крупных мировых центров в Старой Европе от Средиземного моря к северу, что указывает на преодоление человеком природы.

Город является очагом культуры, признаком ее появления и двигателя ее. Мировой город – высший тип городского начала. В нем синтез цивилизации, но в нем заключается и угроза кризиса, он часто принимает уродливые формы. О. Шпенглер в «Закате Европы»⁵ говорит о смене культур замкнутого типа, не способных к самообновлению. Город – цветок культуры, но в мировом городе Шпенглер видит зачатки упадка, симптом разложения. Каменный исполин стоит на конце культуры, в нем диктатура денег, мышление в деньгах. [Ф]аталистический ход эволюции приводит к тому, что в мировом городе сосредоточивается весь ход всемирной истории, он высасывает все творческие силы страны и каменеет в своем самодавлении, теряя внутреннее единство и смысл. Гражданин мирового города отравлен им. Нарушается здоровое взаимоотношение с деревней, город отделяется от нее и обречен на гибель. Построение Шпенглера основано на наблюдении современных уродливых форм капиталистического строя после войны. Жан Брунн⁶ также подчеркивает истощающее влияние мирового города на население страны, жизни его засчет деревни и притока сил извне; называет такие города «людоедами», подчиняющими рабочие массы. Капиталистический класс живет в них не индустрией, а спекулятивной торговлей. Но он не делает фатально пессимистических выводов, как Шпенглер. К. Бюхер⁷ оптимистически оценивает роль крупных городов, т. к. они подчиняются государству. Нормально такие города должны жить индустрией, являются центрами культуры. Хотя в их строе много уродливых форм, но как высшая культурная форма город сумеет активно преодолеть их, руководить социальной жизнью. В русских городах отрицательные стороны мировых городов не доросли еще до таких форм, как на Западе. Капиталистический строй еще не успел разъединить город от страны. Задача нынешнего правительства в том, чтобы выработать солидарность, союзность города с деревней. Поэто-

му необходима работа – изучение русского города в прошлом и настоящем. Эту работу должны проводить краеведы, а музей города должен быть средством закрепления этого изучения. Не будем останавливаться на технике устройства музеев по истории города, а выясним некоторые основные принципы. Должно ли устраивать самостоятельные музеи города или только отделы города в музеях. В крупных городах необходимы особые отдельные музеи города, желательно устройство их в областных городах, но по недостатку возможностей приходится ограничиваться отделом города в краевом музее.

Категории экспонатов в отделе города:

- 1) карты старые и вновь составляемые – исторические и географические; общие и детальные;
- 2) планы общие и районные, старинные и составленные теперь, планы зданий, сооружений;
- 3) картины города (масло, акварель, пастель), фотографии, зарисовки, панорамы, бытовые виды и схемы – словом, географический изобразительный материал;
- 4) подлинный вещевой материал (обломки разрушенных зданий, детали памятников). Модели и муляжи;
- 5) книги и рукописные документы – акты, дипломы, плакаты, газеты, относящиеся к жизни города; интересно собирать старинные каталоги книг и устанавливать историю книгособирания. Желательно установить контакт с местным архивом;
- 6) диаграммы и таблицы.

Весь материал должен быть сгруппирован возможно удобнее для пользования. О расположении материала в музее по истории города – два принципа: 1) систематический и 2) синтетический в живых комплексах (по категориям предметов). Синтетический принцип нагляднее и лучше; он с успехом применяется в некоторых музеях (Центр[альный] географический музей⁸, опыты в этнографических музеях). Объект музея города – город – является своеобразным синтезом, и образ его рассыпается при расчленении по отделам. Но синтетический принцип часто невозможно провести по недостатку места и материала. Приходится ограничиваться систематическим расположением, делая опыты по созданию отдельных интерьеров[в] комплексов. В музее город только отражается, и коррективом к нему служит то, что город находится рядом с музеем и туда возможно делать экскурсии. В музее ценны попытки реконструкции, воспроизведения жизни города. Другой важной поправкой к отделу города должны служить временные выставки, которые желательно устраивать по синтетическому принципу, привлекая помимо музейных коллекций материал из частных рук. Такие выставки важны для использования музея как просветительно-

го учреждения. Музей должен проводить музейные экскурсии по своему материалу, которые должны служить подставкой для экскурсий по городу. Жизненность музея измеряется количеством и качеством его экскурсий. Музей является сосредоточением материала по истории города и должен быть помимо экспозиционных зал оборудован лабораториями для научной работы, должен вести семинарии и подготовку молодых музееведов. Музей – центр научно-исследовательской работы и центр просвещения, идущего в широкие круги.

Издательская деятельность музея города состоит из издания монографий по истории города и по отдельным темам, издания путеводителя по городу и критического издания памятников по истории города.

Прошлое и настоящее нераздельны – для созидательности работы нужны градоведы в различных краеведческих гнездах, изучающие историю города и строящие его музей по научному, достоверному знанию, но не замыкаясь и оказывая просветительное воздействие на широкие круги.

Примечания

- ¹ Понимая город как «живой организм», И.М. Гревс и Н.П. Анциферов выделяли анатомию, физиологию и психологию города.
- ² *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
- ³ Там же.
- ⁴ Свод законов Российской империи: В 15 т. Изд. 1-е. СПб., 1832.
- ⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1–2. Мюнхен, 1918–1922. Шпенглер Освальд Арнольд Готтфрид (1880–1936), немецкий философ-идеалист, представитель философского течения «философия жизни», публицист.
- ⁶ Брюн Жан (1869–1930), французский географ, один из первых теоретиков французской школы «географии человека», автор термина «социальная география».
- ⁷ Бюхер Карл (1847–1930), немецкий экономист, историк народного хозяйства и статистик, представитель новой (молодой) исторической школы в политической экономии. См., например: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. 5-е изд. Т. 1–2. Пг., 1923.
- ⁸ Центральный географический музей существовал в Петрограде (Ленинграде) в 1919–1941 гг. Его создателем и многолетним руководителем был В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942). Подробнее об этом см.: *Полян П.М.* «Любимое детище» В.П. Семенова-Тянь-Шанского // Природа. 1989. № 3. С. 83–90.

Abstracts

M. Artyushenko

I.E. ZABELIN AND DONSKOY MONASTERY
(ON THE CORRESPONDENCE OF THE PUBLICATION
OF “HISTORICAL DESCRIPTION OF MOSCOW
STAUROPIGIAL DONSKOY MONASTERY” (1865, 1893))

The article considers the history of publishing of “Historical description of I.E. Zabelin Moscow stauropigial Donskoy monastery”. Correspondence between well-known Moscow historian I.E. Zabelin and Donskoy monastery is considered in details. Previously unknown Zabelin’s letters are published, the methods of working with sources as well as his attitude to own labour are discovered.

Key words: Donskoy monastery, I.E. Zabelin, I.E. Zabelin’s letters, “Historical description of Moscow stauropigial Donskoy monastery”, bishop Herman (Osetsky), archimandrite Arkady (Yatsenko), hieromonk Gabriel (Shmelev), publishing monastery’s history.

T. Babanin

“CONSOLIDATION” OF MILITARY GRAVES IN 1940–1960s
AND THE PROBLEMS OF PERPETUATING THE MEMORY
OF FALLEN DEFENDERS OF THE FATHERLAND
(ON THE MATERIALS OF MILITARY CEMETERY
IN THE VILLAGE OF SERGEITSEVO, PUSTOSHKINSKY
DISTRICT OF THE PSKOV REGION)

The article investigates the theme of “consolidation” of military graves in 1940–1960s. It examines the causes and consequences of this process in the Pskov region, the peculiarities of index cards of “consolidated” military graves and their potential as a historical source. The au-

thor compares the lists of deadweight losses that were made during the Great Patriotic war with index cards that appeared in the 1940–1960s. The conclusion is made that “consolidation” of communal graves and reburial often occurred fictitiously, and in fact the remains of fallen soldiers continued to be in the place of death. The author raises the question about necessity of restoration of military burial places destructed through the growth “consolidation”.

Key words: the Great Patriotic war, Pustoshkinsky district, Pskov region, deadweight losses, lost, consolidation of graves, a search team, statistics.

S. Baranova

THE HISTORY OF RESEARCH AND COLLECTING OF MOSCOW ARCHITECTURAL TILES OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the origins of research, conservation and becoming a collectible of Moscow architectural tiles of XVII century. The interest in ceramic tile as an outstanding manifestation of national art and architecture has emerged in the middle of XIX century thanks to the derivation of Russian national restoration school. Study and safekeeping methods of the Moscow architectural tile that was invented by researchers and restorers in the past made it possible to save ceramic tile monuments during the years of mass demolitions in Moscow.

Key words: monument, ceramic tile, decoration, painting over, restoration, collecting, protection of monuments.

E. Chernova

THE HISTORY OF CONFLICT BETWEEN PATRIARCHAL CHURCH AND RENOVATIONIST MOVEMENT IN MOSCOW (1923–1924)

The article considers the ways of formation of conflict between patriarchal Church and renovationist movement in Moscow after patriarch Tikhon release from arrest in June 1923. Patriarch Tikhon was admitted to his duties as head of the Church in accordance with a rejection of “excessive” measures against the Church by the State.

Patriarchal and renovationist Churches were placed under conditions of competition. The article analyses mutual attempts of both organizations to discredit each other in print and on disputes as well as competition for domination under Moscow parishes as main forms of the competition.

Key words: religious reform movement, Moscow parishes, the Moscow diocesan administration, church schism of the XX century, Moscow renovationist movement.

M. Drozdov, E. Maslov

FROM THE HISTORY OF ONE OF THE MOSCOW
MERCHANT FAMILY. H.E. SVESHNIKOV
(AN ATTEMPT TO RECONSTRUCTION
OF THE BIOGRAPHY)

The article discusses the origin and the activity of Evgeny Pavlovich Sveshnikov – representative of the Moscow merchants for so-called “second row”. Better known in the Moscow region than in Moscow, he served for many years at high-level positions at Morozov’s Bogorodsk-Glukhovo manufactory (today the territory of Noginsk). He also was independent, successful businessman and prominent public and sports worker. Sveshnikov’s business and family relations with the outstanding industrialist and the banker N.A. Vtorov are considered.

Key words: Moscow merchants, Bogorodsk-Glukhovo manufactory, management of factories, sports societies, old believers, E.N. Sveshnikov, A.I. Morozov, N.A. Vtorov.

E. Istomina

FORESTRY OF PROVINCES IN THE EUROPEAN RUSSIA
IN THE XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES:
MANAGEMENT ARRANGEMENTS AND PROTECTION

The article considers the forest fund played a significant role in the socio-economic and cultural life of Russia in the XIX – the beginning of XX centuries. During this period government and private forests completely turned into “a profitable property”, the consumption of which grew rapidly without regard to any ethical and legal norms. It analyses the legal framework formation process in the field of forest

management frameworks and State environmental policy. Particular attention to publication of the Regulation “On saving forests” in 1888 as an significant event in the history of forestry in Russia is paid.

Key words: Forest Department, the body of foresters, forest resources, forest cover, forest as a “lucrative property”, Lesoohranitelny law.

M. Kovaleva, M. Shipunova

COMMITTEE GUARDIANSHIP OF RUSSIAN ICONOGRAPHY
(1901–1918): HISTORY AND ACTIVITIES

The article analyses the activities of Committee guardianship of Russian iconography. It reveals the problems of painters’ special education, the revival of traditional icon painting (Mstera, Palekh, Kholui), organization of art collectives working for the painting of the church. It describes the activities of icon-painting workshops, whose products had to compete with “printed” icon. It tells about the Personal edition iconographic script.

Key words: history, S.D. Sheremetev, V.M. Vasnetsov, icon, iconographic script, Palekh, Kholui, Mstera, ancient Russian art, school of icon painting.

V. Kozlov

FROM THE HISTORY OF THE CHURCH LOCAL HISTORY
OF THE EARLY XX CENTURY (MOSCOW SOCIETY
OF FANSIERS OF SPIRITUAL ENLIGHTENMENT
AND ITS CHURCH ARCHAEOLOGY DEPARTMENT
AS A CENTRE OF LEARNING OF MONUMENTS
OF ECCLESIASTICAL TRADITION)

The article analyses the activities of Church archeology department (1900–1918) of Moscow society of fansiers of spiritual enlightenment for the study and preservation of monuments of ecclesiastical tradition (icons, church utensils, church architecture, etc.). It briefly observes background of the Department, its direction and forms of activity, its results. Compiled by the author “List...” has independent value. It is concluded that the Society has made significant contribution to the development of church local history as well as to the study, preservation

and population of monuments of ecclesiastical tradition during the period of its existence. Some methods have been used in the process of activities for monuments preservation of Central State Restoration workshops and Comission “Old Moscow” in 1920s.

Key words: Moscow Society of fansiers of spiritual enlightenment, church archeology department, protection of monuments of antiquity church, church local history of early twentieth century, N.A. Skvortsov, N.D. Izvekov.

V. Pavlenko

THE CENTENARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812. A YEAR LATER

The present research continues the survey of the 100-year anniversary of the 1812 War, celebrated in Russia in 1912. This is the first work that shows, basing on the archive documents and press, that a year after the large-scale celebrations of the 100th anniversary in 1912, Russia continued to immortalize the 1812 War’ heroes by erecting new monuments and restoring the old ones.

Key words: the centenary of the patriotic war of 1812, centenary, Borodino field, Nikolai II, parades, prayers, monuments.

A. Pashkov

MARFA IVANOVNA ROMANOVA’S EXILE TO ZAONEZHIE PENINSULA IN HISTORICAL MEMORY AND LOCAL HISTORIOGRAPHY OF KARELIA RESIDENTS FROM XVII TO THE MIDDLE OF XIX CENTURY

The article considers Olonets province (gubernija) people’s perception of boyarynia Marfa Romanova (mother of the first Tsar of Romanovs dynasty Michael), exiled to the village of Tolvuya in Zaonezhie Peninsula at 1601–1605. When Michael was elected as a Tsar in 1613, he rewarded 12 Zaonezhie peasants with tax exemption charters for the support of his mother during her exile. The legends about Marfa Romanova’s exile had already originated in XVIIth century. This theme was developed in Northern Russian manuscript book-learning. In XVIIIth and the First half of XIXth centuries many

historians wrote about Marfa Romanova's exile to Zaonezhie. It was very important that tax exemption charters handed to Zaonezhie peasants were published in Imperial Archaeographic commission issues. In 1830 exiled poet and Decembrist Feodor Glinka published his poem "Karelia or the Imprisonment of Marfa Ivanovna Romanova". Since the late 1830s local history publications about Marfa Romanova's exile had begun to appear.

Key words: historical consciousness, Marfa Romanova, political exile, Zaonezhie Peninsula, Study of Local History, Imperial Archaeographic commission, Feodor Glinka.

D. Plakhuta

THE FIRST OMSK FORTRESS (1716–1768): THE STAGES OF CONSTRUCTION, CARTOGRAPHY

Founded on the boundary between the Russian empire and the lands of nomadic peoples, the Omsk fortress played an important role in the Russian settlement of Siberia. However its shape, size, location and date of the foundation of the first Omsk fortress (1716–1768) remain controversial. The analysis of the fortress maps and written sources allows defining three types of fortifications which represent stages in the development of the first Omsk fortress. The common feature that all three types of the fortresses share is the desire of the constructors and builders to settle on the right bank of the Om River. The fortress survived a number of reconstructions, shoreline erosion of the Irtysh and the Om rivers, high spring floods, and change of linear and radial developments.

Key words: the first Omsk fortress, I.D. Bucholtz, Siberia, Irtysh river, Om river, the conquest of Siberia, a Russian fortress in Siberia in the XVIII century.

A. Sirotkin

PLAGUE IN MOSCOW IN 1770–1772, THE SANITARY MEASURES OF THE GOVERNMENT AND THE MOSCOW AUTHORITIES

This article analyses the sanitary measures took by Moscow and the central government to fight the plague epidemic in 1771. The article reveals the theme of the impact of health interventions on the process

of improvement of life of Moscow citizens in the second half of the XVIII century. The author considers the practical implementation of the taken decisions, the degree of efficiency of interaction management structures and personal role of government officials in the elimination of the epidemic.

Key words: Moscow, plague, sanitary measures, government agencies, sewage, landscaping.

A. Smirnova

“THE EXPERIENCES OF THE CONSTRUCTION
OF THE CITY DEPARTMENT”
(FROM THE DOCUMENTARY HERITAGE OF I.M. GREVS)

The published document is the abstracts of the lectures of the city historian I.M. Grevs (1860–1941) for the III Museum courses of Narkompros in Moscow in 1926. The 1920s had become the most important period of the native kraevedenie and gorodovedenie development. The representatives of university and academic science laid the bases of the theory and the methodology of the two scientific schools for continuing the pre-revolutionary traditions of science. The main principles of the foundation of the city department in the museum on the basis of the complex study of the city and of the reflection in the exhibition of the city image are discussed in the published abstracts. Due to the main concepts of the study of cities, those typology and the typical terms of the formation and the development are analysed.

Key words: kraevedenie, gorodovedenie, city, world city, city museum, core of city, city plan, landscape, culture.

K. Smirnova

MOSCOW PREOBRAZHENSAYA OLD BELIEVERS
COMMUNITY IN 1918–1919 (THE DOCUMENTARY
HERITAGE FROM THE ARCHIVE STOCKS
OF CENTRAL STATE ARCHIVE OF MOSCOW REGION)

The published documents are devoted to the history of Moscow Preobrazhenskaya Old Believers community, the one of the oldest Old Belief centre. The documents are characterized the changes which

took place in the life of community in the first years of Soviet power, 1918–1919. All these documents are the part of the individual archive file which is kept in the archive stock of Moscow Soviet of workers and peasants deputies (№ 66) in the Central state archive of Moscow region. Thanks to these documents we can reconstruct different aspects of the community's life and characterize state's attitude to the Old Believers.

Keywords: Moscow Phedoseevskaya Preobrazhenskaya Old Believers community, Soviet of community, sacred object, Preobrazhenskoe graveyard, staropatitsa of Moscow, Preobrazhenskiy Bogadelenny House.

K. Smirnova

THE TEMPLE OF THE SAVIOUR OF PREOBRAZHENIYA
IN PREOBRAZHENSKOE. HISTORY.
MEMORIAL CHARACTER

In this article we are talking about the temple of Preobrazheniya of Lord in Preobrazhenskoe, which gave the village its name. Thanks to security documents we can follow the history of Preobrazhenskiy temple from the first mention while in the second half of XVIIth century to its destroying in the second half of XXth century, in the year 1964. In the fate of temple we can assign three periods: the first tent's church, wooden and stone temple. For the time of its existence the temple was reconstructed time after time and new constructions was appeared. Preobrazhenskiy temple is connected with history of medieval royal residence and history of Russian Guards in Preobrazhenskoe. Everyday life of the temple of the Saviour of Preobrazheniya the most important events of its history, the most valuable contributions and gifts are discussed in the article. Special attention is devoted to the fate of the temple in the 1910–1920s and the circumstances of its destroying in the 1960s.

Key words: temple of the Saviour Preobrazheniya, village Preobrazhenskoe, Preobrazhenskiy Guards regiment, temple of Alexey metropolitan in Olginskiy children's shelter, church utensils, Preobrazhenskoe religious society, Statute of society, parish, community of believers.

A. Zhukova

PARISH SCHOOL AT ST. NOCKOLAS' CHURCH
IN PYZHY IN THE CULTURE AND HISTORY
OF MOSCOW (1884–1918)

In the article the history of the foundation of the parish school at St. Nickolas' church in Pzhy is traced and the approach to the educational and upbringing process is analysed. The author highlights the role of the school in the development of primary parish education in Moscow and reveals the meaning of the school for the historical and cultural life of the city.

Key words: parish school, Moscow parish schools, eparchial council on educational questions, Orthodox Moscow eparchial Kirill-Mefody brotherhood, pedagogical meetings of Moscow church school teachers, religious and ethical public readings, A.D. Italinsky, bishop Parfeniy (Levitsky), martyr P.V. Sokolov, D.M. Strukov, A.N. Karasev, P.N. Rakhmanin, I.A. Lyamin, N.I. Lyamin, E.S. Lyamina, I.E. Gavrilov, V.F. Arshinov.

Сведения об авторах

Артюшенко Мария Вячеславовна – учитель истории Центра образования № 1496, ioanna02@mail.ru

Бабанин Тарас Валентинович – преподаватель кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, t_babanin@mail.ru

Баранова Светлана Измайловна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Московского государственного объединенного музея-заповедника, svetlanbaranova@yandex.ru

Дроздов Михаил Сергеевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник филиала Института энергетических проблем химической физики Российской академии наук в г. Черноголовке, drozdov@biner.ac.ru

Жукова Анна Сергеевна – аспирант кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, annazhukova88@gmail.com

Истомина Энесса Георгиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, krik-iai@mail.ru

Ковалева Марина Дмитриевна – доцент кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, krik-iai@mail.ru

Козлов Владимир Фотиевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, krik-iai@mail.ru

Маслов Евгений Николаевич – руководитель проектной группы проектно-строительной фирмы «Надежда» в г. Ногинске, wmaslow@yandex.ru

Павленко Виктория Викторовна – заведующая экспозиционно-выставочным отделом музеев Московского Кремля, pavlenko@kremlin.museum.ru

Пашков Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета, pashkov@psu.karelia.ru

Плахута Денис Олегович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, хранитель фонда «Оружие. Драгоценные металлы. Нумизматика. Бонистика» Омского государственного историко-краеведческого музея, plahuta2@rambler.ru

Сироткин Александр Сергеевич – аспирант кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, sirotkin-aleksan@mail.ru

Смирнова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой москвоведения РГГУ, первый заместитель председателя Союза краеведов России, krik-iai@mail.ru

Смирнова Ксения Александровна – аспирант и старший лаборант кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, ksenija_smi@mail.ru

Чернова Елизавета Леонидовна – аспирант кафедры региональной истории и краеведения РГГУ, kraevist@rambler.ru

Шитунова Мария Васильевна – методист 1-й категории по музейно-образовательной деятельности Государственного исторического музея, krik-iai@mail.ru

General data about the authors

Artyushenko Maria V. – history teacher, Educational Centre № 1496,
ioanna02@mail.ru

Babanin Taras V. – lecturer, Department of Regional and Local History,
Russian State University for the Humanities, t_babanin@mail.ru

Baranova Svetlana I. – Ph.D. in Art History, senior researcher, Moscow
State United Museum-Reserve, svetlanbaranova@yandex.ru

Chernova Elizaveta L. – postgraduate student, Department of Regional
and Local History, Russian State University for the Humanities,
kraevist@rambler.ru

Drozdov Mikhail S. – Ph.D. in Physics and Mathematics, senior
researcher, Institute of Energy Problems of Chemical Physics of the
Russian Academy of Sciences (branch, Chernogolovka), drozdov@
binep.ac.ru

Istomina Enessa G. – Dr. in History, chief researcher, Institute of Russian
History of the Russian Academy of Sciences; professor, Department
of Regional and Local History, Russian State University for the
Humanities, krik-iai@mail.ru

Kovaleva Marina D. – associate professor, Department of Regional and
Local History, Russian State University for the Humanities, krik-
iai@mail.ru

Kozlov Vlavimir F. – Ph.D. in History, head, Department of Regional
and Local History, Russian State University for the Humanities,
krik-iai@mail.ru

Maslov Evgeny N. – head, design group, Design and Construction
Company “Nadezhda” (Noginsk), wmaslow@yandex.ru

Pavlenko Victoria V. – head, Exhibitions Department, Moscow Kremlin
Museums, pavlenko@kremlin.museum.ru

Pashkov Alexander M. – Dr. in History, professor, head, Department
of the pre-1917 Russian History, Petrozavodsk State University,
pashkov@psu.karelia.ru

Plakhuta Denis O. – Ph.D. in History, leading researcher, keeper, Fund «Weapons. Precious metals. Numismatics. Bonistika», Omsk State Museum of History and Regional Studies, plahuta2@rambler.ru

Sirotkin Alexander S. – postgraduate student, Department of Regional and Local History, Russian State University for the Humanities, sirotkin-aleksan@mail.ru

Shipunova Maria V. – Methodologist of the 1st category on museum and educational work, State Historical Museum, krik-iai@mail.ru

Smirnova Alexandra G. – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Moscow History, Russian State University for the Humanities; first assistant of the head, Union of Russian Local Historians, krik-iai@mail.ru

Smirnova Ksenia A. – postgraduate student, senior secretary, Department of Regional and Local History, Russian State University for the Humanities, ksenija_smi@mail.ru

Zhukova Anna S. – postgraduate student, Department of Regional and Local History, Russian State University for the Humanities, annazhukova88@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Панкова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 16,8. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 130

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru